

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

24

Вестник АЛЬЯНС-АРХЕО

24

Москва
Санкт-Петербург
2018

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 24. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. — 145 с.

ISBN 978-5-98874-150-3

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор С. Н. Кистерев

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

ISSN 2415-3273

ISBN 978-5-98874-150-3

© ООО «Альянс-Архео», 2018

*Светлой памяти Сергея Николаевича Азбелева,
выдающегося исследователя русского летописания*

М. И. Жих

О СООТНОШЕНИИ «НОВГОРОДСКОЙ» И «ЛАДОЖСКОЙ» ВЕРСИЙ СКАЗАНИЯ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В НАЧАЛЬНОМ РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

I. «Новгородско-ладожская» альтернатива начального летописания и варианты ее решения в историографии

В летописях, наиболее авторитетных с точки зрения отражения в них начальных этапов русского летописания, Сказание о призвании варягов содержит существенное разнотечение: если в том, что Трувор сел в Изборске, а Синеус стал князем белоозерским они едины, то в вопросе определения города, в котором воцарился старший из варяжских братьев, Рюрик, решительно расходятся.

Во всех списках Новгородской первой летописи младшего извода (далее — НПЛ) городом, в котором обосновался Рюрик по своему приходе к словенам, назван Новгород.¹ Вариант Повести временных лет (далее — ПВЛ), отраженный в воспроизводящих общий протограф Лаврентьевской² и утраченной Троицкой³ летописях, содержит про-

¹ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 106, 434, 514; Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2010. С. 109.

² ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 19–20.

³ Реконструировавший текст Троицкой летописи М. Д. Приселков отмечал: «Чеботарев-Черепанов указывают: в Т. (в Троицкой. — М. Ж.) рукописи к слову Рюрик прибавлено „съде Новъгородъ“. Карамзин (т. I, примеч. 278) указывает: в Пушкин... (в Лаврентьевском списке. — М. Ж.) название места, где княжил Рюрик, пропущено; в Троицком (что достойно замечания) также; но вверху приписано, над именем Рюрика, Новг... Миллер, исправляя печатный текст К (Кенигсбергского и Радзивиловского списка. — М. Ж.), прямо после слова Рюрикъ пишет: а другии Синеусть... Очевидно, приписка Новг. — другою рукою» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 58. Примеч. 3).

пуск названия города, в котором стал княжить Рюрик. Видимо, их общий источник в соответствующем месте был поврежден или содержал какой-то дефект.

В близких между собой и отражающих общую традицию Ипатьевском и Хлебниковском,⁴ а равно в Радзивиловском и Московско-Академическом⁵ вариантах ПВЛ городом, в котором сел Рюрик, прибыв в землю словен, названа Ладога. В них же имеется пассаж, отсутствующий как в НПЛ, так и в редакциях ПВЛ по Лаврентьевскому и Троицкому спискам, рассказывающий о том, как после смерти Си-неуса и Трувора, Рюрик из Ладоги перебрался к Ильменю, где основал Новгород.

Исследователи давно заметили данное противоречие и попытались разрешить его как на уровне текстологическом (какой вариант, «ладожский» или «новгородский», в летописании появился раньше, а какой позже), так и собственно историческим (какой город, Ладога или Новгород, может претендовать на статус «первой столицы» северной группы восточных славян). Выводы при этом у них получились не просто разные, но взаимоисключающие.

О вокнаждении Рюрика в Ладоге писал в «Истории Российской» В. Н. Татищев,⁶ что некоторые современные авторы рассматривают как независимое подтверждение первичности данного варианта в начальном летописании,⁷ с чем решительно невозможно согласиться, поскольку так называемые Раскольничья и Голицынская летописи, на которые опирался Татищев, были близки к Ипатьевскому и Хлебниковскому летописным спискам.⁸ Поэтому безотносительно общего взгляда на данные летописи (обычные списки Ипатьевской летописи или существенно более подробные, чем известные нам, ее варианты),

⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 14–15.

⁵ ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 16.

⁶ Татищев В. Н. История Российской. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 218, 284; Т. 2. М.; Л., 1963. С. 33; Т. 4. М.; Л., 1964. С. 112.

⁷ Мачинский Д. А. 1) Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2002. С. 5–35; 2) Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 466.

⁸ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 256–258; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российской. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 39–53; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 267–276; Толочко А. П. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. С. 102–169; Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 66–73.

применительно к «ладожско-новгородской» альтернативе они никак не могут рассматриваться в качестве независимых свидетельств, поскольку отражают традицию, близкую к Ипатьевской летописи.

Н. М. Карамзин, опираясь на Пространную редакцию «Летописца вскоре патриарха Никифора» в Новгородской Синодальной Кормчей, созданной ок. 1282 г.⁹ и указав, что «ладожский» вариант вокняжения Рюрика присутствует лишь в небольшом числе летописных списков и всем выдает свое позднее происхождение (например, противоречит летописному рассказу об основании Новгорода словенами), сделал однозначный выбор в пользу Новгорода. Ладогу, по мнению историка, опираясь на предание о существование Ладоги во времена Рюрика, внес в текст один из поздних летописцев, располагавший дефектным списком типа Лаврентьевского или Троицкого, в котором название рюриковой столицы было пропущено.¹⁰

Иначе рассуждал С. М. Соловьев. По мнению ученого «по известному правилу, что труднейшее чтение предпочитается легчайшему, особенно, если оно находится в большем числе лучших списков, мы должны признать известие о Ладоге». А предпочел Рюрик Ладогу, полагал историк, потому, что она находилась в начале великого водного пути, в устье Волхова, а не в глубине земли словен, что позволяло Рюрику, с одной стороны, поддерживать непосредственный контакт с заморьем, откуда он был призван, на случай, если в его новой стране что-то пойдет не так (Соловьев напоминает о недавнем изгнании варягов словенами и их союзниками), а с другой — защищать свои владения от нападений других варягов.¹¹

Поскольку методы работы с летописями еще только разрабатывались, а «ладожская» версия присутствует в четырех древнейших редакциях Повести временных лет, данного обстоятельства для многих ученых того времени было достаточно для ее некритического принятия. Поэтому идея о первоначальном вокняжении Рюрика в Ладоге стала в науке XIX в. преобладающей. Ее принимали М. П. Погодин,¹² К. Н. Бестужев-Рюмин,¹³ В. О. Ключевский¹⁴ и другие ученые,

⁹ О Новгородской Синодальной Кормчей см.: Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 217–225; Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII веков. В 2 т. Т. 1: Исследование. СПб., 2017. С. 65–78; Т. 2: Описание редакций. СПб., 2017. С. 65–79.

¹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 94, 241–242. Примеч. 278.

¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 129–130.

¹² Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3. М., 1846. С. 46–57.

¹³ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история до эпохи Ивана Грозного. М., 2015. С. 252.

¹⁴ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987. С. 153.

несмотря на то, что в изданный в 1841 г. первый том «Полного собрания русских летописей», передававший ПВЛ по Лаврентьевскому списку, относительно Рюрика была введена конъектура «съде Новъгоро́дъ», которая потом воспроизводилась во всех последующих его изданиях (1926, 1962, 1997 гг.).

Перелом в изучении «новгородско-ладожской» альтернативы, равно как и истории всего начального русского летописания в целом, произошел благодаря работам А. А. Шахматова, который следующим образом реконструировал историю Сказания о призвании варягов на общем фоне истории русского летописания XI — начала XII в. Впервые на страницах летописей она появилась в древнейшем новгородском своде середины XI в., откуда позднее перешла в киевское летописание. Древнейшим из сохранившихся вариантов варяжской легенды является тот, который читается в НПЛ. Он восходит к предшествующему ПВЛ киевскому летописному своду середины 1090-х годов, который А. А. Шахматов назвал «Начальным» и условно связал с игуменом Киево-Печерского монастыря Иваном. Значительные фрагменты из этого свода сохранились в составе НПЛ и связанных с ней летописей.¹⁵ Соответственно, первой на страницах летописей появилась

¹⁵ Шахматов А. А. 1) История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002. С. 23–31; 2) История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 6–8, 31–70, 175–184, 380–412, 428–464. Гипотеза А. А. Шахматова о Начальном своде была принята многими летописеведами: Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 70–73; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 36–39; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 53–57; Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод. Текстологический комментарий // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 3–26; Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 47–53. С другой стороны, она оспаривалась как некоторыми современниками А. А. Шахматова (см., например: Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. 1923. Т. 26. С. 45–102; 1924. Т. 27. С. 207–251), так и периодически в последующей историографии (см., например: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 85–110; Аleshkovskiy M. X. Повесть временных лет. Из истории создания и редакторской обработки. М., 2015. С. 76–99). Ныне против гипотезы о существовании Начального свода активно выступают А. П. Толочко (Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 20–34, 40–43) и Т. Л. Вилкул (Вилкул Т. Л. 1) Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. 2003. Vol. 11. С. 5–35; 2) Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015). По мнению этих исследователей, первым русским летописным сводом была именно ПВЛ, написанная Сильвестром, а начальная часть НПЛ представляет собой ее вторичное переработанное сокращение. Полемизирует с критиками А. А. Шахматова и отстаивает гипотезу Начального свода, внося в нее определенные модификации, А. А. Гиппиус (Гиппиус А. А. 1) «Рекопша дроужина Игореви...». К лингвотекстологической стратификации

именно «новгородская» версия прихода Рюрика. Она же читалась и в двух древнейших редакциях ПВЛ, первая из которых (созданная в 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором) как таковая до нас не дошла, а вторая (1116 г., созданная игуменом Выдубицкого монастыря святого Михаила Сильвестром) отражена в Лаврентьевском и Троицком списках, протограф которых сообщал, что Рюрик занял княжеский стол в Новгороде.

Версия с восхождением Рюрика в Ладоге появилась только в третьей редакции ПВЛ (1118 г., созданной неизвестным нам по имени летописцем, близким, вероятно, к сыну Владимира Мономаха Мстиславу и, возможно, прибывшим с ним в Киев из Новгорода), представленной Ипатьевским и Хлебниковским списками,¹⁶ и связана с работой летописца, который в статье 6604 (1096) г. повествует о своей беседе с новгородцем Гюлятом Роговичем, а в статье 6622 (1114) г. рассказывает о своем посещении Ладоги. Именно он записал какое-то ладожское предание о Рюрике и внес его в летопись. Что касается Рад-

Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. № 25. С. 147–181; 2) До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 36–62).

¹⁶ О трех редакциях ПВЛ см.: Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 103–136, 528–554; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 48–49. В дальнейшем среди исследователей истории летописания не было единства по вопросам о том, кого считать автором основного текста ПВЛ (Нестора или Сильвестра) и сколько редакций отражено в дошедших до нас летописных списках. Так, например, согласно А. Г. Кузьмину, автором основного текста ПВЛ был Сильвестр, имя которого читается в статье 6618 (1110) г. Лаврентьевской летописи, он же, по мнению ученого, и есть «ученик Феодосия», упомянутый в статье 6599 (1091) г. (Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 155–183). В качестве примера противоположной позиции приведем суждение П. П. Толочко, согласно которому Сильвестр был не редактором, а просто переписчиком летописи, и существовало только две редакции ПВЛ: «несторова» и редакция 1118 г. (Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. С. 76–80). В свою очередь, Л. Мюллер (Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 165–182) и О. В. Творогов (Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203–209) считают, что не существовало редакции 1118 г., как ее понимал Шахматов. Но как бы ни решался вопрос о количестве (две или три) и авторстве редакций ПВЛ, общий вывод А. А. Шахматова, согласно которому текст протографа Лаврентьевского и Троицкого списков оказывается в целом, с точки зрения истории текста ПВЛ, предшествующим тексту протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков, на наш взгляд, является убедительно обоснованным. Новое обстоятельное рассмотрение вопроса о редакциях ПВЛ см.: Гиппиус А. А. 1) К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2) К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.

зивиловского и Московско-Академического списков, то, хотя в целом они отражают вторую редакцию ПВЛ, в их протограф оказались включены и значительные вставки из третьей редакции, что объясняет проникновение на их страницы «ладожского» варианта варяжской легенды.¹⁷

Выводы А. А. Шахматова относительно первичности в летописании «новгородской» версии Сказания о призвании варягов были приняты М. Д. Приселковым¹⁸ и Д. С. Лихачевым.¹⁹

Иное понимание соотношения списков ПВЛ, а соответственно и «новгородско-ладожской» альтернативы попытался обосновать С. А. Бугославский, основные работы которого, к сожалению, долго считались утраченными и были изданы относительно недавно. По мнению ученого, если в Лаврентьевском и Троицком списках, с одной стороны, и в Радзивиловском и Московско-Академическом списках, с другой, одно и то же место читается по-разному, предпочтение надо отдавать чтению, присущему также в Ипатьевском и Хлебниковском списках, отражающих иную традицию. В соответствии с этой логикой С. А. Бугославский посчитал исконным для ПВЛ «ладожский» вариант вокняжения Рюрика.²⁰

Сходным образом рассуждал и Л. Мюллер. Указав на то, что соотношение НПЛ и ПВЛ до конца не ясно и должно проверяться в каждом конкретном случае, ученый заключил, что ничто не свидетельствует о первоначальности «новгородской» версии Сказания о призвании варягов. Скорее, малоизвестная Ладога могла быть заменена позднейшими летописцами на хорошо известный Новгород, чем наоборот. Поскольку из пяти древнейших списков ПВЛ в четырех, причем относящихся к разным группам (к одной — Ипатьевский и Хлебниковский, к другой — Радзивиловский и Московско-Академический), читается «ладожская» версия, то «текстологически ладожский вариант стоит вне всяких сомнений», а поскольку Ладога древнее Новгорода и во времена Рюрика обладала «высоким статусом», то и «исторически он (ладожский вариант. — М. Ж.) совершенно убедителен».²¹

¹⁷ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 530–532.

¹⁸ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 48–49.

¹⁹ Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 404–405.

²⁰ Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1. М., 2006. С. 41–42.

²¹ Мюллер Л. Понять Россию. С. 173–175. В новейшей историографии отстаивают идею о первичности «ладожской» версии при помощи рассуждений, близких к позиции С. А. Бугославского и Л. Мюллера Д. А. Добровольский (*Добровольский* Д. А. Вопрос об основании Новгорода в летописании XI — начала XII в. // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 25–26) и Д. Островский (*Ostrowski D. Where was Rurik's first seat according to Povest' vremennykh let?* // ДРВМ. 2008. № 3 (33). С. 47–48).

В построениях С. А. Бугославского и Л. Мюллера, к сожалению, не учитываются явные текстологические признаки влияния традиции, представленной в Ипатьевской летописи на протограф летописи Радзивиловской (см. ниже пример того, как в разных списках указано авторство ПВЛ). Сложный текстологический вопрос эти ученые решают чисто «арифметическим» подсчетом того, что говорится в большинстве списков, не рассматривая предметно-текстологически историю бытования соответствующего текста. Удивляет и фактически априорное исключение из текстологического сопоставления варианта варяжской легенды, читающегося в составе НПЛ. Если согласиться с Л. Мюллером, что «в каждом случае должно проверяться, можем ли мы делать вывод о тексте ПВЛ на основе текста Новгородской первой летописи, и этот вопрос может быть разрешен только в каждом конкретном случае»,²² то почему бы как раз и не выполнить такую проверку на Сказании о призвании варягов?

Специальную статью о происхождении варяжской легенды посвятил А. Г. Кузьмин. В своей работе 1967 года он пришел к следующим выводам: Сказание о призвании варягов исторически недостоверно и восходит к некоему ладожскому преданию; оно отсутствовало в начальном русском летописании (как киевском, так и новгородском, поскольку в варяжской легенде говорится о «прозвании» руси от варягов, в то время как во всех известиях НПЛ XII — начала XIII в. «русью» называется Киевское Приднепровье) и впервые было внесено в летопись только около 1118 г. Древнейшим вариантом варяжского сказания, по мнению историка, является именно «ладожский», в Лаврентьевской летописи текст испорчен, а в НПЛ «отчасти испорчен, отчасти отредактирован». Замена Ладоги на Новгород была произведена позднее. Именно в «соперничестве двух северных городов», вероятно, и «заключался первоначальный смысл всего Сказания».²³ Эти выводы ученый повторил в своей книге, посвященной рассмотрению летописей как источника по истории Древней Руси.²⁴

Позднее А. Г. Кузьмин несколько изменил свои взгляды в сторону признания общей исторической достоверности событий, описанных в Сказании о призвании варягов, но остался убежден в приоритете «ладожской» версии.²⁵ В построениях ученого представляется заслуживающей серьезного внимания постановка вопроса о влиянии нов-

²² Мюллер Л. Понять Россию. С. 173.

²³ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 42–53.

²⁴ Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 106–111.

²⁵ Кузьмин А. Г. Начало Руси. М., 2003. С. 196, 304–305, 334.

городско-ладожского политического соперничества XI–XII вв. на формирование двух версий Сказания о призвании варягов.

К «ладожской» версии склонился и М. Х. Алешковский, исследование которого, написанное в 1967 г., в полном виде, подобно работе С. А. Бугославского, было опубликовано только через много лет после смерти. По мнению ученого, Сказание о призвании варягов восходит к летописи 1070-х годов, которую он называет «Начальной». Обратив внимание на то, что в НПЛ читается рассказ о захоронении Олега в Ладоге, и возведя его к той же летописи (в то время как в ПВЛ место захоронения Олега локализуется в Киеве, что, по мнению ученого, не согласуется с идеей о том, что «ладожская» версия была введена в летопись только на этапе создания одной из редакций ПВЛ), М. Х. Алешковский сделал вывод, что в «Начальной» летописи имелся круг сведений не только о Новгороде, но и о Ладоге*. Из этого историк заключил: «вполне вероятно позднее происхождение его (рассказа о Рюрике. — М. Ж.) новгородской версии, что соответствует и исторически более раннему возникновению Ладоги», хотя затем оговорил, что «возможны оба варианта решения вопроса о соотношении ладожской и новгородской версий».²⁶

Что касается сообщаемой НПЛ версии о могиле Олега в Ладоге, то полностью это место выглядит так: «Иде Олегъ (из Киева после похода на Византию. — М. Ж.) к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же сказаютъ, яко идущю ему за море, и уклону змия в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ».²⁷ То есть, как видим, на первое место здесь поставлен Новгород. Посещение же Вещим Олегом Ладоги, по современным данным, вполне возможно, так как именно в его время, в третьей четверти IX в., после того как прекратила существование Любша, в этом городе возводится каменная крепость (открытая в 1974 г.,²⁸ то есть уже через несколько лет после написания работы М. Х. Алешковского; до этого Ладога не имела укреплений²⁹), призванная обеспечить Руси прикрытие со стороны Балтики, но это происходило уже в совершенно ином историческом

²⁶ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. С. 227–229.

²⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 109, 435, 515; Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 111.

²⁸ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 23.

²⁹ «Не менее ста лет (с середины VIII до середины IX в.) архаическое раннегородское поселение в Ладоге не имело укреплений и располагалось вокруг гавани, первоначально образованной несколькими (ныне исчезнувшими подземляными напластованиями и фортификацией ладожских оборонительных сооружений) речными рукавами Ладожки/Елены» (Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 450).

контексте, нежели события времен призываия варягов и никак не свидетельствует о том, что Ладога когда-либо могла иметь столичный статус.

Соответственно, вопрос о месте смерти и захоронения Олега, также толкуемый в летописях противоречиво,³⁰ не стоит присоединять к вопросу о варяжском сказании, так как он в летописях никак не коррелируется с варяжской легендой, у него была другая история бытования в начальном летописании. «Ладожский» вариант смерти Олега, видимо, «выпал» из киевских летописей до создания всех известных нам редакций ПВЛ, во всяком случае до создания позднейшей известной нам редакции, представленной Ипатьевским и Хлебниковским списками.

И. Я. Фроянов предположил, что в Сказании о призвании варягов наличествуют два пласта: первый, восходящий к историческим реалиям середины IX в. (когда в Новгород был призван варяжский предводитель с дружиной для помощи в войне одной из сторон, но совершив переворот, он сам захватил власть в городе), и второй, связанный с отношениями между разными (новгородской, псковской, ладожской, киевской и т. д.) городскими общинами в XI — начале XII в., в ходе острой политической борьбы между которыми древняя основа Сказания существенно дополнялась (так, новгородцы, подчеркивая свое первенство, «отдали» мужам своего князя Рюрика Полоцк, Ростов и Белоозеро). Что касается возникновения «ладожской» версии варяжского сказания, то это, по мнению И. Я. Фроянова, развившего соответствующую мысль А. Г. Кузьмина, «была идеологическая акция ладожской общины в ходе борьбы с Новгородом за создание собственной волости».³¹

М. Б. Свердлов рассмотрел варяжское сказание как источниково-ведчески, так и с точки зрения отраженных в нем исторических реалий. Проведя новый текстологический анализ легенды, ученый пришел к выводу о безусловной правоте А. А. Шахматова в вопросе о первичности в летописном тексте «новгородской» версии вокняже-

³⁰ В. В. Мавродин отмечал, что даже в самом Киеве были две «могилы Олега»: на Щековице и у Жидовских ворот. По мнению ученого, «этот разнобой объясняется, возможно, тем, что „могила“ означала „памятник“ и представляла собой холм (могила в смысле „гора“, „холм“, „насыпь“) насыпаемый во время тризны в честь умершего» (Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 235). Таких «могил» могло быть несколько.

³¹ Фроянов И. Я. 1) Исторические реалии в летописном Сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 3–15; 2) Мятежный Новгород. Очерки истории государства, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 75–106; 3) Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 103–140.

ния Рюрика и вторичности версии «ладожской», показав, в частности, что «ладожские» вставки Ипатьевской летописи разрывают литературно целостный текст, читающийся в Лаврентьевской. Отметил М. Б. Свердлов и то обстоятельство, что дефект Лаврентьевского и Троицкого списков с пропуском города, в котором по приходе к словенам обосновался Рюрик «произошел не вследствие намеренного, идеологизированного редактирования, а в результате механической порчи использованного Лаврентием и его предшественниками текста, поскольку отсутствует не только название города, но и необходимый для содержания фразы глагол „съде“».

При этом историк правомерно заключил, что сам по себе факт более позднего попадания на страницы летописей «ладожского» варианта еще не говорит о его меньшей исторической достоверности в сравнении с «новгородским» и данный вопрос должен решаться обращением к историческим реалиям IX в., применительно к которым М. Б. Свердлов считает более вероятным первоначальное возникновение Рюрика в Ладоге и его последующий переход в новую резиденцию в стратегически важном месте у истоков Волхова на Новгородском городище.³²

К сожалению, М. Б. Свердлов не рассмотрел предметно вопрос о том, что собой как тип поселения представляла Ладога середины IX в. с историко-социологической точки зрения и могло ли в принципе такое поселение играть роль какого-то серьезного политического центра. Не сделал этого и В. В. Пузанов, по мнению которого, в сообщаемом Ипатьевской летописью варианте варяжской легенды представлено «отражение исторических реалий, обусловленных длительным процессом урбанизации на севере Восточной Европы. В летописи варяги вначале „срубиша“ Ладогу, а уже потом Новгород. Но ведь действительно, как свидетельствуют археологические данные, Ладога древнее Новгорода».³³ Простого указания на «большую древность» того или иного населенного пункта совершенно недостаточно, необходимо рассматривать социальную типологию поселений, тем более, что если не сам Новгород, то Новгородское городище датируется

³² Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 105–120. Ход рассуждений М. Б. Свердлова повторил В. Я. Петрухин: «С точки зрения лингвистики „новгородская“ редакция (или редакция Начального свода в реконструкции А. А. Шахматова), согласно которой Рюрик сел в Новгороде, является более архаичной, что, впрочем, не отменяет гипотезы о большей исторической достоверности „ладожского“ варианта» (Петрухин В. Я. Русь в IX–X вв. От призываия варягов до выбора веры. М., 2014. С. 114. Примеч. 90).

³³ Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 239.

именно эпохой Рюрика и вопрос о том, какой из этих двух пунктов (Ладога или Городище) мог играть в середине IX в. роль политico-организационного центра политии словен и их союзников, зависит от наличия или отсутствия укреплений, признаков дружинной культуры, плотной земледельческой округи и т. д.

Много лет возглавлявший раскопки Ладоги А. Н. Кирпичников, а следом за ним большинство петербургских археологов, считает доказанным приоритет «ладожской» версии прихода Рюрика как с точки зрения летописных текстов, так и исторических реалий середины IX в.³⁴

Эмоционально в защиту тезиса о «Ладоге — первой столице Руси» выступал Д. А. Мачинский, дошедший до того, что назвал статью усомнившегося в этом известного историка В. А. Кучкина ни много ни мало «явно заказным текстом». Летописную текстологию Д. А. Мачинский не рассматривает, ограничиваясь указанием того, что в четырех из шести древнейших списков ПВЛ и у В. Н. Татищева городом, в котором садится Рюрик, названа Ладога,³⁵ не упоминая работ Шахматова и не задаваясь вопросом о месте данной традиции в общей истории начального летописания.

Так в трудах петербургских археологов сформировалось явление, которое А. А. Селин назвал «староладожским мифом в академическом дискурсе».³⁶

А. А. Гиппиус в своей статье, посвященной «новгородско-ладожской» альтернативе, напомнил, что «текстологическая реконструкция — не демократические выборы, исход которых определяется простым большинством голосов; здесь все зависит от генеалогии списков, их положения в стемме». Соответственно, то обстоятельство, что «ладожский» вариант читается в четырех древнейших списках ПВЛ из шести, сам по себе никоим образом не свидетельствует о его

³⁴ Кирпичников А. Н. 1) Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 39, 49–54; 2) «Сказание о призвании варягов»: Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 9 и сл.; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193; Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб., 2003. С. 7–16; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 447–504.

³⁵ Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. С. 5–35. См. также итоговую статью историка: Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. С. 492–501.

³⁶ Селин А. А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1. С. 117–126.

первоначальности. Попарное восхождение Лаврентьевского и Троицкого, Ипатьевского и Хлебниковского, Радзивиловского и Московско-Академического списков к общим протографам позволяет «уверенно абстрагироваться от существования шести списков и рассматривать соотношение трех протографических сводов». Проведя новый анализ, ученый пришел к заключению, что вывод А. А. Шахматова о первичности «новгородской» версии в летописном тексте является вполне обоснованным.³⁷

Тем не менее, вслед за М. Б. Сверловым, А. А. Гиппиус считает исторически более достоверным «ладожский» вариант восхождения Рюрика: «факт первоначального пребывания Рюрика в Ладоге, оставшийся неизвестным составителю Начального свода и его предшественникам, мог в начале XII в. сохраняться в местном предании», «ладожская» версия была «более конкретной и исторически достоверной, опирающейся на местную традицию».³⁸ Но аргументы, которые ученый приводит в пользу такой позиции, вызывают недоумение. По мнению А. А. Гиппиуса, «Гюрята Рогович, отождествляемый с новгородским посадником начала XII в., был потомком знатного скандинава Регнвальда Ульвсона, родственника жены Ярослава Мудрого Ингигерд, прибывшего вместе с нею в Русь и получившего „ярлство“ Ладогу. По правдоподобному предположению А. Е. Мусина, потомки Регнвальда по традиции сохраняли за собой ладожское посадничество, по крайней мере, до середины XIII в., что делает вероятной принадлежность к вышеназванному роду и посадника Павла... Ввиду этих родственных связей Гюрята, Павел и их сородичи не могли не быть носителями элитарного кланового самосознания, в котором историческая связь с Ладогой должна была играть основополагающую роль. Сохранение (или появление?) именно в этой среде предания о ладожском княжении Рюрика выглядит поэтому глубоко закономерным».³⁹ Тут же, впрочем, ученый делает оговорку: «вполне возможно, что сведения, полученные летописцем в Ладоге, все же несли в себе определенную тенденцию, отражая не столько аутентичную местную традицию, сколько клановые исторические амбиции „ладожан“ как генеалогически обособленной части новгородского (в широком смысле) боярства».⁴⁰

³⁷ Гиппиус А. А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 213–220.

³⁸ Там же. С. 217–218.

³⁹ Там же. С. 219–220.

⁴⁰ Там же. С. 220.

На самом деле о происхождении Гюрьаты Роговича (Рог — обычное древнерусское некалендарное имя,⁴¹ привлечение скандинавских аналогий тут излишне) и ладожского посадника Павла неизвестно ничего. Но особое удивление вызывает то, с каким наивным доверием некоторые ученые относятся к сообщениям скандинавских саг о том, что Ладога была передана в «ярлство» скандинаву Рагнвальду Ульвсону, представляющих собой обычное для данного литературного жанра эпическое преувеличение.

Так, Сага об Эймунде, которая сообщает об этом («Рагнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг (Ладогу. — М. Ж.) как держал до сих пор»), тут же говорит о том, что по завершении усобицы Владимиевичей Ярицлейв (Ярослав Мудрый) стал правителем Хольмгарда (Новгорода), Вартилав (Брячислав) получил Кенугард (Киев), а скандинавский наемник Эймунд начал править в Палтеские (Полоцке), став заодно и главным военачальником Руси: «Эймунд конунг будет также держать у них оборону страны и во всем Гардарики, а они должны помогать ему военной силой и поддерживать его».⁴²

Если доверять сообщению о правлении Рагнвальда в Ладоге, надо доверять и сообщению о разделе Руси между Ярославом, Брячиславом и Эймундом и пересматривать всю политическую историю Руси XI в., на что, насколько нам известно, еще ни один исследователь не решился. А если не доверять остальному, то какие есть основания доверять сообщению о Рагнвальде и Ладоге? Нет никаких источниковедческих предпосылок к тому, чтобы рассматривать данное фольклорное известие, трафаретное для саг, как реальный исторический факт.⁴³

По реальным историческим данным, которыми мы располагаем, уже в первой трети XII в. посадников в Ладогу назначал Новгород, пригородом которого она была. В 6639 (1132) г. новгородцы «даша посадницать... Рагуиловъ в Ладозъ».⁴⁴ И вполне очевидно, что сформировалась подобная практика существенно раньше того момента, когда она впервые (в общем, довольно случайно, ибо даже в новго-

⁴¹ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 337. Известно оно и в других славянских землях: Морошкин М. Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. С. 168.

⁴² Сага об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 103.

⁴³ Нет оснований доверять и варианту, приводимому Снорри Стурлусоном, согласно которому Ладогу (Альдейгьюборг) пожаловала Регнвальду Ульвсону жена Ярослава Мудрого Ингигерда (Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 235).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 23, 207.

родском летописании внутренние дела Ладоги не описываются сколько-нибудь систематически⁴⁵) была упомянута в летописи.

С решительной, и на наш взгляд, справедливой критикой идеи, что Ладога середины IX в. в принципе могла быть каким-то значительным политическим центром, «столицей» некоей политии, выступили Е. Н. Носов и В. Л. Янин. Ученые обратили внимание на оторванность Ладоги от основной территории словен, отсутствие вокруг города освоенной земледельческой округи и т. д., из чего сделали логичный вывод, что столицей северного восточнославянского объединения была не она, а Новгородское городище.⁴⁶

Довольно поверхностно и тенденциозно подошла к решению «новгородско-ладожской» альтернативы Т. Л. Вилкул, попытавшаяся обосновать первичность в тексте ПВЛ «ладожской» версии. Во-первых, исследовательница, руководствуясь своими общими соображениями о соотношении ПВЛ и НПЛ (она не признает существование Начального свода и считает, что в НПЛ представлена поздняя сокращенная переработка ПВЛ) произвольно исключила из текстологического анализа вариант Сказания о призвании варягов, присутствующий в НПЛ. Делать это совершенно недопустимо, поскольку, как верно констатировал А. А. Шахматов, соотношение текстов ПВЛ и НПЛ представляет собой «главный вопрос нашей историографии»⁴⁷ и оно должно предметно рассматриваться в случае каждого конкретного летописного рассказа. Произвольное исключение из рассмотрения текста НПЛ с неизбежностью ведет к выводам, корректность которых сомнительна.

Во-вторых, рассматривая соотношение вариантов варяжской легенды в Лаврентьевском, Троицком, Радзивиловском, Московско-Академическом, Ипатьевском и Хлебниковском списках, Т. Л. Вилкул априорно трактует разницу между ними однозначно в пользу первич-

⁴⁵ Первое (если не считать пассажа об Олеговой могиле) упоминание Ладоги в НПЛ находится под 6613 (1105) г. и сообщает, что новгородцы «того же льта идоша в Ладогу на воину» (ПСРЛ. Т. 3. С. 19, 203). Краткость сообщения не позволяет дать его однозначную интерпретацию, неясно даже, идут ли новгородцы на помочь Ладоге против какого-то внешнего врага или же речь идет о походе новгородцев на саму Ладогу (например, с целью поставить ее под контроль Новгорода или помешать выходу из-под новгородской власти).

⁴⁶ Носов Е. Н., Янин В. Л. К 1150-летнему юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 9–11; Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 107–108.

⁴⁷ Письмо к В. Пархоменко от 2 ноября 1914 г. Цит. по: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 85.

ности «сложной» версии (с «ладожскими» фрагментами) и вторичности «простой» версии (без «ладожских» фрагментов), не замечая, что «ладожские» фрагменты нарушают целостный текст Сказания в Лаврентьевской летописи.

В-третьих, Т. Л. Вилкул игнорирует тот факт, что в Ипатьевском и Хлебниковском списках с их «ладожской» версией отсутствует противоречащий ей пассаж о новгородцах «от рода варяжьска», читающийся в списке Лаврентьевском. В итоге то, что автор назвала проведением «банальнейшей текстологической операции», позволившей ей утверждать, что «в самой ПВЛ присутствует только „ладожская версия“ прихода Рюрика»,⁴⁸ на деле является профанацией рассматриваемой темы.

Подводя итоги историографического обзора, можно констатировать, что надежное общепринятое решение «новгородско-ладожской» альтернативы в науке отсутствует, второй век ведутся активные дискуссии, и в целом позиции ученых распределились между тремя вариантами решения проблемы:

1) Первой в тексте летописей появилась «новгородская» версия вокняжения Рюрика, а «ладожская» попала на страницы летописей позднее. «Новгородская» версия является также и лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

2) Первой в тексте летописей появилась «ладожская» версия вокняжения Рюрика, а «новгородская» попала на страницы летописей позднее. «Ладожская» версия является также и лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

3) Первой в тексте летописей появилась «новгородская» версия вокняжения Рюрика, а «ладожская» попала на страницы летописей позднее. Тем не менее, «ладожская» версия является лучше отражающей конкретно-исторические реалии середины IX в.

Что бросается в глаза при обозрении дискуссии о «новгородско-ладожской» альтернативе начального летописания, так это то, что она уже много десятилетий идет на материале одних и тех же летописных списков. Т. Л. Вилкул и вовсе провозгласила отказ от попыток расширения источников базы: «в нашем случае исследователь имеет в своем распоряжении почти тот же набор доказательств, которым обладали Карамзин и Погодин полтора-два века назад».⁴⁹

Никто не предпринял попытки расширить круг привлекаемых источников и выявить такие летописные списки, в которых может читаться текст Сказания о призвании варягов, близкий к тому, ко-

⁴⁸ Вилкул Т. Л. Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. 2008. XVI. 2. С. 272–280.

⁴⁹ Там же. С. 276.

торый присутствовал в источнике протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей. Мы попробуем восполнить данное упущение и расширить источниковую базу для решения «новгородско-ладожской» альтернативы, что способно, на наш взгляд, наконец, внести в нее ясность.

II. «Новгородско-ладожская» альтернатива: соотношение вариантов в летописных списках и вопрос о чтении протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей

Чтобы разобраться с соотношением «новгородской» и «ладожской» версий варяжского сказания, попробуем заново провести его текстологический анализ не только по НПЛ и древнейшим спискам ПВЛ, но и с учетом истории русского летописания в целом, что, как будет показано, позволяет привлечь некоторые летописные списки, которые ранее, насколько нам известно, к прояснению новгородско-ладожской альтернативы не привлекались, но способны прояснить ее.

Соотношение вариантов текста легенды о призвании варягов, содержащихся в Новгородской Первой, Лаврентьевской и Троицкой, Ипатьевской и Хлебниковской, Радзивиловской и Московско-Академической летописях можно выразить в виде таблицы (Табл. 1).

Из сравнения четырех приведенных текстов можно сделать следующие выводы:

(1) Самым кратким, внутренне логичным и структурно «простым» является вариант варяжской легенды, представленный в НПЛ. Вариант Сказания о призвании варягов, представленный в Лаврентьевской и Троицкой летописях, очень близок к нему⁵⁰ и представляет собой преимущественно незначительно измененный и в двух местах расширенный текст относительно содержащегося в составе НПЛ. В НПЛ нет никаких существенных смысловых фрагментов, отсутствующих в Лаврентьевском и Троицком списках, его текстовый «избыток» представлен исключительно отдельными словами или небольшими словосочетаниями («и города ставити», «находникъ тѣхъ», «и от тѣх словет», «до днешняго дни», «единъ»), которые при переходе повествования из летописи в летопись легко могли пропускаться или изменяться.

⁵⁰ Существуют и другие места, сближающие НПЛ с Лаврентьевской летописью, но иначе читающиеся в Ипатьевской летописи. Таковы, например, как заметил А. Г. Кузьмин, летописные статьи 1054 и 1063 годов (*Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 91–92*).

Таблица 1

Соотношение вариантов текста варяжской легенды в Новгородской Первый летописи и древнейших списках Повести временных лет

Окончание табл. 1

Новгородская Первая летопись	Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Радзивилловская летопись
<p><u>Рыплии в Новгородъ, бѣ имѧ ему Рюрикъ; а другыи съде на Вѣльозерѣ, Синеусъ; а трети въ Изборьскѣ, имѧ ему Труворъ. И отъхъ варягъ, находникъ, прозващая Русь, и отъхъ словет Руская земля; и суть новгородии людие до днепшняго дни от рода варяжска. По двою же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, оббо брату власть, и нача владѣти единъ [Комиссионный список*] (ПСРЛ. Т. 3. С. 106–107).</u></p> <p><u>и напа велика и обилна, а наряда въ неи напа велика и обилна, а наряда въ неи нѣтъ, да поидете княжитъ и володѣть у нас кн(я)жити и воло- володѣть нами». И избралася три брата с роды своими и поядиша по собѣ всю русь и придоша къ Словѣнномъ пѣрвѣ и срубила городъ Ладогу, и съде въ Ладозѣ старшиши въ Ладозѣ Рюрикъ; а другии Синеусъ на Бѣльозерѣ; а третии Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ варягъ прозващая Русская земля. Илиод(и)е новгородци от рода варягъ прозващая Русская земля; <u>новгородцы</u> ти суть людье ноуогородцы от рода варягъ, <u>преже бо быша словѣнни</u>. По дву же лѣту Синеусъ оумре а братъ его Труворъ, и прия власть <u>всю одинъ</u>, и при- жемъ своимъ грады: овому Полоцкѣ, овому Ростову, и прия въладѣти единъ [Лаврентьевский список*] (ПСРЛ. Т. 3. С. 106–107).</u></p>	<p><u>и напа велика и обилна, а наряда въ неи нѣтъ, да поидете княжитъ и володѣть у нас кн(я)жити и воло- володѣть нами». И избралася три брата с роды своими и поядиша по собѣ всю русь и придоша къ Словѣнномъ пѣрвѣ и срубила городъ Ладогу, и съде въ Ладозѣ старшиши въ Ладозѣ Рюрикъ; а другии Синеусъ на Бѣльозерѣ; а третии Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ варягъ прозващая Русская земля. Илиод(и)е новгородци от рода варягъ прозващая Русская земля; <u>новгородцы</u> ти суть людье ноуогородцы от рода варягъ, <u>преже бо быша словѣнни</u>. По дву же лѣту Синеусъ оумре а братъ его Труворъ, и прия власть <u>всю одинъ</u>, и при- жемъ своимъ грады: овому Полоцкѣ, овому Ростову, и прия въладѣти единъ [Лаврентьевский список*] (ПСРЛ. Т. 3. С. 106–107).</u></p>	<p><u>и напа велика и обилна, а наряда въ неи нѣтъ, да поидете княжитъ и володѣть у нас кн(я)жити и воло- володѣть нами». И избралася три брата с роды своими и поядиша по собѣ всю русь и придоша къ Словѣнномъ пѣрвѣ и срубила городъ Ладогу, и съде въ Ладозѣ старшиши въ Ладозѣ Рюрикъ; а другии Синеусъ на Бѣльозерѣ; а третии Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ варягъ прозващая Русская земля. Илиод(и)е новгородци от рода варягъ прозващая Русская земля; <u>новгородцы</u> ти суть людье ноуогородцы от рода варягъ, <u>преже бо быша словѣнни</u>. По дву же лѣту Синеусъ оумре а братъ его Труворъ, и прия власть <u>всю одинъ</u>, и при- жемъ своимъ грады: овому Полоцкѣ, овому Ростову, и прия въладѣти единъ [Лаврентьевский список*] (ПСРЛ. Т. 3. С. 106–107).</u></p>	<p><u>и напа велика и обилна, а наряда въ неи нѣтъ, да поидете княжитъ и володѣть у нас кн(я)жити и воло- володѣть нами». И избралася три брата с роды своими и поядиша по собѣ всю русь и придоша къ Словѣнномъ пѣрвѣ и срубила городъ Ладогу, и съде въ Ладозѣ старшиши въ Ладозѣ Рюрикъ; а другии Синеусъ на Бѣльозерѣ; а третии Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ Труворъ въ Изборьскѣ. И отъхъ варягъ прозващая Русская земля. Илиод(и)е новгородци от рода варягъ прозващая Русская земля; <u>новгородцы</u> ти суть людье ноуогородцы от рода варягъ, <u>преже бо быша словѣнни</u>. По дву же лѣту Синеусъ оумре а братъ его Труворъ, и прия власть <u>всю одинъ</u>, и при- жемъ своимъ грады: овому Полоцкѣ, овому Ростову, и прия въладѣти единъ [Лаврентьевский список*] (ПСРЛ. Т. 3. С. 106–107).</u></p>

* Аналогичный (с минимальными различиями) рассказ содержится в Воронцовском (ПСРЛ. Т. 3. С. 514), Берлинском (Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 108–109) и других списках НПЛ.
** Аналогичный (с минимальными различиями) рассказ содержался и в Троицком списке: *Приселков М. Д.*. Троицкая летопись. С. 57–58. Перевод данного места Лаврентьевской летописи на современный русский язык: Се повести временных лет. Арзамас, 1993. С. 46–47.

*** Аналогичный (с минимальными различиями) рассказ содержится и в Хлебниковском списке (параллельный текст всех основных списков ПВЛ см.: *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. by Donald Ostrowski // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Vol. X. Part 1. Cambridge, Massachusetts, 2003. P. 105*). Перевод данного места Ипатьевской летописи на современный русский язык: Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII вв. СПб., 2004. С. 75.

**** Аналогичный (с минимальными различиями) рассказ содержится и в Московско-Академическом списке (параллельный текст всех основных списков ПВЛ см.: *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis. Р. 105*).

Напротив, в Лаврентьевской и Троицкой летописях имеются два больших добавления пояснительного характера относительно текста НПЛ:

а) Фрагмент с перечислением народов балтийского региона (очевидно связанный с соответствующим фрагментом этногеографического введения к ПВЛ, в котором названы те же народы: «Афетово бо и то колъно: варязи, свеи, оурмане, [готе], русь, агняне»⁵¹) и списком участвующих в призвании варягов «племен» в середине (необходимым здесь потому, что в отличие от НПЛ, где эти племена фигурируют в начале данной же статьи, в ПВЛ они как данники варягов перечислены в предыдущей погодной статье и в данной статье до этого не фигурировали);

б) Рассказ о раздаче Рюриком городов своим мужам в конце. Также в Лаврентьевской летописи изменены в сравнении с вариантом НПЛ отдельные слова и словесные обороты: вместо «дружину многу и превивну», которую взяли с собой Рюрик, Синеус и Трувор, написано «всю русь» (видимо, так летописец развил идею о «прозвании» Русской земли «от варяг», читающуюся в НПЛ); вместо «и въсташа град на град» написано «въста родъ на родъ» и т. д.

Непосредственно фрагменты о распределении варяжских братьев по городам читаются в НПЛ и Лаврентьевской и Троицкой летописях практически одинаково за исключением того, что в двух последних пропущено название города, в котором сел Рюрик. Но учитывая общую тождественность текстов и то, что вариант варяжской легенды из Лаврентьевской и Троицкой летописей представляет собой преимущественно лишь расширение текста, содержащегося в НПЛ, нет особых сомнений, что в их протографе этим городом также был назван Новгород. Это подтверждается тем, что сразу после пассажа о том, как именно призванные братья распределились по городам, в данных летописных списках читается: «новугородьци ти суть людье новугородьци от рода варяжьска, прежде бо бѣша словѣни», что логично только в том случае, если перед этим речь шла о Новгороде.

(2) Дальнейшую эволюцию текста варяжского сказания в сторону его «усложнения» наблюдаем в Ипатьевской и Хлебниковской летописях. Здесь в него вставлены два новых фрагмента, существенно меняющих смысл рассказа:

а) Сказано, что братья-варяги сначала «срубиша городъ Ладогу»;

б) Сказано о переходе Рюрика из Ладоги в Новгород и основании им этого города («и пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новъгородъ, и съде ту княжа»).

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4; Т. 2. Стб. 4.

Если предполагать обратное направление развития текста (от варианта Ипатьевской и Хлебниковской летописей к варианту Лаврентьевской и Троицкой), как делают некоторые исследователи, то еще можно объяснить выпадение первого из названных фрагментов вследствие порчи в их протографе текста в том месте, где указан город, в котором обосновался Рюрик, но никак невозможно объяснить выпадение второго фрагмента, так как в этом месте в Лаврентьевском и Троицком списках никакой порчи текста нет.

Более того, именно в варианте Ипатьевской летописи видим редакторскую правку Сказания о призвании варягов в пользу «ладожской» версии. Здесь пропущен читающийся и в НПЛ, и в Лаврентьевской летописи пассаж о новгородцах «от рода варяжьска», так как он явно противоречил «ладожскому» варианту вокняжения Рюрика (если говорится о Ладоге, причем тут новгородцы?), введенному данным редактором варяжской легенды. «Ладожская» версия прихода Рюрика явно вторична в летописном тексте.

Противоречит пассаж об основании Новгорода и его наименовании Рюриком и сообщению этнogeографического введения к ПВЛ, согласно которому город был основан и назван словенами, пришедшими на берега Ильменя в рамках славянского расселения с Дуная: «Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря [и] прозващася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ».⁵² Упоминается Новгород и в пассаже ПВЛ о «племенныхъ» княжениях восточных славян: «И по сихъ браты (после смерти Кия, Щека и Хорива. — М. Ж.) держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, [а] в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новъгородѣ, а другое на Полотѣ иже полочане».⁵³

(3) Соединение текстов, читающихся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях находим в Радзивиловском и Московско-Академическом списках. Здесь, с одной стороны, даются фрагменты о первоначальном вокняжении Рюрика в Ладоге и его последующем переходе в Новгород (есть в Ипатьевской, нет в Лаврентьевской), а с другой — присутствует пассаж о новгородцах «от рода варежска» (есть в Лаврентьевской, нет в Ипатьевской).

Что мы в случае с варяжским сказанием в Радзивиловской летописи имеем дело именно с соединением двух текстовых традиций (одна из которых представлена в Лаврентьевской летописи и вторая — в Ипатьевской), а не с воспроизведением текста протографа Лаврентьевской и Троицкой летописей явствует из того, что по некоторым

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10; Т. 2. Стб. 8.

фрагментам рассказ Радзивиловской летописи текстуально соответствует Ипатьевской летописи и не соответствует Лаврентьевской. Так, если в Лаврентьевской летописи сказано, что Рюрик «раздае мужемъ своимъ грады», то в Ипатьевской читаем иначе: «раздае мужемъ своимъ волости, и города рубити». И почти то же самое находим в Радзивиловской летописи: «раздаа волости мужемъ своим, и города рубити».

Текстологическое сопоставление вариантов Сказания о привозании варягов, представленных в НПЛ и древнейших списках ПВЛ не оставляет особых сомнений в том, что «ладожский» вариант вокняжения Рюрика является текстуально вторичным и был введен в текст ПВЛ только на этапе создания той редакции летописи, которая отразилась в Ипатьевском, Хлебниковском и связанных с ними списках (при этом в текст легенды не только были вставлены два «ладожских» фрагмента, но и изъят явно противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжьска»).

То, что в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях отражены две разные редакции ПВЛ ясно уже из того, что сам автор данного летописного свода в них указан совершенно по-разному. В Лаврентьевской летописи в начале ПВЛ ничего не говорится о ее авторстве. Зато в неполной статье под 6618 (1110) годом, которой здесь заканчивается ПВЛ, в конце имеется запись, указывающая, что автором данного «летописца» является игумен Выдубицкого монастыря святого Михаила Сильвестра: «Игуменъ Силиввестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевъ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже четь кни�и сия, то буди ми въ молитвахъ».⁵⁴

В Ипатьевской летописи данной записи нет (и само повествование в статье 6618 г. там не обрывается на соответствующем месте, а продолжается дальше), зато здесь авторство ПВЛ обозначено в самом ее начале и автором назван монах другого монастыря — Печерского: «Повѣсть временныхъ лѣт черноризца Федосьева монастыря Печерского».⁵⁵

Соединение этих двух вариантов авторства ПВЛ находим в Радзивиловской летописи (начинается ПВЛ в данной летописи с упоминания «черноризца Федосьева монастыря Печерского»,⁵⁶ а в статье 6624 года читается приписка об авторстве Сильвестра⁵⁷), что под-

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 286; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 205.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 2.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 38. С. 11.

⁵⁷ Там же. С. 103.

твёрждает вывод, сделанный на примере анализа текста варяжской легенды, о соединении в данной летописи традиций протографов как Лаврентьевского и Троицкого, так и Ипатьевского и Хлебниковского списков.

В протографе Лаврентьевского и Троицкого списков, отражающих в целом более раннюю редакцию ПВЛ в сравнении с Ипатьевским и Хлебниковским списками (тут мы согласны с А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, и анализ истории текста варяжского сказания подтверждает, на наш взгляд, их принципиальную правоту), передающих варяжскую легенду близко к варианту НПЛ и в основном лишь расширяющих его, была, очевидно, представлена «новгородская» версия. В Радзивиловской летописи обе текстовые традиции оказались соединены, в результате чего имеем там самый подробный и «сложный» вариант Сказания о призвании варягов.

История текста варяжского сказания на этапе древнейшей русской летописной традиции, представленной в ПВЛ и в НПЛ выглядит так:

- 1) Вариант НПЛ (самый краткий, логичный и «простой» по структуре, в котором представлена «новгородская» версия⁵⁸);
- 2) Вариант Лаврентьевской летописи (с добавлением взятого из этногеографического введения перечня народов балтийского региона и некоторыми заменами отдельных оборотов: «дружину многу и прядивну» → «всю русь» и т. д.);
- 3) Вариант Ипатьевской летописи, где текст варяжской легенды подвергся дальнейшей редактуре и «усложнению» (сделаны две «ладожские» вставки и изъят противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжьска»);
- 4) Самый подробный, противоречивый и структурно «сложный» текст варяжской легенды, представленный в Радзивиловской летописи (соединение версий протографов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей: «ладожская» версия и пассаж о новгородцах «от рода варежска»).

Включение в состав ПВЛ на этапе создания редакции, представленной в Ипатьевском, Хлебниковском и связанных с ними списках,

⁵⁸ Не претендую в данной посвященной конкретному вопросу статье на разрешение сложного вопроса о соотношении текстов ПВЛ и начальной части НПЛ в целом (которое, возможно, вообще не решается прямолинейно в сторону непременной «первичности» одной из них как таковой на всем пространстве сопоставимого текста), констатирую, что текст Сказания о призвании варягов, читающийся в НПЛ, безусловно, в текстологическом отношении первичен относительно вариантов, содержащихся во всех известных списках ПВЛ, что наглядно показывает сопоставление в Таблице 1.

«ладожского» варианта вождения Рюрика, скорее всего, связано со статьей, читающейся в Ипатьевской летописи (в ее протографе впервые в русском летописании и появилась, судя по всему, «ладожская» версия варяжской легенды) под 6622 (1114) годом,⁵⁹ в которой некий не известный нам по имени летописец, один из авторов или редакторов ПВЛ (быть может, тот самый «черноризец Печерского монастыря», упоминаемый в начале ее варианта по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам) от первого лица рассказывает о своем посещении Ладоги, рассказах услышанных от ладожан, а также о знаменитых ладожских стеклянных бусах, которые в огромном количестве производились в Ладоге в VIII–IX вв.⁶⁰ В XII в., когда о том,

⁵⁹ К. Н. Бестужев-Рюмин (*Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века*. СПб., 1868. С. 4–6) и А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. История русского летописания*. Т. 1. Кн. 2. С. 530–531) выдвинули гипотезу, поддержанную М. Д. Приселковым (*Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв.* С. 49), А. Н. Насоновым (*Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в.* С. 61) и рядом других исследователей, согласно которой этому же летописцу принадлежит также статья (или ее часть), читающаяся в ПВЛ под 6604 (1096) годом, в которой некий летописец рассказывает о своей беседе с новгородцем Гюратой Роговичем и воспроизводит его рассказ о «немой» торговле новгородцев с некоторыми северными племенами, которых отождествляет с людьми, по легенде (ссылаясь на ее вариант в «Откровении Мефодия Патарского»), запертymi в горах Александром Македонским (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234–235; Т. 2. Стб. 224–225). В обеих статьях повествование ведется от первого лица и связано с северными городами (в одном случае с Ладогой, в другом — с Новгородом), в обеих статьях упомянуты северные народы (югра и самоядь), в обеих статьях есть ссылки на переводные источники (в одном случае на Хронограф, в другом — на «Откровение Мефодия Патарского»). Другими исследователями эти доказательства принадлежности статей 1096 и 1114 гг. одному лицу опровергаются (*Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили?* // Ruthenica. Т. 9. Киев, 2010. С. 7–16; *Вилкул Т. Л. «Преже сихъ 4 лѣть»* 1096 г. Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя *Повести временных лет* // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. № 2. С. 229–247). А. А. Гиппиус, напротив, поддерживает гипотезу о принадлежности этих двух летописных статей руке одного человека и приводит в ее пользу новые аргументы (*Гиппиус А. А. 1) К проблеме редакций Повести временных лет. I. С. 33–36; 2) Гюраты Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.)* // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 251–264). Ввиду своей сложности вопрос о соотношении летописных статей 1096 и 1114 гг. должен рассматриваться отдельно. Для нашей темы достаточно того, что один из авторов текста протографа Ипатьевского и Хлебниковского летописных списков, безусловно, был в Ладоге, о чем рассказал в статье 1114 года, и, соответственно, имел возможность узнать местную ладожскую версию вождения Рюрика.

⁶⁰ О ладожских стеклянных бусах см.: *Львова З. А. 1) Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть 1. Способы изготовления, ареал, время распространения* // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 64–94; 2) *Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть 2. Происхождение бус* // АСГЭ. Вып. 12. Л., 1970 С. 89–111; *Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси*. С. 13, 112–113.

кто и когда делал эти бусины, уже никто ничего достоверно не знал, они, вероятно, вымывались из почвы ливнями и речной водой и воспринимались как диковина: «В се же лъто заложена бысть Ладога камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при князѣ Мъстиславѣ. Пришедши ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть: „Егда будеть туча велика, находять дѣти наши глазки стекляныи, и малыи и великии, провертаны, а другие подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода“ от нихъ же взяхъ боле ста, суть же различь. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: „Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ: спаде туча, и в тои тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли и пакы бываеть другая туча, и спадаютъ оленци мали в нѣи, и възрастаютъ и расходятся по земли“. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павель ладожкии и вси ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почнетъ фронографа». ⁶¹ Далее следуют примеры падения разных предметов с неба, зимствованные из хронографической литературы, ⁶² долженствующие «историзировать» соответствующие рассказы ладожан. В НПЛ под 6624 г. кратко сказано, что «Павель, посадникъ ладоскіи, заложи Ладогу, город каменъ». ⁶³

Важно, что иных упоминаний Ладоги в ПВЛ нет, этот далекий и незначительный в политическом отношении город не интересовал киевских летописцев. ⁶⁴ В варианте ПВЛ, представленном в Лаврентьевской летописи, этот город вообще ни разу не упомянут (см. географический указатель к первому тому ПСРЛ) и впервые назван в Лаврентьевском списке только в рамках Сузdalской летописи под 6762 (1254) годом, ⁶⁵ а затем еще всего два раза. ⁶⁶

В варианте ПВЛ, представленном в Ипатьевской летописи, Ладога упоминается дважды: в приведенном рассказе летописца о посещении им Ладоги и в Сказании о призвании варягов, ⁶⁷ что ставит в связь данные статьи. Видимо, именно посетивший Ладогу и услышавший там какие-то местные предания или местную интерпретацию исто-

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277–278. Древнерусский текст с параллельным переводом на современный русский язык: Повесть временных лет. С. 308–309.

⁶² См. о них: Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 8–11.

⁶³ ПСРЛ. Т. 3. С. 20, 204.

⁶⁴ В НПЛ ситуация иная — там Ладога упоминается в 23 погодных статьях: ПСРЛ. Т. 3. С. 662 (Указатель географических названий и этнонимов).

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

⁶⁶ Там же. С. 560 (Географический указатель).

⁶⁷ В дальнейшем в Ипатьевской летописи она будет упомянута всего один раз: ПСРЛ. Т. 2. С. XL (Географический указатель).

рических данных книжник, внес в текст варяжской легенды «ладожскую» интерпретацию событий середины IX века.

Сопоставительный анализ НПЛ и основных списков ПВЛ привел нас к заключению о вторичности «ладожской» версии Сказания о призвании варягов. Посмотрим, подтверждается ли этот вывод на общем фоне истории русского летописания.

Варианты названия города, в который приходит Рюрик (с указанием того, говорится ли в соответствующей летописи о «дружине многой», как в НПЛ, или о «всей руси», как в ПВЛ) по всем летописям из ПСРЛ, в которых присутствует «варяжская легенда», приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Город, в котором воиняжился Рюрик, и кого («всю русь» или «дружину многу») привели с собой варяжские братья в летописях, изданных в ПСРЛ

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
1. Лаврентьевская			ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20 («всю русь»)*
2. Ипатьевская		ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14 («всю русь»)**	
3. Новгородская первая	ПСРЛ. Т. 3. С. 106 [Комиссионный список] («дружину многу и предивну»); 434 [Воронцовский список] («дружину многу и предивну»); 514 [Троицкий спи- сок] («дружину мно- гу»)***		
4. Новгородская IV	ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 11 («дру- жину многу»)		
5. Новгородская V	ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 11 («дру- жину многу»)		
6. Софийская первая старшего извода	ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 14 («дружину многу»)		
7. Псковская вторая летопись	ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 9–10		
8. Псковская третья	ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 73		

Продолжение табл. 2

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
9. Воскресенская	ПСРЛ. Т. 7. С. 268 («дружину многу»)		
10. Никоновская	ПСРЛ. Т. 9. С. 9		
11. Тверская	ПСРЛ. Т. 15. С. 30 («дружину многу»)		
12. Рогожский лето- писец	ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 11		
13. Летопись Авра- амки	ПСРЛ. Т. 16. С. 35		
14. Супрасльский список	ПСРЛ. Т. 17. С. 3 («дружину свою»)		
15. Львовская	ПСРЛ. Т. 20. С. 43 («в русь»)		
16. Степенная книга	ПСРЛ. Т. 21. Пер- вая половина. С. 41, 61		
17. Русский хроно- граф	ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 349		
18. Ермолинская	ПСРЛ. Т. 23. С. 2		
19. Типографская	ПСРЛ. Т. 24. С. 6 («дружину многу»)		
20. Московский ле- тописный свод конца XV в.	ПСРЛ. Т. 25. С. 340 («дружину многу»)		
21. Вологодско- Пермская	ПСРЛ. Т. 26. С. 15 («дружину многу»)		
22. Никаноровская летопись и Сокра- щенные летопи- сные своды конца XV в.	ПСРЛ. Т. 27. С. 18 [Никаноровская ле- топись] («дружину многу»); 158 [Текст, вписанный рукой магистра И. Пауса на вкладных ли- стах]; 170 [Сокращенный свод 1493 г.]; 306 [Сокращенный свод 1495 г.]		
23. Летописный свод 1497 года	ПСРЛ. Т. 28. С. 13		
24. Летописный свод 1518 г.	ПСРЛ. Т. 28. С. 167		
25. Владимирский летописец	ПСРЛ. Т. 30. С. 14 («всю русь»)		

Продолжение табл. 2

Летописи в очередности томов ПСРЛ	Рюрик садится в Новгороде	Рюрик садится в Ладоге	Пробел
26. Мазуринский летописец	ПСРЛ. Т. 31. С. 36		
27. Холмогоровская летопись	ПСРЛ. Т. 33. С. 13 («дружину многу»); 142 [Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске]		
28. Пискаревский летописец	ПСРЛ. Т. 34. С. 35 («дружину многу»)		
29. Белорусско-литовские летописи	ПСРЛ. Т. 35. С. 19 [Никифоровская летопись] («дружину свою»); 37 [Супрасльская летопись] («дружину свою»); 118 [Волынская краткая летопись]		
30. Устюжские и Вологодские летописи	ПСРЛ. Т. 37. С. 17 [Устюжская летопись] («дружину многу»); 56 [Архангелогородский летописец] («дружину многу»); 160 [Вологодская летопись]		
31. Радзивиловская		ПСРЛ. Т. 38. С. 16 («всю русь»)****	
32. Софийская Первая по списку И. Н. Царского	ПСРЛ. Т. 39. С. 9 («дружину многу»)		
33. Густынская		ПСРЛ. Т. 40. С. 26–27 («дружину многу руси»)	
34. Летописец Переяславля-Сузdalского		ПСРЛ. Т. 41. С. 8 («всю русь»)	
35. Новгородская Карамзинская	ПСРЛ. Т. 42. С. 25 («дружину многу»)		
36. Новгородская по списку П. П. Дубровского	ПСРЛ. Т. 43. С. 15 («дружину многу»)		

* Аналогично (город, в котором садится Рюрик не указан, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Троицкой летописи: Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 58.

^{**} Аналогично (Рюрик садится в Ладоге, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Хлебниковском списке.

^{***} Аналогично (Рюрик садится в Новгороде, братья-варяги приводят с собой «дружину многу и предивну») в Белинском списке НПЛ: Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 109.

^{****} Аналогично (Рюрик садится в Ладоге, братья-варяги приводят с собой «всю русь») в Московско-Академическом списке.

Как видим, во всей последующей летописной традиции (кроме поздней компилятивной Густынской летописи, которая в своей начальной части во-многом следует за Ипатьевской,⁶⁸ и Летописца Переяславля-Сузdalского, автор которого также пользовался какой-то летописью типа Ипатьевской⁶⁹) городом, в котором после своего призыва к словенам и их союзникам в окняжился Рюрик, назван именно Новгород. «Ладожская» версия так и осталась в летописании локальным явлением, связанным с Ипатьевской летописью. Новгород назван также в «Польской истории» использовавшего русские летописи Яна Длугоша.⁷⁰

При этом, в большинстве летописных списков читаем, что варяжские братья приводят с собой «дружину многу», в чем можно видеть влияние варианта варяжской легенды, представленного в НПЛ. В этой связи особое внимание привлекают две летописи — Львовская и Владимирский летописец, в которых городом, где сел Рюрик, назван Новгород (как в НПЛ и, видимо, в протографе Лаврентьевской и Троицкой), но при этом варяги приводят с собой «всю русь» (как во всех древнейших списках ПВЛ).

Такое сочетание текстологических признаков в Сказании о призвании варягов уникально, и именно эти два его варианта способны пролить свет на то, что же читалось в источнике летописной традиции, представленной Лаврентьевским и Троицким кодексами.

Соотношение вариантов текста легенды о призвании варягов, содержащихся в Лаврентьевской, Троицкой и Львовской летописях,

⁶⁸ «В начальной части, охватывающей материал до XIII века, Густынская летопись близка к Ипатьевской, но более кратка» (Предисловие // ПСРЛ. Т. 40. С. 3).

⁶⁹ А. А. Шахматов констатировал: «В Летописце русских царей (другое название Летописца Переяславля-Сузdalского. — М. Ж.), в его Повести временных лет найдется ряд чтений, сходных с Ипатьевской летописью и отличающихся от чтений Лаврентьевской и Радзивиловской. Имея же в виду, что известия 1137 и 1143 гг. тождественны с соответствующими известиями Ипатьевской, мы с уверенностью можем предполагать существование общего источника для Ипатьевской летописи и Летописца русских царей» (Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 2. СПб., 2011. С. 127).

⁷⁰ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 226.

а также во Владимирском летописце, можно выразить в виде таблицы (Табл. 3).

Рассказ о призвании варягов в Лаврентьевской и Львовской летописях практически одинаков. В последней только сделаны несколько незначительных пояснений (например, что «варяги» — это «немцы», такая интерпретация была распространена в поздней летописной традиции; что события происходят в царствование императора Михаила), кое-где добавлены отдельные слова и словосочетания («всѣмъ сы исполнена» и т. д.), сделаны перестановки отдельных фраз и конец рассказа вынесен в следующую погодную статью, где дальше читается рассказ об Аскольде и Дире. Но эти незначительные отличия никак не нарушают принципиального текстуального единства двух рассматриваемых фрагментов из разных летописей. На том месте, где в Лаврентьевской летописи название города, в котором садится Рюрик, пропущено, в Львовской летописи оно есть — это Новгород.

Еще более разительное сходство с варяжским сказанием в Лаврентьевской летописи демонстрирует текст Владимирского летописца. Здесь разницы в двух записях вообще практически нет (за исключением прибавки слова «добра» в характеристике земли, в которую призываются варяжские братья и иного написания некоторых слов), а на том месте, где в Лаврентьевской и Троицкой летописях после имени Рюрика ничего нет, написано «сѣде в Новѣгородѣ».

Публикаторы Владимирского летописца отметили, что он «представляет собой краткое извлечение из большого летописного свода, который по своим особенностям стоял в близком родстве с погибшей Троицкой пергаменной летописью... В этом основное значение Владимирского летописца, так как он позволяет более точно восстановить некоторые тексты Троицкой летописи, имеющей важное значение в истории русского летописания».⁷¹ Несмотря на то, что данное заключение было сделано М. Н. Тихомировым еще в 1965 г., по неизвестной причине никто из исследователей «новгородско-ладожской» альтернативы Сказания о призвании варягов, писавших после выхода 30-го тома ПСРЛ (А. Г. Кузьмин, М. Х. Алешковский, Д. А. Мачинский, И. Я. Фроянов, М. Б. Сверлов, В. Л. Янин, Е. Н. Носов, Т. Л. Вилкул,⁷² А. А. Гиппиус и т. д.), не обратился к Владимировскому летописцу для прояснения вопроса о том, что же читалось в протографе Троицкого и Лаврентьевского списков.

⁷¹ Предисловие // ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 3.

⁷² Т. Л. Вилкул в одном из примечаний упомянула варианты варяжской легенды в Львовской летописи и Владимирском летописце (Вилкул Т. Л. Ладога или Новгород? С. 272. Примеч. 3), но не придала им никакого значения и никак не использовала в своем текстологическом анализе.

Таблица 3

Соотношение вариантов текста варяжской легенды в Лаврентьевской и Львовской летописях и во Владимирском летописце

Лаврентьевская летопись	Львовская летопись	Владимирский летописец (Фрагменты, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, подчеркнуты)

Окончание табл. 3

Лаврентьевская летопись,	Львовская летопись,	Владимирский летописец
овому Полоцкъ, овому Ростовъ, другому Вълоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первыми наследники в Нѣгроводѣ словѣне, [въ] Полтъсъки кривичи, в Ростовѣ мѣре, въ Бѣльозерѣ вѣс, в Муромѣ мурома. И гѣмы всѣми обладаше Рюрикъ [Лаврентьевский список ^{***}] (ПСРЛ. Т. 1. Слб. 19–20).	Въ лѣтѣ 6371. И сѣде Рюрикъ въ Новѣгородѣ и словени, а в Полтесѣ кривичи, в Ростовѣ въ Великомъ, и раздая Рюрикъ города мурома, а на Бѣльозерѣ вѣс, Муроме мурома. И гѣмы всѣми владаша Рюрикъ, стовъ, другому же Белоозеро. По тѣмъ го- родомъ сѣли Варяги находници, а дотоле быша первии насељници въ Новѣгородѣ словены, а въ Польстѣ кривичи, а въ Ростовѣ мѣре, на Бѣльозере вѣс, а въ Му- роме мурома. А гѣмы владѣть всѣми Рюри- къ [Список Эттера] (ПСРЛ. Т. 20. С. 43).	и словени, а в Полтесѣ кривичи, в Ростовѣ жемъ своимъ: овому Полтесѣ, овому Ро- стову, другому же Белоозеро. По тѣмъ го- родомъ сѣли Варяги находници, а дотоле быша первии насељници въ Новѣгородѣ словены, а въ Польстѣ кривичи, а въ Ростовѣ мѣре, на Бѣльозере вѣс, а въ Му- роме мурома. И гѣмы владѣть всѣми Рюри- къ (ПСРЛ. Т. 30. С. 14).

* Вместо словен здесь по имени их главного города Новгорода названы «новгородцы».

** То ли описка, то ли замена под влиянием популярной в позднем летописании идеи о происхождении Рюрика и его братьев из Пруссии.

*** Аналогичный рассказ содержался и в Троицком списке: *Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 57–58.*

Л. Л. Муравьева, обратив внимание на то, что во Владимирском летописце присутствует группа известий новгородского происхождения, находящихся, по ее мнению, аналогии в Новгородской четвертой летописи, отнесла к их числу и рассказ о вождении Рюрика в Новгороде.⁷³ Согласиться с этим невозможно, поскольку в Новгородской четвертой летописи читается, что братья-варяги приводят с собой «дружину многу», а в том варианте варяжской легенды, который представлен во Владимирском летописце, находим в соответствующем месте «всю русь», как в древнейших редакциях ПВЛ (Табл. 2). Поэтому Сказание о призвании варягов во Владимирском летописце не может быть связано с новгородским летописанием и отражает ту же традицию, которая представлена в ПВЛ.

Проведенное нами сопоставление варяжской легенды в варианте Лаврентьевской летописи с ее записями в Львовской летописи и во Владимирском летописце, на наш взгляд, не оставляет сомнений в том, что в исходном летописном тексте, бывшем источником общего протографа Лаврентьевского и Троицкого списков читалось именно «старшины Рюрикъ съде в Новъгороде», как видим это во Владимирском летописце и Львовской летописи, сохранивших написание текста-протографа.

Пожелание Т. Л. Вилкул о необходимости «удалить из последующих переизданий 1-го тома ПСРЛ» конъектуру «съде в Новъгороде»⁷⁴ должно быть категорически отвергнуто. Напротив, в переиздания первого тома ПСРЛ необходимо добавить ссылки на чтение данного места во Владимирском летописце и в Львовской летописи.

Проведенный нами анализ с расширением источниковой базы (привлечением Владимирского летописца и Львовской летописи) позволяет присоединиться к выводу А. А. Шахматова об изначальности в русском летописании «новгородской» версии варяжской легенды. Первоначально она присутствовала и в тексте ПВЛ древнейшей, известной нам по Лаврентьевской летописи редакции, и только на этапе создания того ее варианта, который представлен в Ипатьевском и Хлебниковском списках, в Сказание о призвании варягов были, видимо, тем же летописцем, который рассказывает о своем посещении Ладоги, сделаны две «ладожские» вставки и изъят противоречащий им пассаж о новгородцах «от рода варяжьска».

Данный вывод, важный сам по себе, тем не менее, не означает автоматически, что «новгородская» версия варяжской легенды, раньше

⁷³ Муравьева Л. Л. Новгородские известия Владимирского летописца // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 38.

⁷⁴ Вилкул Т. Л. Ладога или Новгород? С. 280.

попавшая на страницы летописей, лучше отражает исторические реалии середины IX века. Более достоверной теоретически может быть и версия, позднее включенная в летописи (Новгород пользовался гораздо большим политическим влиянием, нежели Ладога, и имел, очевидно, больше возможностей для отстаивания своего взгляда на историю, чем его пригород). Поскольку и «новгородская», и «ладожская» версии вокняжения Рюрика наличествовали в древнерусской книжности, для прояснения того, какая из них более адекватно отражает историческую реальность, необходимо рассмотреть некоторые историко-археологические реалии времен летописного «призыва варягов».

III. «Новгородско-ладожская» альтернатива и некоторые исторические реалии середины IX века

Не касаясь всех аспектов сложного и многогранного «варяжского вопроса», который активно дискутируется в новейшей историографии (для наших целей достаточно ограничиться тем, что летописные варяги — это некие выходцы из циркумбалтийского региона, чего, кажется, никто не оспаривает⁷⁵), посмотрим на происходившие в пе-

⁷⁵ Дальше начинаются серьезные разногласия: по мнению одних ученых, летописные варяги — выходцы из района южного побережья Балтийского моря (см. например: Кузьмин А. Г. Начало Руси. С. 187–241; Меркулов В. И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005; Фомин В. В. 1) Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; 2) Начальная история Руси. М., 2008; 3) Южно-балтийские варяги в Восточной Европе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 107–125; Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 61–86; Гром Л. П. Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии Просвещения и их предтечи // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 132–154; Пауль А. Балтийские славяне: От Рерика до Старигарда. М., 2016. С. 480–486; Романчук А. А. 1) Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // Stratum plus. 2013. № 5. С. 283–299; 2) Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ // Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2017. С. 245–255), по мнению других — выходцы из Скандинавии (см., например: Носов Е. Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 151–163; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси; Клейн Л. С. Спор о варятах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009; Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011; Петрухин В. Я. Русь в IX–X вв. От призыва варягов до выбора веры. С. 137–209; Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в Повести временных лет // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54).

риод становления Древнерусского государства на севере Восточной Европы события с точки зрения реконструкции общего хода исторического процесса.

Около середины VIII в. варяги появляются в устье Волхова, где формируется полиэтническое торговое поселение в Ладоге,⁷⁶ связанное с Балтийско-Волжским путем,⁷⁷ но дальше вглубь Восточной Европы около ста лет они не продвигаются по сути ни на шаг: до середины IX в. ни на одном поселении, кроме Ладоги, не выявлено надежных признаков проживания варягов или носителей циркумбалтийской дружинной культуры (находки отдельных вещей не в счет, так как они свидетельствуют не о проживании выходцев из балтийского региона, но только о контактах с ними словен, кривичей и т. д.). В. В. Седов констатировал: «Полное отсутствие до середины IX в. характерных скандинавских находок на других поселениях северо-запада свидетельствует о том, что торговая активность варягов ограничивалась Ладогой, они еще не решались широко проникать вглубь славянско-кривичских территорий. Очевидно, торговая деятельность, а на ее развитие указывают находки восточных момент, находилась в этих землях в руках представителей местного населения. Кроме Ладоги, единичные находки (кресало и топор) скандинавских типов, определяемые концом VIII — первой половиной IX в., найдены еще на Сарском городище, в области проживания мери, но говорить о проникновении сюда скандинавов на основе их явно преждевременно».⁷⁸ Признаков проживания варягов нет в ранних материалах Новгородского городища, в материалах Холопьевого городка, городища на Сяси, Новых Дубовиков, материалах Изборска или ранних материалах Псковского городища и т. д.⁷⁹

Из этого следует, что словене и их союзники вполне успешно «блокировали» варягов в Ладоге и не давали им в течение примерно ста лет никаку прорываться иначе как в качестве купцов.

Более того, рядом с неукрепленной Ладогой существовала славянская крепость Любша (где укрепления были возведены еще в конце

⁷⁶ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. С. 39; Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 104; Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. С. 10; Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье. С. 102.

⁷⁷ Об этой торговой магистрали см.: Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // Советская археология. 1963. № 3. С. 126–135; Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

⁷⁸ Седов В. В. О русах и русском каганате IX века // Славяноведение. 2003. № 2. С. 7.

⁷⁹ Седов В. В. 1) У истоков восточнославянской государственности. С. 100–111; 2) О русах и русском каганате IX века. С. 4–6.

VII — начале VIII в.),⁸⁰ при том, что поселение в Ладоге до последней четверти IX в. не имело укреплений.⁸¹ Очевидно, что укрепленное поселение политически господствовало над неукрепленным. Это дает нам ключ к пониманию того, что представляло собой с историко-социологической точки зрения раннее поселение в Ладоге:⁸² оно было полиэтническим международным торговым эмпорием, находившимся под политическим контролем словен и их крепости Любши.

Поэтому периодически возникающие историографические спекуляции о Ладоге как о центре некой скандинаво-славяно-финской политии, как о «столице», откуда варяги-скандинавы будто бы управляли славянами и т. п.,⁸³ должны быть решительно отвергнуты как противоречащие фактам. Торговое поселение в Ладоге не имело и в силу самой своей социальной природы не могло иметь значения полити-

⁸⁰ О Любшанском городище см.: Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196–203; Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. С. 16–19.

⁸¹ Укрепления, причем каменные, в Ладоге возводятся только в эпоху Вещего Олега (Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. С. 23–42), то есть в совершенно другом историческом контексте, когда Любшанская крепость уже не функционировала (была разрушена в результате нападения со стороны Балтики?), а Древнерусскому государству требовался защитный рубеж на севере. Возможно, Олег лично курировал строительство стратегически важной крепости, с чем связано сообщение НПЛ о посещении им Ладоги (ПСРЛ. Т. 3. С. 109). Политическая роль Ладоги в этот период, видимо, существенно возрастает.

⁸² Об итогах археологического изучения древней Ладоги см.: Кирпичников А. Н. 1) Каменные крепости Новгородской земли. С. 20–42; 2) Раннесредневековая Ладога: Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 3–27; 3) Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. С. 38–79; 4) Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 5–25; Кирпичников А. Н., Губчевская Л. А. Старая Ладога. СПб., 2002; Кирпичников А. Н., Сарабыянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2010; Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. С. 9–16; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 459–476; Кузьмин С. Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII вв.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. С. 69–94; Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье. С. 102–107.

⁸³ Относительно новые примеры подобных построений: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 59–69; Мачинский Д. А. 1) Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси. С. 5–35; 2) Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII — середине XI в. С. 492–501. Ср. основанный на реальных фактах вывод В. В. Седова: «Набеги норманнов (во второй половине VIII — первых десятилетиях IX в. — М. Ж.) вглубь лесных земель славянских племен, грабежи и сборы дани представляются нереальными» (Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 112).

ко-организационного центра, не могло быть «столицей» севера Восточной Европы.

Историческая ситуация в Ладожско-Ильменском регионе и соседних землях существенно меняется в середине IX в.: с этого времени варяжская дружинная культура появляется на Новгородском (Рюриковом) городище, признаки проживания варягов появляются в Верхнем Поволжье и в некоторых других пунктах,⁸⁴ что вполне согласуется с рассказом ПВЛ о призвании Рюрика и его варягов.⁸⁵ Учитывая, что в предшествующие сто лет словене вполне успешно блокировали продвижение варягов, их успешное перемещение на юг и восток около середины IX в., очевидно, явилось результатом союза со словенами. И именно как союзники словен варяги получили возможность такого продвижения.

Соответственно, можно, на наш взгляд, говорить о том, что легенда, зафиксированная в НПЛ и в ПВЛ, в общем, вполне исторично передает суть произошедших событий. Появление Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политии, стало результатом определенного соглашения — «ряда» между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью).⁸⁶ О высоком уровне социально-политической организации словен и демонстрации ими своего единства и силы говорят погребальные памятники (которые могли выполнять также и культовые функции) представителей их социальной элиты — сопки VIII—X вв., представлявшие собой огромные курганы высотой от 2–3 до 10 м, для возведения которых были необходимы серьезные трудовые затраты.⁸⁷

⁸⁴ Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 125–127.

⁸⁵ Что касается летописного рассказа о дани, взимаемой варягами со словен, кривичей, чуди и мери, то отраженная в нем ситуация сложилась, видимо, лишь непосредственно накануне «призыва» Рюрика (Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 116–117). Отметим также, что само варяжское сказание построено по принципу литературной антитезы: «хороший» варяг Рюрик, обеспечивающий мир и правду, противопоставляется «плохим» варягам, творившим насилие в землях словен и их союзников.

⁸⁶ О северном восточнославянском этнополитическом союзе, объединившем словен, кривичей и мерю см.: Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 82–142.

⁸⁷ О сопках ильменских словен см.: Седов В. В. 1) Новгородские сопки. М., 1970; 2) Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 58–66; 3) Древнерусская народность. М., 1999. С. 158–165. О социокультурном значении сопок см.: Конецкий В. Я. 1) Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 140–150; 2) Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — начала II тысячелетия н. э. // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 3–26. О культовом значении сопок см.: Свирип К. М. Языческие святилища северо-запада Древней Руси в VIII — начале

Избрание князя из числа выдающихся по своим личным качествам мужей — традиционное для славян и других народов периода «войнной демократии» явление.⁸⁸ При этом решающее значение имеет не этническая принадлежность или происхождение, а личные качества человека как политика, дипломата и военачальника.⁸⁹ Ближайшей типологической аналогией «призыва» Рюрика является избрание среднедунайскими славянами VII в. своим правителем галло-римского или франкского купца Само, завоевавшего их расположение благодаря своей доблести в битвах с аварами.⁹⁰ Рюрик (или его исторический прототип), вероятно, подобно Само, был храбрым воином и выдающимся политиком, заслужившим уважение и признание со стороны словен;⁹¹ идею о том, что летописный Рюрик является

XI в. // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 231–251.

⁸⁸ Память о подобной практике сохранилась в былинах: «по былинам, спасенный Ильей город предлагает ему быть воеводой (или князем) и „суды судить да ряды рядить“ (или суды „судить все правильно“)» (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. С. 166).

⁸⁹ Существует основанная на сопоставлении летописной традиции о новгородском старейшине Гостомысле, франкских источников, сообщающих об ободритском правителе Gostomuizli (Gestimulus, Gostomuizli), и известной по выпискам В. Н. Татищева Иоакимовской летописи гипотеза, согласно которой Рюрик получил власть в Новгороде согласно матрилатеральной традиции, будучи по женской линии потомком местного княжеского рода: Азбелев С. Н. 1) Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. С. 61–86; 2) Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 598–618; Гром Л. П. 1) Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи. С. 132–154; 2) Практика призываия правителя со стороны и проблема генезиса института княжеской власти из русской истории // Обычай, символ, власть. М., 2010. С. 324–355.

⁹⁰ Ронин В. К. Так называемая Хроника Фредегара // Свод древнейших письменных известий о славянах Т. 2. М., 2005. С. 364–397.

⁹¹ О Рюрике как правителе и возможностях его исторической идентификации см.: Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Seminariun Kondakovianum. Вып. 3. Прага, 1929. С. 215–270; Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 221–249; Касиков Х., Касиков А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике датчанине // Скандинавский сборник. Вып. 33. Таллин, 1990. С. 98–109; Фроянов И. Я. 1) Исторические реалии в летописном Сказании о призвании варягов. С. 3–15; 2) Мятежный Новгород. С. 75–106; 3) Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 103–140; Яманов В. Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // ВИ. 2002. № 4. С. 127–136; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 105–127; Кузьмин А. Г. Начало Руси. С. 187–241; Фомин В. В. 1) Варяги и варяжская русь. С. 422–473; 2) Южно-балтийские варяги в Восточной Европе. С. 107–125; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 527–533; Меркулов В. И. 1) Откуда родом варяжские гости; 2) Из окна в Европу увидели Рюрика // Родина. 2012. № 5. С. 64–67;

чисто легендарной личностью, мы не разделяем, так как сказание о призвании варягов хорошо согласуется с совокупность известных современной науке историко-археологических данных о событиях, происходивших на севере Восточной Европы в середине IX в.

Вполне историчны описанные в летописях примерные границы политии Рюрика,⁹² а фиксируемый археологически факт резкого увеличения в этот период потока дирхемов, поступающих в пределы этих границ,⁹³ говорит о том, что Рюрик вполне успешно решал ключевые экономические задачи своего «государства».

Поскольку Рюрику удалось укрепиться у власти и именно его потомки (или люди, по каким-то причинам ставшие возводить к нему свое происхождение) стали правящей династией, в исторической памяти довольно стандартный эпизод политической практики словен периода «военной демократии» трансформировался в то, что мы называем Сказанием о призвании варягов.

Опираясь на находки древнейших пломб, которыми опечатывалась собранная дань, В. Л. Янин вполне реалистично, на наш взгляд, наметил некоторые важные моменты «ряда» между Рюриком и северной восточнославянской политией: «Княжеская власть в Новгородской земле утверждается как результат договора между местной племенной верхушкой и приглашенным князем. Договор, по-видимому, с самого начала ограничил княжескую власть в существенной сфере — организации государственных доходов»;⁹⁴ «Ограничение княжеской власти в столь важной области, как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета, восходит, скорее всего,

3) Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54–74; Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. С. 61–86; Гром Л. П. Генезис древнерусского института княжеской власти, западноевропейские утопии эпохи Просвещения и их предтечи. С. 132–154; Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 15–298, 421–448; Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010; Цветков С. В. Князь Рюрик и его время. СПб.; М., 2012; Горский А. А. 1) Русь «от рода франков» // ДРВМ. 2008. № 2 (32). С. 55–59; 2) Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности // Исторический вестник. 2012. Т. 1 [148]. С. 6–23; Войтович Л. В. Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. 2013. № 1. С. 6–41; Пауль А. Балтийские славяне: От Рерика до Старигарда. С. 480–486; Петрухин В. Я. Русь в IX–X вв. От призыва варягов до выбора веры. С. 137–186; Серяков М. Л. Рюрик и Волжско-Балтийский торговый путь // Исторический формат. 2016. № 4. С. 169–199.

⁹² Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 112–115.

⁹³ Обобщение соответствующих данных см.: Серяков М. Л. Рюрик и Волжско-Балтийский торговый путь. С. 183–193.

⁹⁴ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 62–64.

к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом северо-западных племен». ⁹⁵

Получая от словен, псковских и полоцких кривичей, чуди и мери «корм» для себя и своей дружины, Рюрик так же, как некогда Само, выполнял традиционные для славянских князей общественно-полезные функции (защита своей земли, суд, текущее административное управление, охрана безопасности торговых путей, строительство городов и крепостей, сбор дани с подвластных племен и т. д.).

Резиденция Рюрика, очевидно, размещалась в сердце словенской земли в районе интенсивного земледельческого освоения на Новгородском (краеведы XIX века прозвали его «Рюриковым») городище,⁹⁶ возникшем, вероятно, еще в первой половине IX в. как укрепленный поселок словен⁹⁷ и ставшем с середины IX в. политико-административным, редистрибутивным, военным, организационным и религиозным (напротив Городища находился главный культовый объект словен — Перынь) центром северной восточнославянской политии словен и их союзников, где, в отличие от Ладоги, выявлены как укрепления, так и фиксирующиеся с 60-х годов IX в. выразительные признаки варяжской дружинной культуры.⁹⁸ Во времена Рюрика Городище стало княжеской резиденцией, впервые исполнив эту функцию, которая в дальнейшем стала для него традиционной.

Городище, как предшественник Новгорода, видимо, и фигурирует под соответствующим именем в летописных известиях, описываю-

⁹⁵ Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 33.

⁹⁶ О Новгородском городище см.: Носов Е. Н. 1) Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; 2) Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье. С. 108–119; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб., 2005; Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвошинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб., 2017.

⁹⁷ Седов В. В. 1) У истоков восточнославянской государственности. С. 102–103; 2) О русах и русском каганате IX века. С. 4–5; Носов Е. Н. 1) Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье. С. 109; 2) Рюриково городище — резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода // Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвошинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. С. 23–24, 28–33.

⁹⁸ При этом основную массу жителей поселения по-прежнему составляли словене. Е. Н. Носов констатирует, что хлебные печи, найденные на Городище «могло рассматривать как этнографическую черту славянского населения», а «наиболее массивный материал с поселения — лепная керамика... в целом может быть охарактеризована как керамика культуры сопок. Есть только один фрагмент сосуда, который может быть атрибутирован как скандинавский по происхождению. Раннегончарная керамика также типична для славянских памятников района, и среди нее все отчетливее выступают черты западнославянской керамической традиции» (Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье. С. 114).

щих события второй половины IX века.⁹⁹ Сам же Новгород в качестве городского центра формируется, по современным данным, примерно в середине X века.¹⁰⁰

Именно Новгородское городище с его крепостью и выразительной дружинной варяжской культурой и было тем историческим «Новгородом», в котором вокняжился прибывший в словенскую землю Рюрик. Таким образом, «новгородская» версия Сказания о призвании варягов вполне адекватно отражает исторические реалии середины IX века.

О «ладожской» версии этого сказать нельзя, ее появление и проникновение на страницы летописей мы, вслед за И. Я. Фрояновым, склонны рассматривать в контексте политических отношений Новгорода и Ладоги XI — начала XII в., в контексте притязаний ладожской городской общины на обособление и формирование собственной волости. В рамках идеологического оформления своих притязаний на более высокий политический статус, ладожане выдвинули «зеркальную» историческую концепцию, в рамках которой уже Новгород, якобы основанный ладожским князем, оказывался как бы пригородом Ладоги.

* * *

Подводя итоги сказанного в статье, констатируем:

1) Текстологический анализ Сказания о призвании варягов в НПЛ и древнейших списках ПВЛ свидетельствует о том, что исходным в летописях был «новгородский» вариант вокняжения Рюрика. Именно он читался в древнейшей известной нам редакции ПВЛ (представленной полнее всего в Лаврентьевской летописи) и в предшествующем ПВЛ условном «Начальном» своде (как бы его ни понимать), вариант записи которого сохранила НПЛ.¹⁰¹ «Ладожская» версия появляется только на этапе создания более поздней редакции ПВЛ, представленной в Ипатьевской летописи и, видимо, связана с неиз-

⁹⁹ Не исключено, что именно о нем идет речь в поздних летописных легендах о городе Словенске — предшественнике Новгорода, которые помнили, что Новгороду предшествовал некий иной городской центр: Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 21.

¹⁰⁰ Янин В. Л. 1) Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 127–129; 2) Очерки истории средневекового Новгорода. С. 27–28.

¹⁰¹ На данный момент, по нашему мнению, уверенно можно говорить о том, что НПЛ содержит, как минимум, отдельные места, отражающие текст летописи более ранней и более краткой, чем ПВЛ. Вопрос о том, была ли эта летопись тем Начальным сводом, как его понимали А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, или представляла собой что-то другое, остается за рамками настоящей статьи.

вестным нам по имени летописцем, который рассказывает о своем посещении Ладоги.

2) Данный вывод подтверждается анализом текста варяжской легенды во Владимирском летописце и в Львовской летописи. Оба памятника уникальны тем, что (а) городом, в котором садится Рюрик в них назван Новгород (как в НПЛ), но (б) при этом приводят с собой варяжские братья «всю русь» (как во всех древнейших списках ПВЛ). Ни в одной другой летописи, изданной в ПСРЛ, такого сочетания нет, при этом текст варяжской легенды в этих летописях (особенно во Владимирском летописце) полностью соответствует варианту Лаврентьевской летописи. Эти обстоятельства позволяют утверждать, что в данных летописях сохранилось чтение протографа (или его источника) Лаврентьевского и Троицкого списков, и по ним оно может быть надежно восстановлено как «старѣшии Рюрикъ сѣде в Новѣгородѣ». В последующих переизданиях конъектуру «сѣде в Новѣгородѣ» следует дополнить примечанием с указанием соответствующих чтений Львовской летописи и Владимирского летописца.

3) С точки зрения соответствия историческим реалиям середины IX в. предпочтение также должно быть отдано «новгородской» версии событий. Ладога, бывшая в то время полиэтничной неукрепленной торговой факторией, находившейся под политическим контролем славянской Любшанской крепости, никак не могла быть «столицей» земли словен и их соседей. Резиденцией Рюрика стало Новгородское городище, расположенное в центре словенской земли, где археологически фиксируется яркая варяжская дружинная культура, связанная с циркумбалтийским регионом. Именно оно и фигурирует в летописной традиции о событиях второй половины IX в. как «Новгород». Версия о «столице» Рюрика в Ладоге, не отражая исторических реалий времен «призыва варягов», скорее всего, возникла в XI–XII вв. в ходе политической борьбы между городскими вечевыми общинами Новгорода и его пригорода Ладоги, отражая стремление ладожан к высвобождению из-под власти Новгорода. Формирование соответствующей исторической памяти, в которой Ладога мыслилась как «столица», как независимый в прошлом город, к тому же «старейший» по отношению к Новгороду, должно было помочь ладожанам добиться независимости для своего города в настоящем.

Я. Г. Солодкин

К ПРЕДЫСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ПЕРВЫХ РУССКИХ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ В СИБИРИ*

Известно, что сооружению русских крепостей на Поле и в Поволжье в конце XVI в. часто предшествовал осмотр местности.¹ Такая практика получила отражение и в разнообразных источниках по истории градостроительства на «сибирской украине» Московского государства в последние годы XVI — начале XVII столетий.

Согласно Пинежскому летописцу, в 1596/97 г. устьцилемец Юрий Долгушин, литовский пан «полоненик» (не названный по имени) и «Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку».² В Книге записной (далее — КЗ) —

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-11-86004.

¹ См., например: *Багалей Д. И.* Очерки из русской истории. Т. 2. Харьков, 1913. С. 324; *Загоровский В. П.* 1) Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 44. Ср.: С. 71, 85, 91–93; 2) История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 219; *Солодкин Я. Г.* Из ранней истории Царева-Борисова // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья: Сборник статей памяти профессора В. П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 82; *Глазьев В. Н.*, *Тропин Н. А.* Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах как исторический источник // Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец, 2001. С. 5; *Дубман Э. Л.* Поволжский фронтон в середине XVI — XVII вв.: Очерки истории. Самара, 2012. С. 124–127, 129.

По наблюдениям Э. Л. Дубмана, в русском градостроительном искусстве XVI в. сложилась практика подготовительных работ по возведению новых крепостей, «на ориентировано выбранное место будущего строительства направлялись служилые люди для составления точного плана местности ..., проводился (в Разрядном приказе. — Я. С.) опрос знающих людей».

² *Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 62, 80; *Белов М. И.* Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Там же. С. 279, 282–284.

старшей из сохранившихся редакций Сибирского летописного свода (далее — СЛС) — говорится о «посылке» в 1597/98 г. «от царя Федора Ивановича ... Мангазейские земли проведать» воеводы Ф. Дьякова с целовальниками З. Яковлевым и Д. Ивановым, которые два года спустя привезли в Москву ясак.³ Видимо, в ходе экспедиции Дьякова возникло намерение заложить острог в устье Таза,⁴ но поздней осенью 1600 г. выступивший из «стольного» Тобольска отряд письменного головы князя М. М. Шаховского и сына боярского Д. П. Хрипунова-Дубенского сумел добраться до среднего течения этой реки, где и «срубил» такой острог, через семь лет превратившийся в город.

Письменным головам князю В. М. Рубцу Мосальскому и С. Т. Пушкину (с ними тобольские, березовские и сургутские служилые люди отправились к Обской губе весной 1601 г.) надлежало, «пришед в Мангазею и в Енисею на Тазкое (устье. — Я. С.), разсмотреть и розведать места и зырянских торговых людей расспросить про место накрепко, чтоб розыскать места лутчево, которое бы место было угодно, накрепко, и водяно, и лесисто (лесисто. — Я. С.), и впредь бы в том

В царствование Федора Ивановича московский гость Лука организовал экспедицию на трех кочах «проводывати обского устья», закончившуюся трагически (*Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 90; Мавродин В. В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до XVI века // ВИ. 1954. № 8. С. 106*).

³ ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 140. См. также: С. 191, 259, 316, 369; Белов М. И. Пинежский летописец... С. 281. Д. Я. Резун ошибочно полагал, что в КЗ речь идет о «проводывании» «Мангазейской земли» князем М. М. Шаховским и Д. П. Хрипуновым (*Резун Д. Я. 1) К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 37; 2) Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 76*), выстроившими там «первой ... острог», в представлении Е. В. Вершинина, едва ли на месте городка поморов, как зачастую считалось. См.: История Ямала. Т. 1. Кн. 2. Екатеринбург, 2010. С. 112, 158.

Мнение, будто город Мангазея возник почти на десять лет раньше начала XVII в. и «основан не царскими воеводами, а промышленными и торговыми людьми европейского Севера» (*Преображенский А. А. Напутствие новым читателям хорошей старой книги // Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 8. Ср.: Темплинг В. Предисловие // Церкви Обдорска: Летопись в документах. Вып. 1. Тюмень, 2005. С. 20. Примеч. 20*), следует признать домыслом.

⁴ См.: *Вершинин Е. Златокипящая Мангазея. Легенды и были Северного Эльдорадо // Родина. 2001. № 8. С. 45; Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург, 2004. С. 170*. Едва ли можно согласиться с мнением (см.: *Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 148*) о том, что экспедиция 1600 г. из Тобольска в бассейн Таза была снаряжена, хотя и после предварительной разведки, на скорую руку, без знания местных природных условий.

месте острогу и городу стоять было мочно», изыскать «лучшее место».⁵ По всей видимости, Ф. Дьяков «с товарыщи» такое место определить не смогли.

В КЗ и зависимой от нее Академической редакции (далее — АР) СЛС сказано, что в 1600/01 г. был «проведан и поставлен Томской город острогом на Томе реке, на горе над Ушайкою речкою», для чего послали из Тобольска местного сына боярского В. Ф. Тыркова⁶ со служилыми людьми, а год спустя воеводы В. В. Волынский и М. И. Новосильцев заложили тут рубленый город.⁷ О «проводывании» Томска мы читаем и в Миллеровской редакции СЛС, где, однако, как и в четырех последующих (Головинской, Нарышкинской, Томской, Шлецеровской), говорится о сооружении Тырковым города в нижнем течении Томи.⁸ В указанных редакциях летописного свода вопреки документальным данным и «росписи томских воевод»⁹ умал-

⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 393, 394.

⁶ Считать его головой, в частности, казачьим и даже письменным (*Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4. М., 1901. С. 38, 147; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 501. Ср.: С. 402, 403, 415; Бояршинова З. Я. 1) К вопросу о развитии земледелия в Томском уезде в XVII веке // Вопросы географии Сибири. Сб. 2. Томск, 1951. С. 99; 2) Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953. С. 36. Ср.: С. 42, 45; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI — начало XVII вв.). Тюмень, 2006. С. 26. Ср.: С. 67, 68; Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 105; Сафонов А. В. Семилужки — казачья крепость под Томском // Присоединение Сибири к России: новые данные: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. Тюмень, 2014. С. 168, и др.), тем более, воеводой (*Емельянов Н. Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984. С. 185*) не приходится.*

⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 141, 369. Утверждение о том, что в КЗ речь идет об основании в 1601 г. города Томска (*Резун Д. Я. К истории «поставления» ... С. 38, 42, и др.*, неточно).

По сообщению анонимного «слогателя» КЗ, «проводить царство Сибирское» еще за восемь лет «до Ермакова приходу» направили князя А. Лыгченицына с ратными людьми. В той же летописи сказано о «проводывании» при первом воеводе Енисейского острога Я. И. Хрипунове «Якутские земли и великой реки Лены», озера Байкал и многих «тамошних земель» промышленным человеком Е. Хабаровым, о начале «проводывания» Даурской земли (ПСРЛ. Т. 36. С. 138, 146–147, 157).

⁸ ПСРЛ. Т. 36. С. 98, 190, 259, 315, 346. Заметим, что известие КЗ, повторенное в АР СЛС, об участии тарских служилых людей в «поставлении» Томска (Там же. С. 141, 369) документально не подтверждается. См., например: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 402, 407; Первое столетие сибирских городов: XVII век (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7). Новосибирск, 1996. (Далее — ПССГ). С. 38; Бояршинова З. Я. Основание города Томска. С. 31, 32, 42.

⁹ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 344; Бояршинова З. Я. Основание города Томска. С. 31–47, и др. Д. Я. Резун, не замечая явного противоречия, думал, что в КЗ датировка

чиваются о назначении письменным головой новой крепости в «Сибирской стране» Г. И. Писемского (он в СЛС представлен занимавшим такую должность в Сургуте, и только¹⁰), а основание «Томского города» и появление там первых воевод приурочены к 1601/02 г. вместо 1604 и 1608 гг. соответственно.

Б. П. Полевой не исключал, что «район города Томска» был «прорвдан» в 1601 г., когда Тырков при первом воеводе Тобольского разряда окольничем С. Ф. Сабурове ездил с дипломатическим поручением «ис Тобольска в Томь через Тару ко князцем и мурзам с ... государским жалованьем и с милостивым словом и с ковши и с плащем и з грамотами за ... государскою красною печатью».¹¹ Впрочем, город на Томи был основан в сентябре 1604 г., судя же по КЗ, острог там «срубили» вслед за «проводыванием» «улуса» местных татар. Известие об этом остроге противоречит документальным свидетельствам, в частности, о том, что эуштинский князец Тоян просил в российском «царствующем граде» принять его в подданство и построить

сооружения города Томска, которая «не подтверждается никакими архивными данными», исходит из факта «посылки тобольских служилых людей» для его возведения и вместе с тем основана «на устном историческом предании» (*Резун Д. Я. 1*) К истории «поставления»... С. 36; 2) Очерки истории изучения... С. 75–76).

¹⁰ См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 142, 192, 260, 316. Г. И. Писемский в конце лета — начале осени 1604 г. был уже не сургутским письменным головой (Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. (далее — ОИЮ). С. 145; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых осяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 23–24; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления... С. 26, 67. Ср.: С. 98, и др.), а томским (Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг... Ч. 4. С. 38; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 37, 65).

¹¹ Полевой Б. П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 58, 60, 61. Цитируя летописную заметку о «проводывании» Томска, исследователь не пояснял, в чем оно состояло.

С. Ф. Сабуров умер в 1600 г. (Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства... С. 50), не ранее начала декабря. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 190. Ср.: С. 24, 197; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1. М., 1982. С. 77.

С точки зрения А. Т. Шашкова, сургутяне во главе с атаманом Т. Федоровым появились на Томи накануне дипломатической миссии Тыркова к местным князьям и мурзам — в конце 1598 или начале следующего года (Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 122; ОИЮ. С. 199). Утверждать, будто в 1601 г. сургутские и кетские казаки «поставили» там зимовье (Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 25), не приходится, тем более что Кетский (Кунгопский) острог, вероятно, был заложен в том же году.

город в Притомье. В начале 1604 г. туда отправились, дабы определить, где лучше всего «поставить» новую крепость, казаки из Сургута, и их «скаски», а также чертеж пути в Томскую волость сургутский воевода Ф. В. Головин спешно отоспал в Москву, где уже 25 марта того же года появился наказ о сооружении города, ставшего четверть века спустя разрядным центром — вторым в Сибири после Тобольска.¹²

Накануне строительства Верхотурья осенью 1597 г. чердынским наместником С. Шестаковым была осуществлена предварительная разведка местности в верховьях Туры, где располагалось старое вогульское городище Неромкур (Каменный город).¹³

В 1611 г. атаман черкас и «литвы» Т. Деев и казак Ю. Вахромеев были посланы из Сургута «дозрить» Тогурское устье Оби и даже изготовить соответствующий «чертеж», чтобы выяснить, можно ли там выстроить город либо острог взамен Нарыма и Кетска (с аналогичным предложением, говоря, однако, про «Кецкое устье, на Роздоре, на Оби, на левой стороне Оби и Кецкого устья», обратились в Казанском приказе атаман Т. Федоров и служивший, видимо, под его началом казак П. Колпашник). В результате этой «посылки» данное

¹² См.: Бояршинова З. Я., Голишева Г. А. Первый документ о строительстве города на берегу Томи // Из истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1970. С. 206; Бояршинова З. Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска) // Томску — 375 лет. Томск, 1979. С. 12–13; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления... С. 67; Скульмовский Д. О. Гарнизон Томска в первые годы своего существования // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории. Вып. 2. Нижневартовск, 2007. С. 12, и др. Д. Я. Резуну думалось, что первоначально «в дебрях московских канцелярий (скорее всего в Казанском приказе. — Я. С.)» или сургутской воеводской избе возникло предложение о строительстве острога на Томи, подведомственного администраторам Сургута, но затем было решено заложить город во владениях Тояна ([Резун Д. Я.] Предисловие // ПССГ. С. 18). Такая мысль, видимо, появившаяся не без влияния известия КЗ о «создании» Томска, — всего лишь допущение.

¹³ Шашков А. Т. 1) К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История. Религия. Культура. Екатеринбург, 1997. С. 178; 2) Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 9. С. 22; ОИЮ. С. 131, 133. Считать С. Шестакова основателем Верхотурья (Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 53) не приходится, этот город «ставили» воевода В. П. Головин и письменный голова И. В. Войиков. В адресованной им грамоте от 12 октября 1597 г. сказано: «вы б того места (городище Неромкур. — Я. С.) от реки от Туры по берегу разсмотрели, сколь то место крепко» (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 367). С. Шестаков, кстати, в первые годы XVII в. являлся дьяком Ямского приказа. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 579–580; Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // ИЗ. Т. 116. М., 1988. С. 201, 209.

предложение было отклонено, как и намерение заложить острог возле Нарыма.¹⁴

С точки зрения А. Т. Шашкова, русские воеводы неплохо представляли себе, где им следует возводить» Березов,¹⁵ ибо еще до появления отряда воевод Н. В. Траханиотова, князя М. П. Волконского и письменного головы И. Змеева в двух десятках верст от впадения Северной Сосьвы в «великую» Обь здесь располагалось «какое-то русско-зырянское промышленное зимовье».¹⁶ Последний тезис — не более чем догадка, но, видимо, в Москве были, пусть и смутно, осведомлены о поселении Сугмут-ваш, принадлежащем куноватско-ляпинскому князю, — городке Березовом, возле которого и всталася русская крепость.¹⁷ О его местоположении могло стать известно и на

¹⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 296–297, 427–431. Ср.: С. 445; Т. 2. С. 299–300, 405, 406, 432, 439, 512, 557, 560–561, 573, 674; ПССГ. С. 47. См. также: Древний город на Оби... С. 123; ОИЮ. С. 200.

В июне 1617 г., когда власти сибирской столицы решили заложить острог «в Верхней Тунгуске», из Тобольска были посланы два казака и один промышленный человек «тунгусские дороги проводывать» (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 280, 281. Ср.: С. 295; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остыаков Кодского княжества... С. 25). Возможно, «проводившие» эту дорогу достигли края волока с Кети на Енисей, где в следующем году отряд пельмского сына боярского П. Албычева и тобольского стрелецкого сотника Ч. Рукина «поставил» Маковский острог. В конце XVI в. удалось отыскать более удобный и короткий путь, нежели известный ранее, от Соли Камской в Сибирь; по фамилии крестьянина, который «проводил» эту дорогу, она стала называть Бабиновской. Позднее служилых нередко посылали в новые «землицы» для осмотра мест в целях сооружения там острогов. См., например: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 98, 99, 160–161.

¹⁵ Как узнаем из наказа заложившему Пелым князю П. И. Горчакову, вместе с которым за «Камень» первоначально намечалось отправить и воеводу Н. В. Траханиотова, последнему следовало «на Березов остров ... взять с собою наряд» (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 339). На взгляд А. Т. Шашкова, «согласно контексту (упомянутого документа. — Я. С.), речь шла о крепости, которую только еще предстояло построить» (ОИЮ. С. 126, 134. Примеч. 67; Шашков А. Славен град Березов! (История создания города в Нижнем Приобье: гипотезы и факты) // Родина. 2003. № 7. С. 44, и др.).

¹⁶ Шашков А. Т. 1) К истории основания Березова и Пелыма // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26–28 мая 1998 г.: Екатеринбург — Верхотурье. Екатеринбург, 1998. С. 251; 2) Березовское восстание 1595 года и основание Обдорского острога // Югра. 1999. № 1. С. 19–20, и др. Отряд Н. В. Траханиотова, выступивший из Чердыни, с верховьев Туры двигался вниз по ней и Тоболу, достиг Обь-Иртышского междуречья, а затем и устья Северной Сосьвы.

¹⁷ Солодкин Я. Г. 1) Возникновение первых русских городов на крымской «украйне» и в Сибири // Философия, наука, образование: Национально-региональный компонент в исследовании и преподавании. Ч. 2. Екатеринбург, 2003. С. 75; 2) Когда был

Выми, куда, в соответствии с жалованной грамотой 1586 г., владевший этим и еще пятью городками князь Лугуй обязывался раз в два года отвозить дань.¹⁸ Но скорее всего, Н. В. Траханиотов, двинувшийся со служилыми и даточными людьми к устью Северной Сосьвы, знал о том, где удобнее всего основать крепость в Нижнем Приобье, по государеву наказу, составленному с учетом сведений, переданных в Москву администраторами Тобольска, если также не Тюмени.¹⁹

Наказом от 19 февраля 1594 г., врученным в столице письменному голове В. В. Аничкову, Сургут — первый русский город в Среднем Приобье — надлежало «поставить» во владениях осяцкого князя Бардака — в Сургуте²⁰ или Безекове волости в Лумпеках (Лумпуках),²¹

заложен Березов? // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 41. В. Я. Темплинг напрасно считал, что Березов вначале, при Н. В. Траханиотове, представлял собой острог (*Темплинг В. Я. А была ли церковь? ... (О строительстве первой церкви в Обдорске)* // Сибирский исторический журнал. 2006. № 7. С. 129. Примеч. 20). Березов появился не «на месте осяцко-зырянского укрепленного центра Сугмут-вош» (*Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Ханты-Мансийск*, 2007. С. 59. Ср.: *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 264*), а рядом с ним. Мнение, что до района этого города доходили ермаковцы (*Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 108; Резун Д. Я. Березово // Историческая энциклопедия Сибири. Т. А-И. Новосибирск, 2009. С. 195*), безосновательно. Следует причислить к домыслам и получивший широкое распространение в историографии вывод о том, будто Березову, как и Пельму, предшествовал сооруженный несколькими годами ранее острог.

¹⁸ *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 262, 337–338. Г. К. Красинский и некоторые другие историки явно заблуждались, считая Лугуя вымским князем (*Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // ВИ. 1947. № 3. С. 84. Примеч. 33; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления... С. 76; и др.*).*

¹⁹ На взгляд А. Ю. Майничевой, «выбор места для крепости (Березова. — Я. С.) был «подсказан» местными жителями (надо думать, осятками. — Я. С.), точнее, их опытом и знаниями местных условий» (*Мыглан В. С., Ведмидь Г. П., Майничева А. Ю. Березово: историко-архитектурные очерки. Красноярск, 2010. С. 12*). Но этот выбор могли сделать и русские служилые люди, побывавшие близ устья Северной Сосьвы до весны 1593 г.

²⁰ Как допускал М. Б. Шатилов, «здесь был осяцкий городок того же названия» (*Шатилов М. Б. Ваховские осятики (Этнографические очерки). Тюмень, 2000. С. 35*). Взгляд, будто Сургут основан как острог на месте такой крепости (*Бакулин В. В., Ярков А. П. Сургут // Историческая энциклопедия Сибири. Т. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 210; Литвинчук М. С. Формирование локальной группы русских в г. Сургуте и Сургутском уезде в XVII — начале XX вв.: этнонациональная характеристика // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (27). С. 116*), следует отклонить.

²¹ О месте в его владениях, удобном для постройки города, русские служилые люди могли узнать и от самого Бардака, около 1592 г. сделавшегося вассалом «святоцаря» Федора (*Солодкин Я. Г. 1) Возникновение Березова и Сургута (О живучих историографических мифах) // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Вып. 3. Ханты-Мансийск, 2006. С. 19; 2) О некоторых*

и основателям нового «града» в «Сибирской земле»,²² «высмотря место крепкое», предписывалось остановиться на одном из этих вариантов.²³

Любопытно, что 18 февраля 1594 г., за день до появления наказа об «устроении» Сургута, составлена жалованная грамота кодским князьям Игичею Алачеву и Онже Юрьеву на Васпукольскую и Колпукольскую волости,²⁴ расположенные близ городка Войкара и в нижнем течении Иртыша. Не исключено, что от этих князей или одного из них в Москве узнали о месте, где предпочтительнее всего заложить город, вокруг которого должен был сложиться обширный уезд.

Возможно, после закладки Березова местным служилым людям удалось «проводить» местность «вверх по Оби», где был «срублен «Сургутский город»,²⁵ хотя это могли сделать, как и относительно самой крепости, «поставленной» близ устья Северной Сосьвы, годовальщики из Обского (Мансуровского) городка. Оттуда, думалось Е. В. Вершинину, предпринимались разведывательные походы, к примеру, в Перную орду в 1592 г.²⁶ А. И. Андреев, О. В. Внукова и Д. О. Скульмов-

дискуссионных вопросах основания Сургута // В. И. Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири. Материалы научно-практической конференции: 18–19 мая 2007 года. Сургут, 2007. С. 63). Мнение о том, что при основании Сургута население Бардакова княжества усмирили с помощью пушек, пищалей и кодских стрел (*Шашков А. Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 8. С. 21; ОИЮ. С. 127–128; Внукова О. В. Складывание основных категорий служилого населения Западной Сибири на раннем этапе ее русской колонизации (конец XVI — начало XVII вв.) // Материалы региональной научной конференции, посвященной памяти профессора Ю. П. Прибыльского: 19 апреля 2013 г. Тобольск, 2013. С. 51. Ср.: Древний город на Оби... С. 94*), не находит даже косвенных подтверждений в сохранившихся источниках.

²² Им следовало включить в свой отряд, отправившийся к устью Сальмы, казаков и «литву», «годовавших» в Обском городке, а его «разломать и скечь». Очевидно, с того времени прежние функции этих служилых перешли к березовским ратным людям.

Утверждение, будто князю Ф. П. Барятинскому и В. В. Аничкову надлежало «поставить» город «в местности, называвшейся Сургут» (Древний город на Оби... С. 92), неточно.

²³ Симачкова Н. Становление воеводской системы управления... С. 54. Как писала Н. Н. Симачкова, «в наказах содержались указания на более предпочтительные места для основания крепостей» (Там же. С. 50).

²⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 353.

²⁵ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 487.

²⁶ Вершинин Е. В. 1) Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 99; 2) Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов: 9–14 сентября, 2002: Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 312. Как заключил А. Т. Шашков,

ский вслед за П. Н. Буцинским писали о том, что годовальщики присыпали в основанный поздней осенью 1585 г. городок «для удержания в повиновении обских осяков и сбора ясака»,²⁷ и только. Думается, эти годовальщики могли «проводать» и низовья Северной Сосьвы, и устье Сальмы, где были «срублены» Березов с Сургутом.²⁸

Кетский (Кунгопский) острог служилые люди из Сургута и, видимо, Березова, а также «кодичи» основали после того, как в верховьях Кети побывали казаки Т. Федорова. По наблюдению А. Т. Шашкова, этот край, где находились владения князей Урнука и Намака, относился тогда к бассейну Енисея.²⁹

О местоположении Тюмени в Москве еще перед выступлением отряда В. Б. Сукина и И. Н. Мясного³⁰ за Урал, возможно, знали благодаря «ермаковым казакам», включая тех, которым вновь пред-

около 1592 г. годовальщики из Мансуровского городка совершили поход вверх по Оби, в результате которого русское подданство приняли Бардак и нижненарымский князь Кичей, был разгромлен и верхненарымский князь Воняя (ОИЮ. С. 127, 128; Шашков А. Т. К истории Обского (Мансуровского) городка // Великий подвиг народа. Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2001. С. 174). Позднее видный сибиревед назвал участниками этого похода только «кодичей», а его инициатором посчитал Г. Лутохина, являвшегося (но в 1594 г.) «начальным человеком» заложенного И. А. Мансуровым острога (Шашков А. Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI — начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. Тезисы окружной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея: 24–27 ноября 2003 г., г. Сургут. Сургут, 2003. С. 32; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых осяков Кодского княжества... С. 14, 15).

²⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 487; Внукова О. В. Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI — начале XVII веков // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1. Нижневартовск, 2002. С. 75; Скульмовский Д. О. «Годовая служба» в сибирских городах и острогах на рубеже XVI–XVII вв. // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Вып. 4. Нижневартовск, 2007. С. 65. Ср.: ОИЮ. С. 121.

²⁸ Относительно Сургута на это мы уже указывали. См.: Солодкин Я. Г. Из истории раннего русского градостроительства в Сибири // Пять столетий Югры: Проблемы и решения. Итоги и перспективы. Ч. 5. Нижневартовск, 2015. С. 31.

²⁹ См.: Шашков А. Т. Строительство русских острогов... С. 34; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых осяков Кодского княжества... С. 19–21.

³⁰ Они являлись не стрелецкими головами (Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв.: 1238–1598 гг. (От битвы на реке Сить до покорения Сибири): Справочник. М., 2000. С. 158; Тычинских З. А. Военно-служилые люди Тобольска в XVII в. // Тобольск: времена, события, люди. Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Вып. 5: Исторические науки. Тобольск, 2017. С. 43), а воеводами.

стояло отправиться в Сибирь.³¹ Про «Тюменское городище», рядом с которым летом 1586 г. был «срублен» острог,³² в правительственные кругах, предположительно, сделалось известным к февралю того же года и из отписки воеводы И. А. Мансурова, зимой 1585/86 г., надо думать,³³ сообщившего столичным приказным о закладке городка «против иртышского устья».

В Погодинском летописце сообщается о том, что письменный голова Д. Д. Чулков,³⁴ дойдя в 1587 г. до Иртыша, «обрете» там «место ... усть речки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единыи версты, на велице горе и красно велми»,³⁵ где и заложил

³¹ Солодкин Я. Г. Из истории раннего русского градостроительства... С. 27. Считать, что «дружина» Ермака (о чем поведал С. У. Ремезов), видимо, 1 августа 1581 г., взяла штурмом городок Цынги (Чимги)-Туру, возле руин которого был заложен Тюменский острог (Миненко Н. А. Тюмень: Летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 34–35; Ярков А. П. 1) Города и городки: о генезисе образов и поселений на примере SINGUI ~ Цынги-Туры ~ Тюмени // Тюменский исторический сборник. Вып. 18. Тюмень, 2016. С. 47; ср. 2) Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 10. Нижневартовск; Омск, 2011. С. 26; Со времен князя Самара... С. 118, и др.), не приходится. См.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 35, 145. Примеч. 24; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 477, 484; Матвеева Н. П., Аношко О. М. Проблемы и перспективы изучения похода Ермака на основе комплексного источниковедения // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. Тюмень, 2014. С. 19–20.

Напомним, что поход «русского полка» против «кучумлян» начался в следующем году — в конце лета или в первые дни осени.

³² См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 268; Рафикова Т. Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. Курган, 2011. С. 12, 15; и др.

³³ Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 23; Шашков А. Т. 1) Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 39–41; 2) Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 8. Едва ли можно определить, на каких основаниях В. И. Сергеев утверждал, будто к Искеру (Кашлыку) И. А. Мансуров двигался через Тюмень, где ему якобы предписывалось закрепиться, а Н. А. Миненко представлялось, что этого воеводу послали за Урал для закладки Тюменского острога.

³⁴ Считать его участником основания Тюмени, как полагали многие историки, начиная с Г. Ф. Миллера, не стоит. См., например: Солодкин Я. Г. К истории основания Тюмени и Тобольска // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Вып. 2. Нижневартовск, 2006. С. 50.

³⁵ ПСРЛ. Т. 36. С. 136. Ср.: С. 115, 139, 252. Примеч. 20; С. 259, 315, 345, 365, 368; Белич И. В. Мыс «Алтын Яргинак», «Бицик-Тура на Паньине бугре» и гора «Алафайская»: к исторической топонимике города Тобольска // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции

острог, вскоре превратившийся в «царствующий град» Сибири. Возможно, это место стало известно Чулкову, если даже не московским приказным, составившим наказ о «поставлении» Тобольска, от тюменских администраторов, располагавших показаниями служилых людей.³⁶

По словам тобольских летописцев, вскоре после основания в 1587 г. «града», быстро превратившегося в «царствующий», «начальный ... старой Сибири (Искера, Кашлыка. — Я. С.) Сейдяк» со свитой «по-идоша Иртышем ... тешитися ястrebы за птицы» на Княжий (Княжев) луг, «яко за два поприща» от русского острога.³⁷ Очевидно, местные татары хорошо знали про этот луг.

Тара на одноименной реке, «вверх Иртыша», была основана, «чтоб пашню завести, и Кучюма царя истеснить, и соль устроить», в 1594 г. (вслед за Сургутом) «в Ялах (Аялах)»,³⁸ то есть в Аялынской волости в Среднем Прииртышье, о которой упоминается в на-казе князю А. В. Елецкому, ставшему первым воеводой этого города. О ней в Москве могли узнать по отписке или отискам тобольских либо тюменских «начальных людей».³⁹ Составленный столичными приказными весной 1594 г. наказ А. В. Елецкому, под началом ко-торого служилые люди многих русских городов заложили Тару, со-держал распоряжение «присмотреть под город место, ... туто и место очистить и город поставить», «город зде[латы], высмотря место ниже ли того, выше ли того, где пригоже, чтоб город занять и укрепить».

с международным участием: г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 года. Курган, 2015. С. 228. Не приходится утверждать (см.: *Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 10*), что Тобольск возник на развалинах Искера (Кашлыка).

³⁶ Не исключено, что «богом строенное место» (по выражению одного из редакторов «Сказания» Саввы Есипова (ПСРЛ. Т. 36. С. 136)), где возник Тобольск, было известно еще «ермаковым казакам».

Как сообщается в КЗ, «Тобольский город» Д. Чулковым был «срублен из судо-ваго лодейного лесу небольшой и острогом и нос забиран». Последнее указание находит параллель в «Розряде царьства Сибирского...» начала последней трети XVII в.: «Камень Ленской носом пошел в море далеко» (ПСРЛ. Т. 36. С. 36, 139. Ср.: С. 368. Примеч. I, а).

³⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 66, 136. См. также: *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 270.*

³⁸ *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 352. Ср.: С. 358, 468.*

³⁹ Кузнецкий острог, кстати, был выстроен по «томским вестовым отискам» (ПСРЛ. Т. 36. С. 194, 261, 318), очевидно, адресованным воеводами города на Томи разрядному «градодержателю» боярину князю И. С. Куракину и содержащим сведения о наиболее удобном месте для «поставления» крепости. На основании распросов служилых и промышленных людей, подьячего Ф. Крылова «про Тунгусскую и про иные землицы» была составлена память тобольскому сыну боярскому М. Трубчинову о походе на Лену от 16 декабря 1619 г. (*Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 292–293. Ср.: С. 294, 313*).

Такое место было найдено, но, получается, не в ходе предварительной разведки, поблизости от Тары, на другой реке — Агарке (Аркарке), впадающей в Иртыш.⁴⁰ Кстати, и первому воеводе Пелыму князю П. И. Горчакову в соответствии с царским наказом следовало в Тоборах «присмотреть под город место, где пригоже, где быти новому городу в Тоборах, или старой город (расположенный ниже устья реки Пелымы и принадлежащий князю Аблегириму. — Я. С.) занять, да где лутче», «став в Тоборах в старом городе или в новом месте, где крепчае, заняв острог»,⁴¹ то есть предварительный осмотр этого места, вероятно, опять-таки не проводился. Но в том же наказе упоминается «старое городище» «против Пелымки»,⁴² где Н. В. Траханиотову «с товарыщи» предписывалось остановиться и «послать ратных людей ... ото всех воевод искать Аблегирима Пелымского, и жоны и дети их и люди воевать и побивать, и городок его жечи».⁴³ Указание на это городище склоняет к мысли о том, что до начала экспедиции в Тоборы туда могли послать русских служилых людей или вогулов, явившихся данниками «святоцаря» Федора.

Заметим, что если Тюмень и Тобольск вначале представляли собой остроги, то Березов, Пелым, Сургут и Тара, вероятно, в силу стратегических расчетов закладывались как города, подобно возникшему спустя несколько лет Верхотурью и «срубленному» еще позднее Томску.

Итак, основанию Верхотурья, Мангазеи, Томска, видимо, Сургута и Кетского острога, возможно, Березова, Тобольска и Тары сопутствовала рекогносцировка мест, где они были «поставлены» служилыми либо еще и даточными людьми. Сведения о ней большей частью поступали в Москву, где использовались при составлении наказов воеводам и письменным головам, назначенным в «далечайшую государеву вотчину».

⁴⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 284, 347, 349.

⁴¹ Там же. С. 340–342. Ср.: С. 275, 375, 488. Мнение о том, что изложенным в наказе П. И. Горчакову «планом закрепления» за Россией Северо-Западной Сибири предусматривалось, в частности, основание Сургута (Акишин М. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // РИ. 2015. № 3. С. 52), должно считаться преувеличением.

⁴² На взгляд А. Т. Шашкова, это Вышний Пелым — бывшая столица Пелымского княжества, разрушенная русскими еще в конце XV в. (ОИЮ. С. 138).

⁴³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 341.

Л. А. Тимошина

**«РУССКИЙ ИНОЗЕМЕЦ» XVII в.
ВЛАДИМИР ИЕВЛЕВИЧ**

В последние десятилетия одним из самых популярных, если не сказать, модных, направлений исследований является тема «иностранные в России»: проводятся международные конференции, появляются многочисленные сборники статей, освещдающие особенности пребывания в России представителей различных зарубежных стран и конфессий, восприятие ими русской действительности и отношение к ним русских людей («свой» — «чужой») и т. д. При обращении к этим работам становятся очевидными две тенденции. Первая — хронологическая, связанная, с одной стороны, с проявляемым вниманием, с одной стороны, к истории иностранцев в Русском государстве в начале — середине XVII в., что объясняется как событиями Смутного времени,¹ так и некоторыми другими коллизиями этого периода — указом 1627 г. о перекрещивании иноверцев, проектом женитьбы датского королевича Вольдемара на царевне Ирине Михайловне и т. д.;² а с дру-

¹ См., например: *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005; *Малов А. В.* 1) «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619): определение терминологических границ (по данным расходных книг Казенного приказа) // Смутное время: итоги и уроки. Сборник материалов второй Всероссийской научной конференции (Иваново — Кохма — Шуя, 20–22 апреля 2012 г.). Иваново, 2012. С. 157–195; 2) Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Федоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российской-польской научной конференции Москва, 24–26 октября 2012 г. М., 2016. С. 210–244; *Скobelkin O. B.* Служилые немцы в России в эпоху Смуты // Там же. С. 164–178; и др.

² *Голубцов А. П.* Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. XIII–XIV; *Bахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 108–114; *Филина Е. И.* 1) Русско-датские династические

гой — к их положению в государстве в конце XVII — первой четверти XVIII в., времени начала деятельности Петра I.³ Промежуточный период, когда были заложены основы петровских преобразований и значительно расширились всякого рода контакты с иноземцами как на общегосударственном, так и на личностном уровне, занимает историков в меньшей степени. Вторая тенденция — тематическая, заключающаяся в сосредоточении интересов историков или на вопросах вероисповедания иностранцев,⁴ или на их роли в военной истории Русского государства XVII в., иногда — в участии в работе приказного аппарата.⁵ В результате, практически вне поля зрения остается,

связи в первой половине XVII в. // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996. С. 167–170; 2) Царь Алексей Михайлович и политическая борьба при московском дворе (1645–1652 гг.) // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 97–113; Кошелева О. Е. Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // Казус 1999. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 148–170; и др.

³ См., например: Патрик Гордон. Дневник. 1635–1659, 1659–1667, 1677–1678 1684–1689, 1690–1695. М., 2000–2014; Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Болезнь и смерть Франсуа Лефорта // Петровское время — 2004. Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 63–106; Лефорт. Сборник документов и материалов. М., 2006; Павленко Н. И. Франц Лефорт. М., 2009; Гузевич Д. Ю. Захоронения Лефорта и Гордона: могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии. СПб., 2013.

⁴ Из новейших работ см.: Опарина Т. А. 1) Представление о христиане другой конфессии в России первой половины XVII века // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996. С. 160–166; 2) «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 288–325; 3) Полковник Александр Лесли и православие // Иноzemцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 141–166; и др. работы этого автора.

⁵ См., например: Беляков А. В. 1) Служащие западноевропейского происхождения в Посольском приказе второй трети XVII века // Иноzemцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 70–80; 2) Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017; Курбатов О. В. 1) Наёмный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». 2002. Вып. 19. № 3. С. 4–6; 2) Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноzemцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 18–34; 3) Неизвестная армия царя Алексея Михайловича: шляхта Великого княжества Литовского на царской службе во время войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российской-польской научной конференции Москва, 24–26 октября 2012 г. М., 2016. С. 293–308; и др. работы этого автора; Лебедев А. Л. Служилые иноземцы в России XVII в. (1613–1689): Автограф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. С. 1–24; Лисеццев Д. В. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI — середины XVII века // Иноzemцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 241–252; Малов А. В. 1) Московские

как это ни странно, повседневная жизнь в России, иногда на протяжении нескольких десятилетий, такой группы населения, как иностранные купцы вместе с их приказчиками и агентами, которые по роду своих занятий имели постоянные контакты с местными жителями и наиболее тесно соприкасались с реалиями русской жизни. При обращении, в частности, к работам В. А. Ковригиной, А. В. Демкина, В. Н. Захарова, чрезвычайно насыщенных именами иноземных купцов и предпринимателей, остается впечатление о пребывании всех этих лиц, нескольких сотен человек, в некоем вакууме, искусственной изоляции от окружающего их «русского» мира, изредка прерываемой в случае возникновения конфликтов с московскими или иногородними торговыми людьми, а с 1690-х гг. — общением с Петром I и его окружением.⁶

выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006; 2) Царские желдаки и другие выходцы из Речи Посполитой в составе московских выборных солдатских полков (1657–1671 годы) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 35–58; 3) Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до распуска частей нового строя после ее окончания) // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 126–144; и др. работы этого автора; Опарина Т. А. Служилые иноземцы «Селунские» в России в конце XVI — первой половине XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 396–399; Скобелкин О. В. 1) Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века // Исторические записки. Научные труды Исторического факультета. Вып. 2. Воронеж, 1997. С. 14–21; 2) Прием «выходцев на Государево имя» в XVI — в начале XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 7–17; 3) Службы иноземцев в Украинском разряде в 20-х гг. XVII в. // Там же. С. 292–302; 4) Ирландцы на русской военной службе в конце 10-х — 20-х годах 17 века // Шемрок: Ирландские исследования (история, политика, культура). № 3. Воронеж, 2002. С. 25–37; и др. работы этого автора.

Традиционным остается внимание к такой категории иноземцев, как придворные врачи (см., например: Долгова С. Р. Словенец доктор Григорий Карбонарий в Москве // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 383–394; Думшат С. Карьера придворного врача Даниила Фунгаданова в свете современных культурно-исторических исследований об иностранных медиках в Московском государстве 15–17 веков // Там же. С. 356–367; Худин К. С. «Греченин» Марк Юрьев Кондвеки — «алхимист» Аптекарского приказа // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 10. М., 2012. С. 144–151; и др.), а также проявление интереса к иноземцам, занимавшимся достаточно редкими видами деятельности (см.: Опарина Т. А., Шамин С. М. Биографии иноземных потешников царя Михаила Федоровича: Юрий Проскуровский и Иван Ермис // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 400–402).

⁶ Демкин А. В. 1) Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992; 2) Западноевропейские купцы и их товары в России XVII в. М., 1992;

В последнее время с появлением работ С. П. Орленко и Т. А. Опариной, где были поставлены и рассмотрены более широкие вопросы бытования выходцев из Западной Европы в России, не ограничивающиеся только религиозной или военно-государственной сферой, а затрагивающие гораздо более широкие и тесно связанные с повседневной жизнью аспекты их правового положения и взаимоотношений с различными представителями русского общества, в том числе и торговыми людьми, историографическая ситуация несколько изменилась.⁷ Бесспорной заслугой С. П. Орленко является постановка вопроса о возможности существования и осознания русским и западноевропейским купечеством общих интересов и целей, наличие более широких, чем у других групп населения, отношений с иноземцами, выражавшихся в поездках за рубеж, знании русскими иностранных языков и обучении этим языкам своих детей, использование в быту «немецких» вещей, книг и т. д.⁸ В свою очередь, Т. А. Опарина детально проследила процессы успешного или не совсем удачного включения в русскую жизнь нескольких, различающихся по своей этнической принадлежности и вероисповеданию, родов служилых иноземцев и купцов — англичан Барнсли, французов баронов де Ремон (Деремонтов), нидерландцев Эйлофов, представителей различных греческих семей и др. Однако некоторая ограниченность источников, обуслов-

3) Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1–2. М., 1994; Ковригина В. А. 1) Иноzemные купцы-предприниматели Москвы петровского времени // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М., 1994. С. 170–213; 2) Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998; Захаров В. Н. 1) Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996; 2) Иностранные купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 181–209; Захаров В. Н., Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII — первой четверти XVIII века // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 97–132; Гуслистова А. Н. Немецкая слобода: дворы иностранных купцов в Вологде XVII — начале XVIII в. // Материалы всероссийской научной конференции с международным участием «Чтения к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук Ю. К. Некрасова (1935–2006)». 22–23 мая 2016 года. Вологда, 2016. С. 86–89.

⁷ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004; Опарина Т. А. 1) Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева (Москва, 28–29 октября 2004 г.). Материалы. М., 2004. С. 54–73; 2) Иноzemцы в России XVI–XVII вв. М., 2007; 3) Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. Т. 70. Вып. 1–2. М., 2009, С. 273–302; 4) Миграция в Россию из Османской империи и ее вассальных государств в 10-е гг. XVII в. // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 13. М., 2015. С. 83–88; и др. работы этого автора.

⁸ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы... С. 213–222.

ленная использованием, в основном, записок иностранцев и материалов русского приказного делопроизводства, отражающих преимущественно конфликтные ситуации,⁹ не позволили авторам в должной мере нарисовать всестороннюю картину обыденных, не связанных с обоюдными обострениями отношений, контактов этих лиц.

Особое место в ряду исследований, посвященных иностранцам на русской службе или лицам, имевшим иноземные корни, занимает, на наш взгляд, работа И. Н. Юркина об Андрее Андреевиче Виниусе, где на широком историческом фоне (и это не привычный штамп, а действительная констатация принципиального подхода автора к используемому им «биографическому» жанру) рассмотрена во всех ее проявлениях (родственные связи, взаимоотношения с окружающими, участие в различных экспедициях, работа в приказах, научное наследие) жизнь одного из видных русских государственных деятелей второй половины XVII в., а также его отца, уроженца земли Фрисландия (в составе Нидерландов), Андрея Денисовича Виниуса с привлечением большого количества самых разнообразных источников.¹⁰

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости продолжения конкретных исследований взаимоотношений иностранцев и русских людей в XVII в. на уровне их личных контактов в условиях русской действительности того времени.

В письмах приказчика Сереговского соляного промысла, расположенного в Яренском у. на р. Выми, Ивана Андреевича Шергина 1689–1698 годов, адресованных хозяину усолья, гостю Ивану Даниловичу Панкратьеву и его вологодскому приказчику Ивану Дмитриевичу Нагаеву, довольно часто упоминается некий иноземец по имени Владимир (Володимер) Иевлевич. Первый раз этот человек встречается в письме И. Д. Нагаеву от 1 мая 1689 г., когда Шергин сообщает вологжанину о выполнении сереговским кузнецом Иваном Митяшиным работы для Владимира Иевлевича и передает привет этому последнему и его детям: «Володимеру Иевлевичю костяную натруську Митяшин оковал, и послана с Михаилом. Поволь принять и ему

⁹ Примеры рассмотрения конфликтных ситуаций см. также: Бусева-Давыдова И. Л. Тяжба о «Болдиновом дворе»: история из жизни московских иноземцев // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 134–140; Орленко С. П. Преступление и наказание капитана Христиана Улмана: происшествие 1665 г. // Там же. С. 336–345; Худин К. С. «Следственное дело о греке Дмитрие Селунском» 1652 г.: расследование одной смерти // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 11. М., 2013. С. 181–191; и др.

¹⁰ Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. М., 2007. Рец. см.: Тимошина Л. А. О научной биографии Андрея Андреевича Виниуса // ОФР. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 530–557.

отвесь, и от нас ему поволь сказать челобитье и нижайшее поклопение, вкупе и детем ево премного челом бью».¹¹

В несколько более раннем письме от 17 марта 1689 г. тому же И. Д. Нагаеву Шергин писал о приезде из Вологды на промысел человека И. Д. Панкратьева Ивана Никифорова, привезшего 1500 рублей на необходимые расходы (№ 146). Не исключено, что именно этот посыльный привез натруски Владимира Иевлевича, которую Шергин отправил обратно с соляным караваном, отплывавшим ежегодно из Серегова в Вологду с открытием навигации в мае месяце. Правда, остается не совсем понятным, зачем надо было посыпать натруску за сотни километров от Вологды, а не «оковать» ее в этом же городе или в каком-либо ином, не столь удаленном, месте. Для ответа на этот вопрос необходимо определить, что же представлял собой этот предмет. Исходя из толкования слова «натруска» — «набирка, кузовок, рожок, небольшая порошничка для насыпки пороха на полку; мера, сколько можно вытрясти в два, в три удара»¹² или «небольшая пороховница для хранения и насыпания на полку затравочного пороха»¹³ — можно полагать, что «натруска», да еще с прибавлением определения «костяная», обозначает что-то маленькое и хрупкое, предназначеннное для хранения пороха и требующее достаточно осторожного и искусного обращения и бережной транспортировки. По-видимому, для работы с натрукой требовался хорошо известный, действительно высококлассный специалист, каковым являлся кузнец Иван Митяшин, ранее уже упоминавшийся в письме, датирующемся не позднее 27 августа 1684 г. (№ 110), как человек, живший на промысле в течение нескольких лет, бывший высококвалифицированным мастером по изготовлению не только металлических корабельных снастей или буравов, но и тем, кому доверяли выполнение сложных и требовавших филигранной техники работ. Вполне возможно, что сереговский кузнец, помимо своих основных дел был связан с тонкими операциями на тех или иных предметах вооружения. Не случайно, гораздо позднее, более чем через десять лет после этого письма, в 1695 г. Иван Митяшин сделал теперь уже для владельца промысла гостя И. Д. Панкратьева «куски да 2 ключика отвертных пищальных, да 3 шилца» (№ 260).

¹¹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1. М., 2001. № 152. Далее ссылки на номера документов этого издания будут даваться в тексте статьи в круглых скобках.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1881. С. 485.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 288.

Через полгода, в письме от 6 декабря 1689 г. И. А. Шергин сообщает Панкратьеву о присылке от «иноземца Володимера Иевлевича» 200 рублей денег «на усолский росход», в которых человек московского гостя Степан Михайлов сын Шеметов дал Владимиру Иевлевичу на себя заемное письмо (№ 168). Здесь же Шергин пишет о присылке в усолье с тем же С. М. Шеметовым 300 рублей и от гостя Василия Ивановича Грудцына, шурина И. Д. Панкратьева.¹⁴ В. И. Грудцын летом-осенью 1689 г. находился в Архангельске во главе сбора таможенных пошлин с иноземных купцов, являясь так называемым «гостем у корабельной пристани».¹⁵ В грамотке к сыну В. И. Грудцына Семену Васильевичу от этого же числа (№ 169) Шергин просил переслать заемное письмо С. М. Шеметова И. Д. Панкратьеву, чтобы тот, заплатив деньги Владимиру Иевлевичу, уничтожил документ. Через месяц, 7 января 1690 г., Шергин опять пишет И. Д. Панкратьеву и среди прочего, упоминая о расписке в 200 рублях С. М. Шеметова, просит ее «свободить», то есть уплатить долг, и отослать расписку в Серегово (№ 170). Одновременно он посыает в Вологду письмо И. Д. Нагаеву, передавая через него «благодетелю Володимеру Иевлевичю и детем ево великое челобитье» и сообщая о выполнении «приказа» иноземца — «две парки пряж¹⁶ сковано» и послано на Вологду с Ерофеем Ивановым, и еще раз просит «свободить» и прислать на Серегово расписку С. М. Шеметова (№ 171). К 3 марта 1690 г. эта расписка, разорванная надвое в знак погашения долга, была отправлена из Вологды же на промысел (№ 177).

Через год, 5 февраля 1691 г., Шергин посыает в Вологду два замка для И. Д. Нагаева и две пары крючков к вожжам для Владимира Иевлевича (№ 195). 13 февраля 1692 г., опять-таки через посредство И. Д. Нагаева, передает привет иноземцу и отправляет ему скованные в Серегове наконечники к вожжам: «Пожалуй, государь, вели от меня поклонитца Володимеру Иевлевичю, а по приказу ево наконечники к вожжам скованы и посланы с Іваном Строкою. Вели, го-

¹⁴ И. Д. Панкратьев был женат вторым браком на сестре В. И. Грудцына Мавре Ивановне. Подробнее см.: Тимошина Л. А. 1) Гости Панкратьевы и Великий Устюг в XVII в. // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 134–153; 2) Купцы и промышленники Панкратьевы во второй половине XVI — первой половине XVIII в. // ОФР. Вып. 20. М.; СПб., 2017. С. 142–144.

¹⁵ РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. Д. 3394. Л. 53. О выполнении гостями этой служебной функции, заключающей в себе более широкий круг обязанностей, чем у таможенных голов см.: Тимошина Л. А. Холмогорская таможенная книга 1658 г. // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 199–203.

¹⁶ В данном случае, «пряжи» — это железные пряжки (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 28). Следовательно, сереговский кузнец, очевидно, тот же И. Митяшин сковал для иноземца две пары пряжек.

сударь, поднести» (№ 211). 3 января 1693 г. он вновь передает Владимиру Иевлевичу в Вологду «великое челобитье» и двое крючков к вожжам (№ 226).

Летом этого же, 1693 г., во взаимоотношениях И. А. Шергина и Владимира Иевлевича возникло некоторое недоразумение, связанное с участием иноземца в делах на промысле: 10 августа сереговский приказчик сообщил И. Д. Панкратьеву, что в росписи Ивана Нагаева 1691/92 г. были записаны разновременные выплаты иноземцу 2000 рублей, якобы оставленных им, едучи из Архангельска, на Устюге у гостя Василия Ивановича Грудцына для передачи на нужды промысла (№ 238), но, по утверждению Шергина, он никаких денег не принимал, и «написаны они в росписи напрасно». На этот же факт Шергин указал и самому И. Д. Нагаеву (№ 239). Скорее всего, в данных обстоятельствах имела место ошибка вологодского приказчика, и конфликт, очевидно, закончился, не повлияв на личные взаимоотношения Шергина и иноземца. Во всяком случае, в марте 1698 г. (временной перерыв в письмах объясняется почти полной утратой корреспонденции за 1695–1697 гг.) Иван Андреевич вновь просит Нагаева передать Владимиру Иевлевичу привет и поблагодарить за присланное в предыдущем письме сообщение о своем здоровье: «Пожалуй, одолжи меня своим жалованьем, чрез сие писание поклонись от меня Володимеру Иевлевичю, челом бью на ево милости, что чрез твое писание учинил приятство мне, последнему, назначил о своем здоровье» (№ 281). После марта 1698 г. имя Владимира Иевлевича в переписке Шергина не встречается.

Приведенные выдержки из писем позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, исходя из дружеского тона письма от 17 мая 1689 г. с первым сохранившимся упоминанием имени Владимира Иевлевича, очевидно, что знакомство И. А. Шергина и иноземца произошло задолго до этой даты, по меньшей мере, в середине 1680-х годов.

Во-вторых, судя по посредничеству в переписке Шергина с Владимиром Иевлевичем И. Д. Нагаева, постоянно жившего в Вологде, учитывая время отправления таких писем только зимой или самой ранней весной и предназначение некоторых, посылавшихся иноземцу предметов, например, крючков к вожжам, которые были необходимы, в первую очередь, там, где находилась конюшня, можно предполагать, что сам иноземец имел постоянное пристанище в Вологде, выезжая оттуда летом по водному пути в Устюг, Архангельск, возможно, в Москву.

В-третьих, к концу 1680-х годов Владимир Иевлевич имел не менее двух, живших вместе с ним, скорее всего, на том же вологодском дворе сыновей.

В-четвертых, он был достаточно обеспеченным человеком, или, по крайней мере, в 1690-х годах имущественное положение Владимира Иевлевича позволяло ему посыпать на промысел для кредитования рассолоподъемных работ достаточно большие суммы денег. Допустимо поэтому высказать предположение о получении им из Серегова соли, возможно, на льготных условиях для ее последующей перепродажи в Вологде или транспортировки в другие города. А постоянно повторяющиеся просьбы об изготовлении тех или иных мелких предметов конской упряжи свидетельствуют о наличии у иноземца некоторого количества своих лошадей, использовавшихся, возможно, не только для собственных выездов, но и для перевозки товаров.

И наконец, между приказчиком Сереговского промысла И. А. Шергином и Владимиром Иевлевичем на протяжении десяти лет явно существовали не просто деловые, но и дружеские отношения, когда первый передавал приветы семье иноземца и знал о наличии у него нескольких детей, а второй сообщал в Серегово о своем здоровье и просил изготавливать мелкие предметы вооружения или конской упряжи, причем, судя по всему, вопрос об оплате работ сереговского кузнеца самим Владимиром Иевлевичем никогда не ставился. При этом обращает на себя внимание очень теплый, мягкий, если не сказать «ласковый», характер всех строк, касающихся иноземца. Такой стиль письма был свойственен только «грамоткам» И. А. Шергина, обращенным к хозяину промысла и его родственникам, но никак не к другим лицам, например, к тому же вологодскому приказчику И. Д. Нагаеву, и как нельзя лучше свидетельствует о существовавшей между ними взаимной симпатии.

Из-за плохой сохранности переписки И. А. Шергина за вторую половину 1680-х годов (полностью отсутствуют письма за 1686 и 1687 гг. и фрагментарно дошли до настоящего времени письма за 1688 г.), трудно сказать, где и когда Шергин мог узнать Владимира Иевлевича. Вполне возможно, знакомство Ивана Андреевича, устюжанина по происхождению,¹⁷ с иноземцем произошло при личной встрече в Устюге или Вологде; менее вероятен, но не исключен приезд Владимира Иевлевича в Серегово. Допустимо связывать возникновение дружеских отношений и через посредство хозяина промысла, гостя И. Д. Панкратьева, или его устюжского родственника, гостя же В. И. Грудцына, которые, соответственно, в свою очередь, в тот или иной момент, особенно, если учесть присылаемые иноземцем в усолье деньги,

¹⁷ Тимошина Л. А. Частный архив как памятник культуры конца XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 229–230.

должны были познакомиться с Владимиром Иевлевичем задолго до 1689 г. Поэтому для выявления возможных точек их соприкосновения необходимо обратиться к более широкому кругу источников, где в той или иной, более или менее похожей форме фигурирует имя упоминаемого в письмах И. А. Шергина иноземца.

В конце 1676 г. или начале 1677 г. вдова некоего иноземца Владимира Ивановича Мария Андреевна подала вологодскому архиепископу Симону челобитную с просьбой взять на старце Спасо-Прилуцкого монастыря Сергея Белоусове, в миру, как указала просительница, вологодском посадском человеке Самсоне Белоусове, «покойного мужа моего Володимера по заемной кабале 1000 рублей серебреных денег». Однако никаких принудительных мер со стороны высших церковных властей по отношению к прилуцкому монаху принимать, судя по всему, не пришлось, так как во второй совместной мировой челобитной Марии Андреевны и старца Сергия на имя того же лица было указано, что 17 января 1677 г. они «в тех деньгах сочлись».¹⁸ М. С. Черкасова, обратившая внимание на эти сведения и указавшая современные поисковые данные документа (ГАВО. Ф. 1260. № 1469), отождествила вдову иноземца с сестрой переводчика Посольского приказа Андрея Андреевича Виниуса, а его самого — с иноземным купцом Владимиром Ивановым Иевлевым. Попутно исследовательница отметила, что Самсон-Сергей Белоусов был, по одной ее версии, просто компаньоном, а по другой — возможным родственником гостя Гаврилы Мартыновича Фетиева,¹⁹ что сразу же дает, с одной стороны, ответ на неизбежной вопрос о происхождении отнюдь не маленькой

¹⁸ Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище (1617–1706 гг.). Вып. 10. Вологда, 1909. С. 76.

¹⁹ «...в 1677 г. вдова В. И. Иевлева Мария Андреевна (сестра переводчика Посольского приказа Андрея Виниуса-младшего) жаловалась архиепископу Симону на спасо-прилуцкого старца Сергия Белоусова (в миру был посадский человек, компаньон гостя Г. М. Фетиева), который не заплатил по заемной кабале 1000 рублей ее покойному мужу» (Черкасова М. С. О деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII — начале XVIII века // Русская культура на рубеже веков. Русское поселение как социокультурный феномен. Сборник статей. Вологда, 2002. С. 335).

См. также: Черкасова М. С. Новые данные о деятельности вологодского гостя Г. М. Фетиева // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 97; Малинина Н. Н., Черкасова М. С. Торговые люди и православная церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г. М. Фетиева) // Вестник Екатеринбургской духовной академии. 2016. № 4. С. 90, 95. О посадском человеке Самсоне Белоусове — старце Сергею см. также: Старая Вологда XII — начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. № 91. С. 79; № 104. С. 89; № 143. С. 124; № 147. С. 129; Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011. С. 92, 106.

суммы, находившейся в распоряжении человека духовного чина, а с другой — позволяет думать, что заемная сделка была заключена еще в бытность Самсона Белоусова посадским человеком, что подтверждается упоминанием в челобитной вдовы его мирского имени.²⁰ К сожалению, в описании свитков вологодского собрания фамилии вдовы и ее умершего мужа-кредитора не указаны, а М. С. Черкасова не привела никаких документальных обоснований своего предположения. Поэтому приходится думать, что, коль скоро в работе исследовательницы приводится номер современной единицы хранения, то автор статьи видела подлинные документы с изложением подробностей разбираемых претензий и именно оттуда заимствовала фамилию иноземного купца.

Имя иноземца Владимира Иванова в связи с вологжанами Г. М. Фетиевым и С. Белоусовым упоминается еще несколько раз. 7 мая 1665 г. голландский купец Владимир Иванов дал отпись вологодскому посадскому человеку Гавриле Мартынову с. Фетиеву и Самсону Лукьянову с. Белоусову в получении от них 720 рублей долга.²¹ А с 1674 по 1684 год длилось дело о выплате тем же Г. М. Фетиевым «800 руб. семейству Виниуса-младшего и Владимира Иванова (женой последнего была сестра Андрея Виниуса Мария)». Как отмечает М. С. Черкасова, вологодский посадский человек в течение нескольких лет не мог выплатить долг и только «незадолго до смерти, будучи в Архан-

²⁰ Известна описная книга Спасо-Прилуцкого монастыря казначея Сергея Белоусова мая 1675 г. (Малинина Н. Н., Черкасова М. С. Торговые люди и православная церковь в XVII в. С. 95). Следовательно, он принял постриг, по крайней мере, за несколько лет до этой даты, так как трудно предположить, что мирской человек, даже с очень богатым личным опытом торгово-экономической деятельности, едва войдя в состав братии, был сразу назначен на вторую в монастырской иерархии должность. Примечательно, что 18 июля 1675 г. Сергей Белоусов как казначей Спасо-Прилуцкого монастыря дал гостю Гавриле Фетиеву купчую на свой «родовой» посадский двор в Коровине улице размером 7×80 саж. (по переписи 1646 г. этот двор принадлежал его отцу, Первому Иванову с. Белоусову, где жил он сам вместе с сыном Самсоном см.: Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 1. М., 2008. С. 42), по-видимому, неподалеку от двора покупателя, получив за эту недвижимость всего 10 рублей (Старая Вологда XII — начало XX в. № 108. С. 92). Трудно сказать, насколько добровольной была продажа старцем Сергием этой недвижимости и обусловливалась ли она желанием окончательно избавиться от всех мирских благ, срочной потребностью в наличных, пусть и небольших деньгах или настоятельной просьбой бывшего товарища в торговых делах, стремившегося увеличить площадь собственного дворовладения или вложить средства в еще один объект городской недвижимости (в 1678 г. гость Г. М. Фетиев имел в Коровине улице три двора, один по правой стороне и два, расположенных рядом, по левой, см.: Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 125).

²¹ Черкасова М. С. Северная Русь: История сурового края XIII–XVII вв. М., 2017. С. 178. № 2.

гельске, 24 ноября 1683 г. Фетиеву удалось получить платежную отпись от Марии Виниус о прекращении всех расчетов».²² В своих работах с рассказом об этом казусе исследовательница не указывает тройное имя иноземного купца, однако совпадение и в том, и в другом заемном деле имени его жены, Мария Виниус, позволяет думать, что и в этом случае речь идет о Владимире Иванове Иевлеве.

И. Н. Юркин, рассматривая вопрос о родственниках А. А. Виниуса и указав на трех родных сестер этого государственного деятеля, Марию, Анну и Евдокию, обратил внимание на довольно редкое среди иноземцев отчество дочери Марии Андреевны, то есть племянницы Андрея Андреевича, — Ненила Владимировна. В результате, историк, основываясь на статье М. С. Черкасовой,²³ пришел к выводу, что муж Марии Андреевны Виниус и, соответственно, отец Ненилы «тождественен упомянутому в документе В. И. Иевлеву»²⁴ и продолжил: «Остается установить, что скрывается за этой русифицированной фамилией. По данным В. Н. Захарова (частное сообщение), Иевлевыми именовали голландских купцов де Юнгов. По его сведениям, деятельность в России Владимира де Юнга отмечается с 1668 г.».²⁵ Разумеется, сама постановка вопроса о необходимости выяснения «родовой» принадлежности иноземца с действительностью явно переделанным патронимом-фамилией справедлива, но с последовавшим далее ответом согласиться нельзя. Дело в том, что на указанной странице исследования В. Н. Захарова в общей и не имеющей ссылок на конкретные документы таблице²⁶ отмечено: «де Юнг Владимир (1668–1711)».²⁷ Следовательно, проживший, по мнению специалиста по истории западноевропейского купечества, до 1711 г. Владимир де Юнг ни при каких условиях не может быть отождествлен с умершим к началу 1677 г. мужем Марии Андреевны Иевлевой²⁸ Владимиром Ивановым Иевлевым.

²² Черкасова М. С. 1) Новые данные о деятельности вологодского гостя... С. 97; 2) Северная Русь. С. 157

²³ Черкасова М. С. О деятельности торговых иноземцев в Вологде... С. 335.

²⁴ Ненила Владимировна Иевлева, по данным И. Н. Юркина, вышла замуж за придворного врача Захария Яковлевича фан дер Гульста (*Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 505*). О нем см.: Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940. С. 62, 155, 181; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 291–292;

²⁵ Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 505 (со ссылкой на монографию В. Н. Захарова: Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 315).

²⁶ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Приложение 1. Западноевропейские купцы в России в конце XVII — первой четверти XVIII вв. С. 311–320.

²⁷ Там же. С. 315.

²⁸ В приведенной далее генеалогической схеме потомков М. И. Иевлевой И. Н. Юркин, хотя и со знаком вопроса, опять воспроизводит «фамилию» ее мужа

В таможенных книгах Великого Устюга первой половины 1650-х годов несколько раз упоминается имя иноземца Владимира Иванова: в записях от 29 апреля 1651 г. и 9 мая 1653 г. отмечено, что приказчик Голландской земли Давыда Микулаева голландец же Владимир Иванов плыл из Вологды в Архангельск «с товарными кладьми», соответственно, на барке и дощанике и на двух барках.²⁹ Еще более интересны две записи от 5 июня 1653 г., где сообщается, что «Голландской земли» Владимир Иванов (уже без обозначения, что является чьим-то приказчиком) купил на Устюге у местных жителей Ивана Емельянова и Ивана Ходутина по 800 пудов сала за 720 руб. каждая партия. Причем речь шла о доставке товара к устью Северной Двины: «А то сало он, Володимер, отдал на сплавку ему ж, Ивану (Емельянову. — Л. Т.), поставить у Архангельского города»; «И с тем салом отпустил он, Иван (Ходутин. — Л. Т.), к Городу дощаник да каюк».³⁰ 5 мая 1655 г. нижнесухонский носник плыл на барке приказчика того же Давыда Микулаева Владимира Иванова,³¹ а 4 октября

как «Владимир И. Иевлев (де Юнг?) уп. с 1688» (*Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус. С. 506; по-видимому, опечатка, должно быть — 1668 г.).

О близких родственно-хозяйственных связях А. А. Виниуса и Владимира Иванова, единстве их духовных интересов, которые, возможно, не в меньшей степени, чем экономическая составляющая или принадлежность к одной этно-конфессиональной группе, обусловили и взаимовыгодный, и «взаимоинтересный» для шуринов брак, свидетельствует недавно опубликованная надпись на книге Адама Олеария «Путешествие через Россию в Персию» издания 1651 г. на голландском языке, из которой можно узнать, что Владимир Иванов оставил свою владельческую запись на этом попавшем затем в библиотеку А. А. Виниуса сочинении предположительно 30 апреля 1659 г. (*Савельева Е. А.* Голландская книга в собрании А. А. Виниуса // Россия — Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. СПб., 2014. С. 488). К сожалению, записи воспроизведены с таким количеством ошибок, что о точной дате можно только гадать: «Сия книга Володимера Иванова Лета ЗРКЗ (= 7167 = 1669)-го году апреля Л (= 20) день» (Там же). О библиотеке А. А. Виниуса см.: *Савельева Е. А.* Андрей Андреевич Виниус, его библиотека и альбом // Россия — Голландия. Книжные связи XV–XX вв. СПб., 2000. С. 103–123; *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус. С. 436–448.

²⁹ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 2. М., 1951. С. 81–82, 227.

³⁰ Там же. С. 207, 284.

³¹ Там же. С. 560. Любопытно, что в этой единой записи от 5 мая 1654 г. указаны три человека носников, которые поплыли, соответственно, на двух барках постельничего Федора Михайловича Большого и стольника Федора Меньшого Ртищевых, управлявшихся иноземным же приказчиком Леонтием Ивановым и третьей — Давыда Микулаева. Не будет слишком смелым предположить, что эти барки составляли, скорее всего, намеренно небольшой караван. Следовательно, находившиеся на них приказчики-иностранныцы, по-видимому, были знакомы друг с другом, а не исключено, что те или иные деловые или дружеские отношения объединяли и хозяев плавательных средств.

1655 г. еще один сухонский носник плыл на дощанике иноземца Владимира Иванова также без указания в записи на его статус приказчика.³² В следующую навигацию «Галанские земли» «Володимер Иванов» имел уже собственный «флот» — три барки и два дощаника, на которые 5 мая 1656 г. в Тотьме были наняты пять носников.³³ Причем в этот же день тотмянин Тимофей Потемин продал «Галанские земли иноземцу Володимеру Иванову» хмеля на 14 рублей 20 алтын.³⁴ Иными словами, иноземец сам возглавлял свой караван на пути в Архангельск.

Следовательно, Владимир Иванов если и начинал свою деятельность как приказчик одного из самых известных иноземных купцов в России в 20-х–50-х годах XVII в. Давыда Николаева Руца (Рутса, Рюца),³⁵ комиссара датского короля, то затем стал, если речь не идет об особенностях фиксации социального положения плательщиков различными целовальниками, проводить не только собственные закупочные операции с одним из наиболее популярных экспортных товаров, но и договариваться с продавцами о транспортировке грузов,³⁶ что представляет собой уже следующую более высокую ступень развития торговых операций.³⁷ В любом случае, ко второй половине

³² Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 2. С. 344.

³³ Там же. С. 618.

³⁴ Там же. С. 649.

³⁵ О нем см.: Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Вып. 2. М., 1983. С. 224, 259, 268, 341; Вып. 3. М., 1983. С. 416; Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII вв. Сборник документов. Т. 1. М., 2004. С. 104, 105, 138, 161, 164; Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. СПб., 2013. С. 211, 217, 237, 244; Вып. 3. М.; СПб., 2015. С. 48, 101, 161, 268; Вып. 4. М.; СПб., 2016. С. 62, 63, 66, 87, 103, 115, 170; Вып. 5. М.; СПб., 2017. С. 79, 82, 114, 129, 177, 180, 280; Вып. 6. М.; СПб., С. 84, 93; Мерзон А. Ц. Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 309; Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 56, 67, 440; и др.

³⁶ В. Н. Захаров в отношении ряда торговых иноземцев петровской эпохи, П. Вестова, Т. Келдермана, И. Любса отмечает «интересные», по его мнению, «операции с кожевенными товарами», суть которых и заключалась не просто в скупке сырых кож, а отдаче их для выделки русским «обычно ярославским кожевникам» (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 164). Заметим, что такой характер работы ярославских кожевников с иностранными купцами прослеживается гораздо раньше, по меньшей мере, со второй половины 1630-х годов (см.: РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1637 г. № 34; 1638 г. № 5, 1642 г. № 40; и др.). Сделка Владимира Иванова с Иваном Емельяновым показывает, что выгодные и той, и другой стороне операции имели место не только в обработке кожи, но и в других областях товарного оборота.

³⁷ Стоит заметить, что если 9 мая 1653 г. в устюжской таможне фиксируются суда, идущие под началом Владимира Иванова в сторону Архангельска, а 5 июня этого же

1650-х годов Владимир Иванов, бесспорно, превратился в самостоятельный «торгового иноземца» и только в таком качестве фигурировал в выданных архангелогородской и холмогорской таможнями выписях (9, 29 ноября, 10 декабря 1657 г.), где указывался отпуск им от «Города» в центральные города России на лошадях русского жителя Архангельска Пантелея Аврамова с. Трапезникова и «Галанской земли» торгового иноземца Анании Родионова³⁸ принадлежавших ему сукон, изюма и смокв.³⁹

В списке иноземных купцов, приезжавших в Россию в XVII в., который был составлен В. А. Демкиным на основе различных материалов Посольского и четвертных приказов, упоминается нидерландец Владимир Иванов Фангевер с указанием на 50-е — 70-е годы XVII столетия как время его деятельности на территории Русского государства.⁴⁰ Отмечается, что за это время западноевропеец выдал русским купцам 16 кредитов на общую сумму 10366 рублей, в том числе один из них — москвичу, а 15 — жителям других городов.⁴¹ Н. Н. Репин в сводной таблице о торговле голландских купцов в Архангельске во второй половине XVII в. также указывает на одного из купцов — Владимир Иванов Фангевер (Фанэвер), имя которого как нельзя лучше совпадает с приведенным А. В. Демкиным.⁴² Однако Н. Н. Ре-

года он покупает сало в Великом Устюге, то это с очевидностью свидетельствует о его возвращении из беломорского порта, так как предполагать почти месячную задержку в городе в нижнем течении Сухоны нет никаких оснований. Таким образом, весь речной путь от Устюга до Архангельска и обратно в разгар навигации с учетом более или менее длительной задержки в конечном пункте занимал около 26–28 дней.

³⁸ Речь, по-видимому, идет о нидерландском купце Анании Родионове Диконсе, который, по данным А. В. Демкина, упоминается в числе иноземных торговых людей в 30-х — 50-х годах XVII в., в 1665 и 1679 гг. (Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 72). Дело отца продолжил сын, Ананий Ананьев Диконс (Дикенсон), сведения о котором охватывают 1677–1678, 1686, 1693 гг. (Там же.). В. А. Ковригина без указания патронима дважды пишет об Анании Диконсе как жителе Немецкой слободы Москвы и клиенте швейцарского портного Симона Графа (*Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 148, 162–163*). Единственная упомянутая исследовательницей в этих рассказах дата, 1689 г., дает основания думать, что речь идет о сыне — Анании Ананьеве.

См. также: Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 2. С. 82.

³⁹ Брызгалов В. В. Транспортировка товаров западноевропейских купцов из Архангельска в верховские города в XVII веке // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. № 1, 7, 13; С. 73, 76, 79.

⁴⁰ Демкин А. В. 1) Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 28; 2) Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 78.

⁴¹ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 124.

⁴² Репин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске во второй половине XVII в.: численность, продолжительность и преемственность связей (по материалам российских источников) // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 35.

пин отмечает даты пребывания «его» Фангевера в Архангельске как 1677–1710 годы, что никак не соответствует данным другого исследователя. К сожалению, имеющаяся в статье Н. Н. Репина таблица, наподобие многих других, не содержит поисковых данных к каждому конкретному имени, а снабжена только общим, помещенным в ее начале перечнем источников. Не помогает прояснить хронологию и еще одно упоминание исследователем Владимира Фангевера в группе купцов, связанных с Архангельском от 25 до 40 лет.⁴³

Одновременно в переписной книге Архангельска 1678 г., фрагмент которой был опубликован О. В. Овсянниковым и М. Э. Ясински, записано: «У Архангельского города дворы иноземцев ... двор иноземки вдовы Мары Володимеровской жены Иванова».⁴⁴ Если признать, что археографы при чтении текста допустили небольшую неточность, воспроизведя в имени вдовы выносную букву «р» без мягкого знака и перепутав конечную «и» с «ы», то потерявшую мужа женщину будут звать «Марья» — «Мария». Такое предположение в сочетании с именем усопшего супруга, Владимира Иванова, и временем его смерти — к 1678 г. дают полное основание думать, что речь идет об уже известной по вологодским документам Марии Андреевне, урожденной Виниус, и ее, бесспорно, умершем к началу 1677 г. муже.⁴⁵ В результате, появляется возможность соотнести приведенные Н. Н. Репиным сведения о голландском купце Владимире Иванове Фангевере и архангелогородском дворовладельце, иноземце Владимире Иванове, чтобы прийти к выводу, что речь идет об одном и том же человеке. Что касается присутствующих в статье Н. Н. Репина и никак не соответствующих такому утверждению дат, то здесь стоит видеть допущенную исследователем по тем или иным причинам неточность.

Таким образом, совпадение имени, патронима и русифицированного варианта, очевидно, голландского прозвища-фамилии, хронологии пребывания в России и направлений деятельности — торговля через порт на Белом море и кредитование русских, причем преимущественно не столичных, а провинциальных купцов⁴⁶ — позволяет

⁴³ Репин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске... С. 20, примеч. **.

⁴⁴ Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 113.

⁴⁵ Тот факт, что Мария Андреевна продолжала заниматься торговлей (возможно, через приказчиков или родственников), для чего и сохраняла архангельский двор, подтверждает не только возможность активного участия женщин в сфере предпринимательства в XVII в., но и высказанное И. Н. Юркиным суждение об отсутствии у Владимира Иванова наследников мужского пола (см.: Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 505).

⁴⁶ Скорее всего, указанная В. А. Демкиным сумма предоставленных В. И. Фангевером кредитов (10336 рублей) была в действительности более существенной, так

утверждать, что действовавшие в Вологде, Архангельске, на Сухоно-Двинском речном пути и, частично, в Москве Владимир Иванов, Владимир Иванов Иевлев и Владимир Иванов Фангевер (Фанэвер) являются одним и тем же человеком, хорошо обеспеченным нидерландским купцом, который находился в России в третьей четверти XVII в. и был связан деловыми узами с вологодскими торговыми людьми, а родственными — с семьей входившего в начале 1660-х годов в состав гостиной сотни, а с первой половины 1664 г. работавшего в Посольском приказе Андрея Андреевича Виниуса,⁴⁷ с встречающимися в различных документах тремя вариантами написания его имени. Столь разнообразные связи давали голландскому купцу прекрасные возможности для знакомства как с иноземными, так и с русскими тор-

как сам исследователь подчеркивает, что источником его сведений служили судебные дела русских и западноевропейских купцов. Не требует поэтому доказательств то обстоятельство, что выдача и возвращение займов без высказывавшихся какой-либо из сторон претензий в такие документы не попадали, и, соответственно, в таблице современного исследователя эти факты не учтены. Между тем, случаев мирных взаимоотношений кредиторов и кредитуемых в реальной жизни было, без сомнения, больше, так как иначе, при постоянных столкновениях сторон, что, помимо времени, требовало и дополнительных денег для уплаты пошлин и других судебных издережек, заемные операции потеряли бы для всех заинтересованных лиц свою привлекательность.

⁴⁷ Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 76–102. Н. Б. Голикова упоминает в 1651–1664 гг. с чином гостя только отца Андрея Виниуса — Андрея Денисовича (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 121). Вместе с тем, известно, что А. Д. Виниус умер в период с 1 сентября 1656 г. по 29 апреля 1657 г. (Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 75), поэтому, скорее всего, в приведенных у Н. Б. Голиковой данных были смешаны сведения о двух людях — отце и сыне Виниусах. Точно такая же путаница этих двух лиц и в подготовленном по материалам С. Б. Веселовского, но уже после его смерти, известном справочнике, где в описательной статье «Виниус Андрей Денисьев» приведены сведения о якобы имевшей место разнообразной работе этого лица в 1672/73–1687 гг. — поиск полезных ископаемых, почтмейстер и т. д., — что в действительности относится к его сыну (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 92). И. Н. Юркин отмечает первое упоминание А. А. Виниуса как дьяка Посольского приказа в помете на челобитной от 1 июля 1689 г. (Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 170). Практически такая же дата, с разницей в один день — 30 июня 1689 г. — содержится в двух других справочниках по приказной бюрократии (Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 134; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 135), однако в сводке данных, подготовленной Н. Ф. Демидовой, на основании боярской книги из фонда Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 1. Боярская книга № 9. Л. 379) утверждается, что А. А. Виниус уже в 1677 г. был «пожалован в дьяки из дворян и переводчиков Пос. пр.» (Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 113).

говыми людьми. Вместе с тем, последовавшая около середины 1670-х годов смерть этого лица, несмотря на всю заманчивость сочетания «Владимир Иевлев», не позволяет отождествить его с фигурирующим с 1689 г. в письмах И. А. Шергина «Владимиром Иевлевичем».

Следующий комплекс материалов, где упоминается имя иноземца Владимира Иевлева, — хозяйственная документация архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия (описи имущества архиерея 1684 и 1702 гг. и приходо-расходные книги). Во второй половине 1680-х — конце 1690-х годов среди главных иностранных купцов поставщиков вина в архиерейский дом числился иноземец «Владимир Иевлев».⁴⁸ Т. Г. Фруменкова, говоря о хозяйстве Афанасия, отмечает, что архиепископ нередко покупал товары в кредит. При этом «посредником при оплате долга мог выступать русский купец. Так, за бочку „ренского“ вина деньги Володимеру Иевлеву в 1691 г. были отданы „чрез гостя Василия Грудцына“».⁴⁹ Выбор архангельским архиереем устюжского гостя как уполномоченного лица при сделках с заморскими торговыми людьми был не случаен. Во-первых, сам Василий Иванович являлся старым знакомым архиепископа Афанасия, присыпал ему чай и учил, как следует заваривать этот новый для русских людей напиток.⁵⁰ Во-вторых, гость был, очевидно, хорошо зна-

⁴⁸ Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1997. С. 145.

⁴⁹ Там же. С. 154. Вполне возможно, что покупка «ренского» в 1691 г. была не единственным случаем. В. Верюжский, используя приходо-расходные книги архиерейского дома, отмечает неоднократные приобретения заморского вина у иноземцев, среди которых мог быть и тот же Владимир Иевлев, причем, как пишет исследователь, «преосвященный Афанасий сам был мастером в составлении различных водок» (Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 468 и примеч. 246).

Интересно, что летом 1691 г. В. Грудцын был в очередной раз гостем у архангельской корабельной пристани (Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 56–57) и после ее окончания и ухода иностранных кораблей должен был во второй половине осени или в начале зимы отправиться в Москву с собранными деньгами и отчетными документами. Не исключено, что просьба архиепископа Афанасия, в том случае, если платеж денег за вино по тем или иным причинам задержался и иноземец уже уехал с берегов Белого моря, была обусловлена именно этим обстоятельством: В. И. Грудцын в каком-то из городов на обратном пути или в самой столице мог встретить Владимира Иевлева и отдать ему деньги.

⁵⁰ В 1688 г. гость В. Грудцын писал Афанасию: «Послал я к тебе, государю, ...в мешечке фунт травы китайской чаю; изволь, государь, приказать варить ее в воде кипяченой и пить с сахаром во здравие» (цит. по: Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 467–468). См. также: Рункевич С. Г. Епархиальные архиереи // Странник. 1904. Т. 2. С. 491; Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С. 149.

ком с иностранным купцом, который доверил ему получение денег. Следовательно, В. И. Грудцын выступает связующим звеном между «Володимером Иевлевым» из окружения Афанасия Холмогорского,⁵¹ с одной стороны, и с «Владимиром Иевлевичем» из писем Шергина (напомним, что в 1689 г. деньги на нужды промысла от устюжского гостя и иноземца были посланы с одним и тем же человеком), с другой, что, наряду с явным совпадением имени и патронима-фамилии, дает основания для отождествления «Владимира Иевлева» с «Владимиром Иевлевичем» и обнаружения прямых связей между русским придворным купцом, двинским архиереем, иноземным торговым человеком и приказчиком Сереговского соляного промысла.

В 1694 г. иноземец «Володимер Иевлев» выполнил крупный заказ холмогорского архиепископа: по просьбе Афанасия в Амстердаме были приобретены два вороных упряженных жеребца («возника»). При погрузке на корабль один из них погиб, вместо него купили «молодого возника», после чего лошади были благополучно доставлены в Архангельск. Одновременно по заказу самого Владимира Иевлева на этом же корабле прибыл вороной с белой отметиной жеребец четырех лет, который так понравился Афанасию, что тот уговорил иностранного купца продать его. Затраты архиепископа на покупку и транспортировку лошадей составили 262 рубля 24 алтына 5 денег. Иноземец получил эти деньги в два приема — сначала 200 рублей, затем остальные, а лошади стали любимым приобретением архиерея.⁵²

⁵¹ Взаимоотношения холмогорского архиерея и устюжского гостя не ограничивались просьбой о передаче денег: архиепископ Афанасий и Василий Грудцын были знакомы задолго до 1691 г. 15 октября 1685 г. В. И. Грудцын, возвращаясь с архангелогородской ярмарки домой, в Великий Устюг, побывал в гостях у Афанасия Холмогорского и после «духовной беседы», которая, очевидно, произвела на торгового человека большое впечатление, он «добрый и вольным своим намерением» передал в архиерейский дом соляную варницу и рыбные ловли на р. Юре в Чухченемской волости (*Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 420, примеч. 99; С. 483–486*). Характерно, что ни один из архиепископов устюжской епархии, а их в последней четверти XVII в. было несколько, таких даров со стороны одного из своих наиболее заметных прихожан, по-видимому, не удостаивались. Следовательно, это пожалование стоит, действительно, связывать не столько с набожностью или чувством особого почтения к церковным структурам со стороны гостя, сколько с сильным воздействием на В. И. Грудцына личности именно архиепископа Афанасия. О дружеских связях Афанасия Холмогорского и гостя В. И. Грудцына подробнее см.: Тимошина Л. А. Общественно-экономические связи архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия в последней трети XVII в. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 314–320.

⁵² Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 401; Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С. 153–154 (цена ошибочно указана как 262 рубля 64 (!) алтына 5 денег). В. Верюжский считает, что «возниками» называли ломовых

Стоит заметить, что и в хозяйстве И. Д. Панкратьева в Сереговском усолье были закупавшиеся в Архангельске дорогие привозные жеребцы именно вороной масти, которые использовались для разведения в Серегове и окрестностях породистых лошадей, чье потомство

лошадей. Это не так. Словом «возниками» обозначали упряженных лошадей, которые использовались для торжественных выездов и подбирались по мастиам. Так, у царя Алексея Михайловича были серые возники «в нарядных каптурах и шлеях» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 300). Судя по всему, именно для парной упряжки в карету купил двух жеребцов архиепископ Афанасий, причем, благодаря постоянно отмечавшейся в приходо-расходных, как, равным образом, и в таможенных, книгах масти лошадей, известно, что оба они были вороными.

В. Н. Захаров, рассматривая непосредственные контакты иностранных купцов с представителями русской знати и духовенства в эпоху Петра I, на основе единственного источника — счетной выписи Архангелогородской таможни 1710 г. — отметил: «Кое-что из привозных товаров покупалось (имеется в виду: у иноземных торговых людей. — Л. Т.) представителями духовенства, но эти сделки крайне редки и незначительны» и, в качестве иллюстрации, привел сведения о приобретении вина у шести иностранных купцов для холмогорского архиепископа Рафаила (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 123). Вряд ли можно согласиться с таким выводом. Пример предшественника архиепископа Рафаила на архиерейской кафедре, Афанасия Любимова, показывает, что закупки товаров и припасов для архиерейского дома у иноземных торговцев были постоянными, но для выявления таких сделок и, соответственно, для более полной характеристики всех направлений русской импортной торговли и взаимоотношений с иностранными партнерами стоит опираться не только на материалы светского административного делопроизводства, но и на другие источники, в частности, финансово-отчетные документы различных духовных корпораций и материалы личного происхождения. Интересную особенность такой торговли демонстрируют приходо-расходные книги вологодского архиерейского дома, в частности, книга 1677/78 г., составленная при архиепископе Симоне. Необходимые в хозяйстве предметы или вещества (металлы — медь, олово, серебро, золото; краски; благовония — ладан и т. д.) приобретались не напрямую у иностранных купцов, а через русских посредников, прежде всего, тех же вологжан (Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. СПБ., 2016. С. 399, 401–407 и др.). Сами эти люди покупали такие товары, по-видимому, в Вологде или Архангельске. Однако такая двухступенчатая, а может быть, включавшая и большее количество посреднических операций торговля, с одной стороны, до некоторой степени подтверждает мнение В. Н. Захарова об относительной редкости непосредственных контактов представителей духовенства с иностранными купцами, а с другой — отнюдь не свидетельствует об отсутствии зарубежных товаров в архиерейском обиходе.

К сожалению, и в новейшей литературе, посвященной архиепископу Афанасию, в основном, рассматриваются его усилия по организации церковной жизни или содержание написанных им полемических сочинений, а все другие направления деятельности и особенности взаимоотношений с людьми из различных слоев русского общества XVII в. этого, безусловно, разностороннего в своих интересах и неординарного человека остаются в тени (см., например: Панич Т. В. Афанасий (Любимов Алексей Артемьевич) // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 9–10).

отсыпалось потом в Москву самому гостю в качестве упряжных лошадей или продавалось за очень большие (100 и более рублей) суммы другим лицам, чаще всего, яренским воеводам. Первые сведения о покупке жеребца в Архангельске содержатся в одном из ранних писем И. А. Шергина не позднее 23 марта 1675 г., затем о рождении двух вороных жеребцов от немецкой кобылы сообщается в письме от 11 ноября 1688 г., 21 ноября 1689 г. сереговский приказчик пишет И. Д. Панкратьеву о том, что в промысле «3 пары вороных есть, вам годны, а иные розными шерстями» (№ 39, 137, 165, 178, 179, 198, 209, 214, 217). Обращают на себя внимание постоянно подчеркиваемая масть лошадей — вороная — и цель использования, которые замечательно совпадают с аналогичными сведениями о «возниках» архиепископа Афанасия, приобретенных, подчеркнем это еще раз, через посредство иноземца Владимира Иевлева. А если к этому добавить отмеченные выше постоянно посылаемые из Серегова иноземцу же «Владимиру Иевлевичу» элементы конской упряжи, что показывает явный интерес адресата к лошадям, его очевидное из грамоток знакомство с гостями В. И. Грудцыным и И. Д. Панкратьевым, то и в этом случае мы с полной уверенностью можем предполагать, во-первых, тождество упоминаемых в различном контексте двух иностранных торговых людей, а во-вторых, не только помочь иноземца в покупке лошадей для промысла, но и его, конечно, совместную с хозяином Сереговского усолья, инициативу в экономически выгодном и общественно престижном заведении там собственного конезавода.⁵³

Во время Азовских походов (1695–1696) архиепископ Афанасий живо интересовался всеми новостями с далекой южной Украины и просил архангельского протопопа Калинника и других духовных лиц

⁵³ Между прочим, вороной окрас лошадей и их использование для личных выездов заставляет думать, что речь идет о фризских лошадях, выведенных в XVI–XVII вв. в Северной Голландии путем скрещивания испанских (андалузских) лошадей с местной, более тяжелой «холоднокровной» породой. Их отличительной чертой является исключительно вороная масть, и они считаются одной из самых красивых упряженных пород (см.: Гуревич Д. Я., Рогалев Г. Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М., 1991. С. 45). В переписке И. А. Шергина вороные лошади называются «немецкими», но вполне возможно, что такое именование они получили из-за способа доставки — на кораблях из расположенного не очень далеко от Северной Голландии Бремена. А их или их предков иноземное происхождение подчеркивалось дававшимися даже родившимся в усолье вороным лошадям своеобразными кличками, например, двухлетний местный жеребец, которого в мае 1692 г. следовало отправить в Вологду, звался «Маккавеем» (№ 217), что, очевидно, связано с текстом Библии, но явно отличается от прозваний других сереговских лошадей — «Лысан», «Быстрый», «Первуха» и др.

сообщать ему в Холмогоры последние известия, что они и делали. Сохранилась грамотка протопопа архангельского собора Калинника и священника Ивана, где они писали Афанасию о получении 22 октября 1695 г. памяти из Патриаршего казенного приказа с рекомендацией узнавать сведения «об азовских бытностех от ближнего стольника и воеводы Федора Матвеевича Апраксина и в немецкой слободе (имеется в виду Немецкая слобода в Архангельске.⁵⁴ — Л. Т.) от иноzemцев от Володимира Иевлева и от Дениса Володимерова».⁵⁵ Приведенные слова говорят о многом: о знакомстве холмогорского иеряя и архангелогородских священнослужителей с Владимиром Иевлевым и отмеченным рядом с ним человеком, об осведомленности этих последних о происходивших далеко на юге событиях, что было возможно при поддержании постоянных контактов как со своими соплеменниками, жившими в столице, так и с русскими купцами, тем же И. Д. Панкратьевым,⁵⁶ а главное, о доверии к упомянутым в памяти из Казенного приказа лицам как компетентным и хорошо осведомленным информаторам, что совсем не удивительно в отношении двинского воеводы, но заставляет задуматься о роли и месте этих двух иноземцев в русской общественно-политической жизни. Необходимо при этом обратить внимание и на некоторые грамматико-терминологические особенности процитированного фрагмента — использование слова «иноzemцы» во множественном числе по отношению сразу к двум лицам, Владимиру Иевлеву и Денису Владимирову, совпадение имени первого из них с отчеством второго и порядок расположения обоих имен. Более чем вероятно, что использование такой формы, подразумевало и четко обозначило близкие родственные связи между этими двумя людьми. Добавим, что чуть позднее, в 1697 г. иностранный купец Денис Володимеров отвез тому же Афанасию купленные «градус да стекло, с которого по градусу смотрят на корабле у кормщика», то есть, вероятно, секстант.⁵⁷ Следовательно, ничто не мешает думать, что Денис Владимирович был уже занимавшимся собственными делами сыном Владимира Иевлева, и в середине 1690-х годов

⁵⁴ Подробнее об истории архангелогородской Немецкой слободы см.: Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске... С. 108–180.

⁵⁵ Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский. С. 534. Примеч. 28; Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С. 157.

⁵⁶ В декабре 1696 г. И. Д. Панкратьев был выбран в комиссию для сбора денег на строительство 14 кораблей в Воронеже (Богословский М. М. Петр I. Т. 1. С. 362) и, конечно, был в курсе событий, приведших Петра I и его окружение к мысли о создании собственного флота.

⁵⁷ Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С. 150.

они имели свой, по-видимому, неразделенный двор в особом районе Архангельска.⁵⁸

Имя иноземца «Владимир Иевлев» — «Владимир Иевлевич», причем и в том, и в другом варианте, встречается в некоторых московских и вологодских документах конца XVII — начала XVIII в. В 1695 г. некий «Володимерко Иевлев» подал челобитную, где просил присоединить к своему двору территорию, на которой находился старый обветшавший вологодский гостиный двор, с условием уплаты необходимых оброчных денег.⁵⁹

В 1702 г. вологодские земские бурмистры Андрей Пушников и Яков Сычугов «с товарыщи» обратились с просьбой к «благодетелю Володимеру Иевлевичу» о ходатайстве перед боярином «Федором Алексеевичем» — «заступи милостивым своим отеческим за нас предстательством» — по делу о взыскании с них 1000 рублей «пенных денег».⁶⁰ Речь шла о несогласованности в деятельности двух учреждений — Новгородского приказа и Ратуши, когда бурмистры отчитывались о строительстве, в соответствии с указом от 4 ноября 1701 г., восьми барок для перевозки воинских припасов только перед Ратушей, а руководители Новгородского приказа, не получая никаких сведений о сооружении в Вологде требуемых судов, расценили это как невыполнение указа и решили наложить на них за это штраф. Упомянутый в прошении боярин «Федор Алексеевич» — это Федор Алексеевич Головин, который в конце XVII — первых годах XVIII в. управлял Посольским приказом и соединенными с ним учреждениями

⁵⁸ Современные исследователи архангельской топографии отмечают, что точно локализовать 24 расположенных рядом иноземных двора из-за особенностей источников не удается, так как в переписной книге 1678 г. писец расплывчато определил это место как «у Архангельского города», и добавляют: «Характерно, что в XVII в. ни один русский документ не называет термин „немецкая слобода“...» (Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске... С. 116). Как видим, письмо протопопа Калинника и священника Ивана архиепископу Афанасию позволяют уточнить это наблюдение и, по крайней мере, считать его справедливым только для кадастровых материалов.

Л. Д. Попова определяет местоположение Немецкой слободы в последней трети XVII в. как «...вдоль Северной Двины, начинаясь по-прежнему от стен немецкого Гостиного двора с одной стороны, и Проезжей дорогой (ныне примерно пр. Ломоносова) — с другой, и заканчивалась у так называемого Жабинского волока (нынешний район Набережной и ул. Логинова)» (Попова Л. Д. Храмы западноевропейских конфессий в Архангельске // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 83. См. также: Попова Л. Д. Архангельск. Очерк истории строительства (конец XVI — начало XX в.). Архангельск, 1994. С. 31, 44–45, 66; и др. работы этого автора).

⁵⁹ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 7. 1695 г. № 79. Л. 1.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 113. Материалы по истории городского управления. Оп. 1. № 20. Л. 36.

(Оружейной палатой, палатами Золотых и Серебряных дел), Ямским и Военным морским приказами,⁶¹ в чьем ведении находились вопросы управления российским военным флотом. Очевидно, что к 1702 г., а, судя по вышеупомянутой памяти из Патриаршего казенного приказа от 1695 г., это произошло гораздо ранее, Владимир Иевлевич был уже настолько близок к высшим правительенным кругам или, по крайней мере, к одному, но весьма заметному человеку,⁶² что это стало известно далеко от Москвы, но одновременно сохранял старые связи с Вологдой (именно поэтому к нему и обратились земские бурмистры) и, очевидно, свой тамошний двор. Можно предполагать его участие в той или иной форме в корабельном строительстве, возможно, в поставках необходимых припасов и материалов. Во всяком случае, представители местной городской администрации писали ему о барках без каких-либо дополнительных пояснений, как человеку, хорошо знакомому с сутью вопроса.

Совпадение времени упоминаний, места действия и почти полное имени иноземца, которому И. А. Шергин посыпал приветы и заказанные им вещи, с именем лица, действительно жившего в Вологде, позволяют с большой долей вероятности предполагать, что и в этом случае речь идет об одном и том же человеке. Что же касается имеющихся различий в написании второй части антропонима — «Иевлевич» или «Иевлев», то это объясняется видовыми особенностями используемых документов. Для эпистолярного стиля И. А. Шергина,⁶³ как, равным образом, и вологодских бурмистров, было характерно прямое обращение к корреспонденту только по имени и отчеству,

⁶¹ Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат... С. 231; Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 292; Богословский М. М. 1) Петр I. Т. 1. С. 307, 308, 314–316, 347 и др.; 2) Петр I. Материалы к биографии. Т. 2. М., 1941. С. 12, 16, 66, 69, 84 и др.; Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 191–192, 210, 216–258 и др.

⁶² Напомним, что Ф. А. Головин был вторым послом во время подготовки Великого посольства 1697–1698 годов, одной из основных целей которого были Нидерланды. Об этом путешествии см.: Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сборник статей. М.; Л., 1947. С. 3–62; Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство. СПб., 2003; Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005; Мазур Т. П. Моряки из Нидерландов и их потомки на службе в Российском военно-морском флоте // Россия — Нидерланды. Диалог культуры в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса Санкт-Петербург 7–9 июня 2013 года. СПб., 2014. С. 274–275.

⁶³ Подробнее об особенностях эпистолярного стиля И. А. Шергина см.: Тимошина Л. А. Элементы формуляра в письмах Ивана Андреевича Шергина // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 1. М.; СПб., 2007. С. 442–471.

отсюда — «Владимир Иевлевич». В членобитных же форма написания имени заявителя для большинства населения была, как известно, иной, — без *-евич* и с уменьшительной формой личного имени, поэтому в поданном в московский приказ документе 1695 г. читается «Володимерко (Владимир) Иевлев».

Еще одна форма написания имени иноземца Владимира Иевлева встречается, на наш взгляд, и в письмах Петра I. В послании архангелогородскому воеводе Ф. М. Апраксину от 16 апреля 1695 г. царь, сообщая о посыпке ему книг и чертежа «станов и боев, которые были под Кожуховым», продолжает: «Такожде по письму твоему от Володимера Лвутца все дошло».⁶⁴ Письмо было опубликовано с примечанием от составителя, А. Ф. Бычкова, о том, что Владимир Лвутц в печатных изданиях именуется Владимиром Эвутцем.⁶⁵ Как представляется, упоминание иноземца с довольно редким именем — «Владимира Иевлева» из грамотки протопопа Калинника Афанасию Холмогорскому и «Владимира Эвутца» из письма Петра I — в один и тот же, 1695, год и в связи с одним и тем же человеком, двинским воеводой Ф. М. Апраксиным, позволяют думать об этих двух именованиях как относящихся к одному и тому же человеку.

Трудно с полной уверенностью сказать, что же именно послал царю Владимир Эвутц, но допустимо высказать некоторые предположения. В этом же письме Ф. М. Апраксину Петр оправдывается за задержку с ответом на предыдущее послание воеводы необходимостью приготовлений к Азовскому походу.⁶⁶ Известно, что сам царь выступил в поход 28 или 30 апреля (данные источников в определении числа этого события расходятся) 1695 г.⁶⁷ Однако передовой отряд под командованием Патрика Гордона отправился из Москвы несколько ранее — 6 марта 1695 г., а перед этим, 25 февраля, Гордон побывал у виднейших членов правительства — Т. Н. Стрешнева, кн. П. И. Прозоровского, Л. К. Нарышкина и кн. Б. А. Голицына — по поводу подготовки к военной экспедиции и в этот же день через майора Сака получил в Преображенском для своего отряда мушкеты и 1000 наконечников для копий.⁶⁸ Возможно, что именно эти припасы вместе

⁶⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. № 36. С. 28–29.

⁶⁵ Там же. С. 507. О работе Афанасия Федоровича и его сына Ивана Афанасьевича Бычковых над томами писем Петра I см.: Андреев А. И. Памяти Ивана Афанасьевича Бычкова // Петр Великий. Сборник статей. М., 1947. С. 424–432

⁶⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. № 36; Ср.: Богословский М. М. Петр I. Т. 1. С. 216.

⁶⁷ Богословский М. М. Петр I. Т. 1. С. 216–217.

⁶⁸ Там же. С. 210–212; Патрик Гордон. Дневник 1690–1695. М., 2014. С. 324.

с письмом от Ф. М. Апраксина и были присланы от иноземца.⁶⁹ Следовательно, Владимир Эвутц был достаточно хорошо известен царю Петру, о чем свидетельствует отсутствие в письме Апраксину каких-либо дополнительных определений к его имени, обычно используя вавшихся, когда речь идет о совершенно постороннем лице. Более того, никак нельзя исключить возможность и личных контактов русского верховного правителя и голландского купца. Такое знакомство могло состояться во время первого, в 1693 г., или второго, в 1694 г., путешествий Петра I в Архангельск,⁷⁰ где самую активную роль в приеме самодержца играли все те же воевода Ф. М. Апраксин и архиепископ Афанасий.

Знал Владимира Эвоца и Патрик Гордон. В его дневнике в записи от 10 ноября 1693 г. указано, что он отправил письма «к м-ру Эвутсу, Хоутману и Бушу и Л[евенфельду] в Вологду».⁷¹ Такое знаком-

⁶⁹ Поставки иностранными купцами казне огнестрельного и холодного оружия играли большую роль, как отмечается исследователями, в деле вооружения русской армии (см., например: Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 42–45). Особое значение импорт оружия приобрел с конца XVII в. при Петре I. В историографии отмечается, что в 1690-х годах, в начале его действительного правления, по заказу казны оружие ввозили более десяти западноевропейских купцов, главным образом, голландцы — Д. Артман, А. Брест, А. Дикс, Р. Мейер, И. Таберт и др. (Захаров В. Н. 1) Поставки западноевропейскими купцами оружия и военного снаряжения в Россию в начале XVIII в. // Проблемы истории СССР. Вып. 12. М., 1982. С. 53–68; 2) Западноевропейские купцы в России. С. 218–231).

⁷⁰ Не указывая всю обширную литературу с описанием этих поездок, сошлемся на новейшие работы, где содержится и необходимая библиография: *Беспятых Ю. Н.* 1) Первое «пришествие» Петра I в Архангельск // *Stidia Humanistica* 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 87–109; 2) Второе «пришествие» Петра I в Архангельск // *Русский Север и Западная Европа*. СПб., 1999. С. 94–133; 3) Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010. С. 102–187.

⁷¹ *Патрик Гордон. Дневник 1690–1695.* С. 229. Небольшие разнотечения в «фамилии» не должны смущать, так как вариативность «тс» и «тц», «у» и «оу» в русских документах и в переводе с английского текста вполне допустима. Под именованием «Буш» в письме Патрика Гордона подразумевался, вероятно, кто-то из проживавших в Вологде представителей известной фамилии голландских торговых людей де Босов — или умерший к 1698 г. Андрей Андреев с., или его брат Корнила Андреев с., ученный как дворянин в переписной книге города 1711 г. (Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 2. М., 2008. С. 3–7, 29, 52, 68, 92–93, 167, 239–240, 295). Л[евенфельд] — это, по-видимому, находившийся на царской службе родственник П. Гордона (муж его племянницы) полковник Христофор (Кристофф) фон Левенфельд (Богословский М. М. Петр I. Т. 1. С. 133), высланный в Вологду в июле 1693 г. по решению руководителей Иноземского приказа (*Патрик Гордон. Дневник 1690–1695.* С. 213–215). Что же касается «Хоутмана», то в дневнике Гордона за 1690–1695 гг. упоминаются четыре человека с такой фамилией — Абрахам, Адольф, Иоганн и Исаак; о ком конкретно идет речь в данном отрывке, непонятно.

ство, помимо многих, окружавших находившегося на русской службе шотландца и иностранного купца людей, могло произойти и через посредство зятя П. Гордона, полковника Стевинса, мужа его второй дочери Мери, который довольно часто вместе с женой проезжал через Вологду по пути из Архангельска в Москву и обратно.⁷² А постоянное присутствие одного и того же города, Вологды, как связующего географического центра является косвенным доказательством тождественности «Владимира Иевлева» и «Владимира Эвоутса».

Наилучшим подтверждением высказанного предположения являются записи в переписной книге Вологды 1711–1712 годов, где, с одной стороны, присутствует «объединенная», трехчастная форма воспроизведения имени иноземца, а с другой — упрощенная двухчастная форма такого именования. При описании дворов в переулке «к Пречистенскому берегу» указано: «Двор посадского человека Ивана Оксенова сына Оловеникова в длину шесть сажен, поперег по лицу 4 сажени полтора аршина ... По скаске ево, владеет по купчей Галанской земли торгового иноземца *Володимера Иевлева сына Эвоца* (курсив мой. — Л. Т.) с прошлого 709 году»; а про двор Кандалашского монастыря в переулке «в Йзосимовскую улицу» сказано, что им владеет вдова торгового человека гостиной сотни Алексея Михайлова с. Белавинского Анна⁷³ «после мужа своего по закладной кабале Галанской земли торгового иноземца *Володимера Иевлева сына* (курсив мой. — Л. Т.) со 198 году».⁷⁴ Замена буквы «у» на «о» и «ц» на «тс», в форме «Эвоц» по сравнению с «Эвоутс» не имеют, как кажется, принципиального значения, так как, скорее всего, связаны с фонетической близостью «ц» и «тс», возможно, с особенностями воспроизведения писцом оригинала книги трудного для восприятия иностранного слова или с ошибками прочтения при создании ее, по определению археографов, списка.⁷⁵ Легко объяснимо и отсутствие в закладной

⁷² Патрик Гордон. Дневник 1690–1695. С. 193, 217.

⁷³ В опубликованном тексте вологодской переписной книги на л. 3 имеется заголовок «Книги переписные с мерой 1711 и 1712 годов переписи и меры Ивана Шестакова» (Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. VII), который не позволяет понять точную дату начала их работы, однако в любом случае к 1713 г. гостиной сотни А. М. Белавинский уже умер, поэтому имеющееся в монографии Н. Б. Голиковской его упоминание под этим годом как живущего нуждается в уточнении (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 410).

⁷⁴ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 58, 55.

⁷⁵ Фрагмент вологодской переписной книги 1711 г., куда попало и описание этого двора Кандалашского монастыря, был опубликован ранее (см.: Старая Вологда. XII — начало XX в. № 116. С. 99–103). Воспроизведение текста этого фрагмента и в той, и в другой публикации одинаково (некоторые различия есть в расстановке знаков препинания), что свидетельствует о точности работы археографов в обоих случаях.

кабале фрагмента «Эвоц». Очевидно, это было связано с формой написания имени иноземца в исходных документах, закладной 1689/90 г. и купчей 1709 г., которые, бесспорно, хранилась в семейных архивах, иначе, каким образом по прошествии нескольких лет И. О. Оловенников и вдова А. М. Белавинского вообще могли воспроизвести точную дату и вид владельческих крепостей и, по-видимому, представить их переписчику? В любом случае, очевидно, что три формы написания имени в русских документах — Владимир Иевлевич — Владимир Иевлев — Владимир Иевлев Эвоц (Эвутц, Эвоутц) — относятся к одному и тому же человеку с единственным различием между ними. В двух первых, кратких, отмечаются с некоторыми вариантами только собственное имя иноземца и имя его отца, а в третьей, расширенной, к ним добавляется указание на его родовую (фамильную) принадлежность.

Таким образом, Владимир Иевлев Эвоц (Эвутц, Эвоутц) в 1680-х — конце 1700-х годов совершал различные имущественные сделки в Вологде, обусловленные разнообразными направлениями его деятельности и насущными финансовыми условиями, когда требовалось, например, срочно иметь ту или иную сумму денег для торговых операций, закупки или транспортировки товаров, уплаты пошлин и т. д. Как показывают письма И. А. Шергина и приведенная выше челобитная 1695 г. самого иноземца, Владимир Эвоц, по всей вероятности, имел двор в городе, в котором жил зимой, перебираясь летом в Архангельск. Однако определить время появления его вологодского дворовладения не удается, в переписной книге Вологды 1678 г.

Однако факсимильно воспроизведенный в сборнике документов л. 149 об.–150 источника (Старая Вологда. XII — начало XX в. С. 100, ил.), показывая отдельные, впрочем, очень незначительные погрешности в публикации 2008 г. («разсылщик» вместо «розсыльщик» и «180 году» вместо «180-го году»), заставляет обратить внимание на гораздо более серьезную вещь. Даже по черно-белой и не очень хорошего качества фотографии очевидно, что находящееся на этих листах описание двора архиерейского домового человека Дмитрия Григорьева с. выполнено двумя почерками, перьями неодинаковой толщины и, возможно, чуть отличающимися по тону чернилами: первая часть записи с именем дворовладельца и характеристикой самого двора, находящихся там строений и огорода принадлежит руке одного человека, а запись о юридическом основании владения и сведения о постое и других повинностях и платежах — другой. Это обстоятельство было отмечено в предисловии к более поздней полной публикации текста книги 1711 г. (Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. VIII), тем не менее, археографы все-таки приходят к выводу, что рукопись представляет собой «не подлинник переписной книги, а ее список, близкий по времени к подлиннику, на что указывают ремарки в тексте типа: „в подлинной книге нет“ или „в подлинной книге не написано“» (Там же. С. VII). Как представляется, наличие двух почерков в описательных статьях требует дополнительного объяснения и уточнения в определении вида публикуемого документа.

среди проживавших в городе иноземных купцов Владимир Иевлевич не числился, в писцовой книге города 1685–1686 гг. и в переписной 1686/87 г. фиксировались владения только местных посадских людей без учета других категорий населения, нет его имени как дворовладельца и в переписной книге 1711–1712 годов.⁷⁶

Владимир Иевлевич упоминается и в письме Франца Лефорта Петру I, датированном 10 декабря 1698 г. и отправленном из московской Немецкой слободы.⁷⁷ Сам Петр в это время находился на воронежских верфях, куда он направился 23 октября 1698 г., а в обратный путь выехал 16 декабря,⁷⁸ поэтому, как отмечает М. М. Богословский, письмо Лефорта было получено царем или перед самым отъездом из Воронежа, или по дороге в Москву.⁷⁹ В своем послании Лефорт писал о заложенном царем корабле «Предистинация», на котором он, Лефорт, «с великой радостью» будет служить, и сообщал, что пересыпает Петру «одну грамоту от князя Федора Юрьевича (Ромодановского. — Л. Т.) и от Ботвенант Владимира Иевлевича».⁸⁰

Эта краткая запись в письме Лефорта имеет огромное значение для рассматриваемого нами сюжета, так как дает возможность установить связь Владимира Иевлевича с семьей одного из самых известных иностранцев в России последней трети XVII в. М. М. Богословский, процитировавший часть этого письма в своей работе о Петре I, не обратил внимания на содержащееся в нем имя — Владимир Иевлевич — и считал, что Ф. Лефорт упомянул в своем письме Андрея (Генриха) Ивановича Бутенанта фон Розенбуша, в это время комиссара датского короля в Москве.⁸¹ Однако речь в письме Лефорта шла о другом, хотя, как видим, и имеющем определенное отношение к Бутенантам, лице, что заставляет обратиться к истории этой семьи во время ее пребывания в России.

Как ни странно, но в отечественной историографии нет специальных работ, посвященных Андрею Ивановичу Бутенанту, хотя во многих

⁷⁶ См.: Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 77–168, 171–270; Т. 2. С. 3–326. Нет сведений о дворе Владимира Иевлевича и в специальной статье В. Н. Захарова и М. С. Черкасовой, посвященной иноземным дворам в Вологде (Захаров В. Н., Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII — первой четверти XVIII века // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 102–117).

⁷⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 754.

⁷⁸ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. М., 1946. С. 165, 175.

⁷⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 754; Богословский М. М. Петр I. Т. 3. С. 175.

⁸⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. С. 754.

⁸¹ Богословский М. М. Петр I. Т. 3. С. 175, 468.

исследованиях рассматриваются те или иные стороны его деятельности и богатой событиями жизни.⁸² Наиболее подробно генеалогические связи этого крупного торгового человека, поставщика различного вида оружия, боеприпасов, предметов роскоши в царскую казну и экспортёра, часто в сообществе с другими иностранными купцами, рыбы, хлеба, поташа, мачтового дерева и другой сельскохозяйственной или промысловой продукции, владельца (совместно с Марселисами) Олонецких железоделательных заводов и управляющего (как опекун Христиана Марселиса) Тульских, Каширских и Алексинских железоделательных и оружейных заводов, были рассмотрены в работе В. А. Ковригиной. Исследовательница отметила, что начало деятельности в России датского поддданного, отец которого был по национальности голландцем, Андрея Ивановича Бутенанта (Heinrich Butenant von Rosenbusch) относится к концу 1660-х годов. В 1672 г. он получил жалованную грамоту на разработку рудных копей в Олонце, в 1676 г. был назначен на должность торгового комиссара датского короля в России и за службу на этом посту в 1688 г. был пожалован датским королем Христианом V дворянским достоинством, титулом «фон Розенбуш» и гербом. В начале 1700-х годов А. И. Бутенант умер.⁸³

Торговые дела Андрея Ивановича Бутенанта унаследовал, как думает В. А. Ковригина, его сын, Андрей Андреевич, занимавшийся ими на протяжении первого десятилетия XVIII в. 15 сентября 1702 г. он был назначен, как и его отец, комиссаром датского короля в России.⁸⁴ А. А. Бутенант был женат на Ульяне Даниловне Артман, дочери одного из самых крупных голландских купцов последней чет-

⁸² Васильевский А. П. Очерк по истории металлургии Олонецкого края в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1949. С. 53–61; Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 39–46; Ивина Л. И. Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша в строительстве русского флота в конце XVII в. // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 105–111; Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // ИЗ. Т. 91. М., 1973. С. 318; Коваленко Г. М. О деятельности датского резидента Бутенанта фон Розенбуша в России // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 180–187; Демкин А. В. 1) Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. С. 75, 80; 2) Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 80, 90, 93, 94, 112 и др.; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 50, 51, 193, 319; История предпринимательства в России. Кн. 1. М., 2000. С. 174, 181–184, 186; Лавров А. С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. // ВИД. Т. 27. СПб., 2000. С. 191–199; и др.

⁸³ Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 185, 210–211.

⁸⁴ Там же. С. 211.

верти XVII — начала XVIII в., упоминавшегося выше поставщика оружия Даниила Артмана, жившего в Москве с 1647/48 г. и получившего около 1687 г. жалованную грамоту на право свободной торговли в Москве, Архангельске, Новгороде и Пскове, с освобождением его дворов от податей и постоя, разрешением изготовления спиртных напитков на собственный обиход и подсудностью только судьям Посольского приказа.⁸⁵ Сын А. А. Бутенанта, Петр, родившийся в 1700 г., умер в младенчестве, а сам Андрей Андреевич скончался 1 ноября 1710 г. в возрасте 67 лет.⁸⁶

В генеалогических построениях В. А. Ковригиной нельзя не отметить существенной хронологической несообразности. Исследовательница отмечает, что ко времени знакомства Петра I с Немецкой слободой, то есть к 1688 г., Андрею Ивановичу Бутенанту было 50 лет,⁸⁷ и, таким образом, дата его рождения определяется как 1638 г. Одновременно сын Андрея Ивановича Андрей Андреевич, умерший, по мнению В. А. Ковригиной, 67-летним в 1710 г.,⁸⁸ должен был родиться, соответственно, в 1643 г., что не представляется возможным. Голландский историк Я. В. Велувенкамп, обращая внимание на примерно те же самые, что и русские исследователи, направления деятельности Андрея (Хайнриха) Бутенанта в России, пишет, что он родился примерно в 1643 г., а начал свою деятельность в России сделкой (совместно с родственником, голландцем Иеронимусом Траделом) с кольским Печенгским монастырем на поставку рыбы и рыбьего жира. Заканчивает Я. В. Велувенкамп рассмотрение биографии А. И. Бутенанта 1701 годом. Обращает на себя внимание совпадение у двух историков одной и той же даты — 1643 г., только В. А. Ковригина приурочивает к этому году рождение Андрея Бутенанта — сына, а Я. В. Велувенкамп — отца.

Как бы то ни было, Андрей Иванович Бутенант во второй половине XVII в. был видной фигурой среди иноземного купечества в России и имел, помимо сына «Андрея Андреевича», других родственников. В росписи 1687 г. заморских кораблей, пришедших в Архангельск, и привезенных на них товаров есть имя племянника датского комиссара — Ивана Андреева с. Фансома (время упоминания 80–90-е годы XVII в.), который встречал торговые корабли и в дальнейшем, в част-

⁸⁵ РГАДА. Ф. 50. Сношения с Голландией. Оп. 1. 1687 г. № 3; Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. С. 72; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 211, 222.

⁸⁶ Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 211.

⁸⁷ Там же. С. 185.

⁸⁸ Там же. С. 211.

ности, в навигацию 1689 г.⁸⁹ А. В. Демкин считает племянником А. И. Бутенанта и некоего Романа Иванова с. Фансома (с датами упоминания 1683–1685, 1690 годы),⁹⁰ а приказчиком — Андрея Тимофеева с. Фансома (упоминавшегося в 1668–1669 годах).⁹¹ Степень родства всех этих лиц между собой исследователь не устанавливает.

В реконструированном А. В. Демкиным списке западноевропейского купечества в России присутствуют еще несколько человек, связанных с Андреем Ивановичем Бутенантом — племянник Родион Ананыин (упоминание — 1680 г.), пасынок Яков Гофман (упоминания — 1668, 1684 годы), приказчик Томас Балсырев Фадемрехт (с датами упоминания 1687, 1689 годы).⁹² Однако наибольший интерес представляют два свидетельства историка, первое — о *племяннике* А. Бутенанта Владимире Иевлеве (даты упоминаний 1680 и 1684 годы) и вторая — о *приказчике* того же лица Владимире Иевлеве Эвоулте или Эваце (даты упоминания 80-е годы XVII в.).⁹³

Выше было показано, что Владимир Иевлев и Владимир Иевлев Эвоц (Эвац, Эвутц, Эвоулт, Эвоутс, Эвоутц), несмотря на разницу записи его имени в различных источниках, на самом деле являются одним и тем же человеком. Как представляется, нет оснований откачиваться от высказанного предположения и в отношении лиц из списка А. В. Демкина. Не слишком значительные различия в огласовке «фамилии» — «а» вместо «о» и «улт» вместо «утс» — при совпадении имени и патронима, с одной стороны, и хронологии деятельности, с другой, показывают, что речь по-прежнему идет об одном и том же торговом иноземце с продолжающейся вариативностью написания его имени.

Что же касается определения характера отношений Владимира Иевлева Эвоца (Эваца, Эвоулта, Эвоутса, Эвоутц) с А. И. Бутенантом, были ли они действительно хоть в какой-то степени родственными или все-таки чисто деловыми, то сказать что-либо до конца определенное трудно.⁹⁴ Хорошо известно, что представители русского и за-

⁸⁹ Демкин А. В. 1) Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. С. 80, 91; 2) Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 94. Ивана Фансома (с датой упоминания 1687–1720 гг.) включает в свою, также не имеющую поисковых ссылок, таблицу В. Н. Захаров (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 316).

⁹⁰ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 94.

⁹¹ Там же. С. 80, 93.

⁹² Там же. С. 90, 91, 93

⁹³ Там же. С. 91, 94; Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их приказчики... С. 46, 49.

⁹⁴ В таблицах, составленных А. В. Демкиным, имеются только краткие определения родственных или деловых связей тех или иных лиц — «племянник», «приказчик»,

падноевропейского крупного купечества часто использовали в качестве приказчиков в своих деловых операциях лиц, связанных с ними узами родства, но занимавших во внутридворовой иерархии более низкое положение, называя их «племянниками», то есть «родственниками» в широком смысле слова.⁹⁵ Возможно, таким «племянником», который помогал в торговых дела своему, занимавшему более высокое социальное положение и обладавшему большим экономическим потенциалом родственнику являлся и Владимир Иевлевич.⁹⁶ Однако есть и другие примеры. В частности, среди греческих торговых людей или приезжавших в Россию с большой свитой представителей Православного Востока, когда «племянниками» главы торгового предприятия, посольства, духовной миссии и т. д. назывались люди, не связанные с ним никакими родственными отношениями, которые, выполняя функции помощников-приказчиков, и сами занимались тем или иным видом торгово-предпринимательской деятельности, используя или имевшиеся у них «патронов» и оформленные различными жалованными грамотами льготы, формально распространявшиеся и на родственников, или просто пользуясь покровительством и деловыми связями более «могущественного» и экономически состоятельного лица. На наш взгляд, к этой последней категории, скорее всего, принадлежал и Владимир Иевлев Эвоц, доказательством чего служит, как представляется, сама форма указания на иноземца в письме Ф. Лефорта, когда имя собственное и патроним стоят после определения «Ботвенант». Если бы Владимир Эвоц действительно имел какое-то, пусть и весьма отдаленное, родственное отношение к комиссару датского короля, то обозначение родовой принадлежности находилось бы, по-видимому, после его собственного имени, как это обычно и делалось в документах личного происхождения не только русских людей, но и иностранцев.⁹⁷ В противном же случае, такое

что без контекста документов и без конкретных ссылок на источники не позволяет анализировать особенности терминологии русских делопроизводственных материалов.

⁹⁵ См., например: *Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 134–153.*

⁹⁶ Известен список иноземцев, пожалованных быть у царской руки в 1690 г., где фигурирует «королевского величества датского комиссар Андрей Бутенант с сыном и с племянники», которых, таким образом, в указанный период насчитывалось не менее двух человек (РГАДА. Ф. 50. 1690 г. № 1. Л. 7). К сожалению, имена этих племянников, как, равным образом, и сына А. Бутенанта в документе не указаны.

⁹⁷ См., например, дневники Патрика Гордона, где читается «Кристиан Марセルис», «полковник Эрик фон Верден», «Андрей Иванович Бутенант» (*Патрик Гордин. Дневник 1690–1695. С. 8*). Кстати, вхожий в различные общественные круги шотландец упоминает в своих хронологически продолжительных записях только одного Бутенанта — комиссара Андрея Генриха Ивановича без сына и племянников

расположение, как в письме Ф. Лефорта, скорее, говорит о существовании неких субординационных, а не родственных связей, двух лиц. Иначе говоря, определение «Ботвенант» возможно понимать как «Бутенантов человек», то есть приказчик с более или менее широким кругом полномочий.

Если наши предположения о тождественности Владимира Иевлевича — Владимира Иевлева — Владимира Иевлева Эвоца (Эваца, Эвоулта, Эвоутса, Эвоутца) и связях этого человека с А. И. Бутенантом верны, то появляется возможность выявить еще один персонаж, имеющий отношение к этим двум иноземцам. В списках западноевропейских купцов А. В. Демкина дважды отмечен некий голландский иноземец по имени Корнила: первый раз — как приказчик нидерландца Еремея Традела-сына⁹⁸ Корнила Иевлев (дата упоминаний 1675, 1684, 1689 годы) и одновременно Андрея Ивановича Бутенанта, второй раз — как приказчик только одного Бутенанта Корнила Эвоутса (дата упоминания 1683 г.).⁹⁹ Другие привлеченные этим исследователем документы свидетельствуют, что в 1689 г. Корнила Иевлев был приказчиком уже Елисея Клюка и 5 июля этого года явил в Архангельске от имени хозяина 51 бочку красного вина.¹⁰⁰ Сам Елисей Борисович Клюк жил в Москве, по его собственным словам, с 1659/60 г., торгуя в течение первых восьми лет, то есть до 1666/67 г., в качестве приказчика Конрада ван Кленка, а затем, до 1690-х годов включительно, самостоятельно.¹⁰¹ В 1693 г. у Корнилы Иевлева было закуплено в Архангельске для завершения строительства в Холмогорах Спасо-Преображенского собора 50 пудов «плоского» железа и 20 пудов 10 фунтов «бронзового».¹⁰²

Совпадение патронимов «Иевлев», одного из вариантов «фамилии» — Эвоутс и, на определенном этапе, места службы — приказ-

(Патрик Гордон. 1) Дневник. 1684–1689. М., 2009 (по указателю); 2) Дневник. 1690–1695 (по указателю); 3) Дневник. 1696–1698 (по указателю)).

⁹⁸ О нем см.: Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 77; Репин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске... С. 35.

⁹⁹ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 94.

¹⁰⁰ Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. С. 89.

¹⁰¹ Демкин А. В. 1) Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. С. 73 (с датой упоминания 1660–1690-е годы XVII в.); 2) Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 77; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 32, 114, 131, 163, 314 (с датой упоминания 1660–1716 гг.) и др.; Репин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске... С. 34 (с датой упоминания 1660–1716 гг.). О родственных связях Елисея Клюка см.: Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 265–266.

¹⁰² Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С. 144.

чик Андрея Ивановича Бутенанта — позволяет думать, что Владимир Иевлев Эвоц и Корнила Иевлев Эвоутс были братьями.¹⁰³ Постоянное же упоминание порта на Белом море как места сделок Корнилы Иевлева показывает, что этот иноземец жил, скорее всего, не в Москве.

Очень интересные сведения, касающиеся Владимира и Корнилы Иевлевых, находятся в записной книге списков с купчих на дворовые места в Архангельске, опубликованной в извлечениях О. В. Овсянниковым и М. Э. Ясински.¹⁰⁴ В этой книге в составе владельческих крепостей приводится список с данной 15 июня 1691 г. «Галанской земли торговому иноземцу» Корнилу Иевлеву на пустое место «у Архангельского города по нижнюю сторону каменно-немецкого гостина двора ... и лежит то место во многих лет в пусте, а ему де, Корнилу, то место ко двору ево смежно»).¹⁰⁵ Следовательно, местоположение Корнилы Иевлева определяется как ниже Немецкого гостиного двора по течению р. Северной Двины.

Позднее, в ноябре 1711 г., когда торговый иноземец «Галанской земли» Николай Иванов сын Ромсвинкель подал челобитную с просьбой записать за ним купленный двор и пустое болотное место ниже все того же Немецкого гостиного двора, в источниках вновь возникает имя предполагаемого брата Владимира Иевлева, правда, в другой форме написания. В подтверждение своих владельческих прав Николай Ромсвинкель представил данную от 22 ноября 1698 г., полученную им от двинского воеводы Ф. М. Апраксина и дьяка А. Озерова.¹⁰⁶ В этом документе воспроизвился текст купчей 1695/96 г. иноземца Андрея Бодышки (Бодиско) Николаю Ромсвинкелю на этот двор, где при описании границ дворового владения было отмечено, что «в межах тот двор с речную сторону от двора иноземца умершего Корнила Эвоца, а с моховую сторону двор иноземца ж анбурца Павла Пеля».¹⁰⁷

Полное совпадение местоположения двора Корнилы Иевлева по данной от 15 июня 1691 г., и двора умершего к 1695/96 г. Корнилы Эвоца — «по нижнюю сторону гостина каменного немецкого двора» — доказывает, что речь идет об одном и том же дворе и, соответственно,

¹⁰³ Между прочим, упоминание Корнилы Иевлева только как приказчика, а не племянника датского «комисариуса и резидента» косвенным образом показывает, что и его брат Владимир Иевлев не был родственником Андрея Генриха Ивановича, но, безусловно, имел тесные деловые связи с этим торговым человеком.

¹⁰⁴ Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. С. 131–180.

¹⁰⁵ Там же. С. 141.

¹⁰⁶ Там же. С. 134–140.

¹⁰⁷ Там же. С. 137.

дворовладельце, а одновременное именование этого архангелогородского жителя и Корнилой Иевлевым, и Корнилой Эвоцем, во-первых, превращает высказанное выше на основании сведений о приказчике Андрея Бутенанта предположение о возможном тождестве людей с таким именем в полную уверенность.

В ноябре 1711 г., когда разбиралась просьба Н. Ромсвинкеля, такую же челобитную о записи четырех дворовых мест за ней и ее сыном Табеем (Тобиасом) подала «Галанской земли иноземка» Елена (Олена) Табеева дочь, жена Адама Петлина.¹⁰⁸ Одним из таких дворовых мест, как следует из имеющегося в записной книге списка с поступного письма от 22 января 1709 г., еще в апреле 1692 г. «Галанские земли торговой иноземец Володимер Иевлев сын Эвоц» поступился своему племяннику иноземцу «Табею Адамову сыну Петлину», хотя и не дал в то время новому владельцу соответствующего документа на право владения. Сам Владимир Иевлев Эвоц купил этот двор в ноябре 1691 г. у иноземца Елизария Елизарьева сына Блока.¹⁰⁹ Любопытна оговорка в поступном письме Владимира Эвоца от 22 января 1709 г. о месте хранения купчей Е. Е. Блока: «А выше-помянутая та Елизарьевы продажи купчая на тот двор у меня в доме на Вологде и со старыми крепостями»,¹¹⁰ свидетельствующая, что

¹⁰⁸ Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. С. 176–177.

¹⁰⁹ Там же. С. 177.

¹¹⁰ Там же. С. 178. Такие же ситуации владения дворами сразу в двух городах, в Архангельске и Вологде, когда основным, «зимним», местом проживания оставался вологодский двор, а двор в малонаселенном в течение более чем полугода и экономически не активном в это время беломорском порту использовался только во время корабельной ярмарки, а в другое время там жил дворник, возможно, кто-то из родственников основного владельца, наблюдаются и в других случаях. Например, сын известного голландского купца Ивана Алферьева сына Гутмана (Гоутмана) Андрей, обосновывая в ноябре 1711 г. право отца на двор в Архангельске рядом с тем же Немецким гостиным двором, сказал, что он не помнит точной даты приобретения этой недвижимости, но подчеркнул «что даная на те места на Вологде у отца моево» (Овсянников О. В., Ясински М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. С. 141). И действительно, Иван Гутман имел в Вологде несколько дворов, на его основном дворе, расположеннем в переулке «от Петровского монастыря», размером 64×70 саж. (для сравнения — архангельский двор составлял 6×27 саж.) находились каменные палаты, шесть амбаров, 15 «конских стай» и др. (Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 4–5; Ср.: Захаров В. Н. Западно-европейские купцы в России. С. 91). Сложная история приобретения Иваном Гутманом этого, наверное, самого известного вологодского двора, принадлежавшего иноземцам, так как на нем, по преданию, останавливался Петр I, с публикацией ряда документов по истории этой торговой семьи в России изложена в работе М. С. Черкасовой и В. Н. Захарова (см.: Захаров В. Н., Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде... С. 105–109, 117–131).

постоянным местом жительства этого торгового человека действительно была Вологда, а Архангельск он посещал наездом. Одновременно, стоит ли еще раз подчеркивать, что совпадения патронимов на этот раз двух владельцев дворов в Архангельске и еще одной из форм воспроизведения их «фамилии» — Эвоц (Эвоутс) — свидетельствуют о братских узах между Владимиром и Корнилой?¹¹¹

Фрагментарно опубликованная О. В. Овсянниковым и М. Э. Ясинским книга списков купчих на дворы и дворовые места, помимо того, что помогает установить родство Владимира и Корнилы Иевлевых, содержит и другие, чрезвычайно ценные для идентификации первого из иноземцев сведения. 25 июня 1698 г. двинской воевода боярин кн. Михаил Иванович Лыков и дьяк Еремей Полянский выдали данную той же самой вдове Адама Путелига¹¹² Елене (Олене) на пустое дворовое место «у Архангельского по нижнюю сторону гостина каменного немецкого двора». В межах с передаваемым ей земельным владением упоминается двор иноземца «Владимира Фоневера».¹¹³ А чуть более чем через десять лет по уже упоминавшемуся поступному письму от 22 января 1709 г. «Владимер Иевлев сын Эвоц» передает племяннику Табею Адамову с. Петлину расположенный точно так же — ниже Немецкого каменного двора — свой двор с огородной землей и всеми постройками.¹¹⁴ Есть поэтому основания думать, что речь идет об одном и том же дворе, владелец которого в двух, разделенных десятилетием и написанных разными людьми документах — данная 1698 г. подъячим двинской воеводской избы, поступное письмо 1709 г. надсмотрщиком крепостных дел Яковом Писаревым — определен по-разному: Владимир Фоневер и Владимир Иевлев с. Эвоц. Можно, конечно, допустить, что два иноземных торговых человека с одним и тем же именем «Владимир» владели в Архангельске, последовательно сменяя друг друга, одним и тем же двором, однако бо-

¹¹¹ Вопрос о степени родственных связей между Владимиром и Корнилой Иевлевыми с сыном Адамом Табеем и его матерью, вдовой Оленой нуждается в дополнительном исследовании.

¹¹² Транскрипция фамилии этого иностранного купца вызывает большие затруднения и в русских документах XVII в. передается по-разному: Петлин, Пытлин, Путелиг; в работах различных исследователей появляются варианты Петлинг, Питлинг, Путелинг (Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 75), Пейтелинг (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 314), Петлинг (Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 416), Пёйтенинг (Велувенкамп Я. В. Торговая деятельность амстердамского купца Давида Леу в Архангельске в 1712–1724 гг. // Архангельск в XVIII в. СПб., 1997. С. 216).

¹¹³ Овсянников О. В., Ясинский М. Э. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. С. 179–180

¹¹⁴ Там же. С. 177.

лее вероятным кажется другое предположение: речь идет об одном и том же лице в двух вариантах написания его имени.

В русских материалах второй половины XVII в. имя Владимира Фаневера (Фанэвера, фан Эвера) упоминается неоднократно. В частности, в конце августа — начале сентября 1687 г., как следует из отписки в Новгородский приказ другого двинского воеводы Кондратия Фомича Нарышкина,¹¹⁵ к приказчику Владимира Фанэвера Еремею Молю были привезены товары «из Галанские земли».¹¹⁶ В этом документе роспись товаров отсутствует, но, исходя из других источников, исследователи отмечают поставки Владимиром Фаневером в Россию сукна, бумаги, красок и вывоз в больших количествах пеньки и других корабельных припасов.¹¹⁷ В. В. Крестинин в списке 1693 г. иностранных купцов, пребывающих в Архангельске, называет Владимира фан Евера.¹¹⁸ Летом-зимой 1701 г., когда в Архангельске проводились работы по укреплению города и порта и с иноземных кораблей снимали пушки, чтобы устанавливать их на старых и четырех новопостроенных батареях, есть сведения, что одна из пушек была снята с корабля «Владимира фан Эвера».¹¹⁹ В. Н. Захаров и Н. Н. Репин в составленных ими таблицах упоминают Владимира фан Эвера (Фангевера, Фанэвера, ван Гевера) как иностранного купца, действовавшего в России до 1710–1711 годов.¹²⁰

¹¹⁵ Двинской воевода сообщает в Новгородский приказ сведения о приходе иностранных кораблей в период с 26 августа по 3 сентября 1687 г., отписка была отправлена в Москву 9 сентября, а, по помете на обороте, получена 20 сентября (Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их товары в России в XVII веке. С. 78–79). Соответственно, срок доставки документа в приказ, если археограф корректно передал цифры и обозначения месяцев, составил всего 12 дней, что, учитывая расстояние между Архангельском и Москвой, представляется невероятно быстрым.

¹¹⁶ Там же. С. 79.

¹¹⁷ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 109, 117, 232, 251.

¹¹⁸ Крестинин В. В. Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого с 1693 по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., 1795. С. 21. Здесь же упоминается и еще живой в 1693 г. Корнила Евоц, очевидно, уже упоминавшийся Корнила с измененной формой написания первой буквы его «фамилии». В. Н. Захаров, использовавший в своих работах список В. В. Крестинина (Захаров В. Н. Иностранные купцы в Архангельске при Петре I. С. 183), в общую сводную таблицу западноевропейских купцов Корнила Эвоца (Евоца) не включил (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 311–320).

¹¹⁹ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 192; Беспятых Ю. Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны... С. 350–351.

¹²⁰ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 78; Репин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске... С. 35; Захаров В. Н. 1) Западноевропейские купцы в России. С. 333; 2) Иностранные купцы в Архангельске при Петре I. С. 183.

Приведя имеющиеся в нашем распоряжении сведения об иноземцах Владимире Иевлевиче — Владимире Иевлеве — Владимире Иевлеве Эвоце (Эваце, Эвоулте, Эвоутсе, Эвоутце, Лвутце) — Владимире Фанэвере (Фаневере, Фангевере, ван Гевере, фан Эвере) и сопоставив эти данные, допустимо с определенной долей уверенности говорить о том, что упоминаемые в источниках и работах исследователей несколько голландских торговых людей, действовавших в России во второй половине XVII в., с одинаковым именем Владимир, продолжение антропонима которых приобретало в русских документах различные формы, на самом деле являются одним человеком с несколькими вариантами именования.

Причины возникновения подобных разнотений кроются, прежде всего, в особенностях передачи иностранных имен и фамилий в русской делопроизводственной практике, а именно, в целях, месте и способе составления документов приказными или административными чинами (на основании устной речи самого иноземца или его русскоязычных коллег, при переписывании предшествующих материалов на русском языке или использовании подписи купца на голландском языке) и виде этих документов.

Необходимо отметить, что двухчастное именование «Владимир Фанэвер» (со всеми вариантами) характерно для документов, составлявшихся или служителями Посольского приказа,¹²¹ или непосредственно работавшими с западноевропейскими купцами таможенными служителями различного уровня. Естественно, что вся эта местная или центральная приказная бюрократия, постоянно имевшая дело с иностранцами, лучше, чем другие государственные служащие, знали об отсутствии у иноземцев отчеств в русском понимании такого обозначения и, принимая это как должное, с одной стороны, а с другой — выполняя свои профессиональные задачи, прекрасно осознавали, что основными элементами идентификации иностранных купцов в различных учетно-регистрационных записях и других документах является имя и указание на их место происхождения. Отсюда встречающееся в связанных с внешними торговыми делами материалах написание «Владимир Фанэвер», без обозначения отчества, но с обязательным использованием частицы «фан» («ван») в слитном или раздельном написании со следующей за ней дефиницией, которая в голланд-

¹²¹ Отметим еще раз, что, если из относящихся к многочисленным спискам западноевропейских купцов, которые составлялись различными исследователями, общих сносок нельзя узнать источник сведений о каждом конкретном лице, то, тем не менее, очевидно, что эти данные почерпнуты преимущественно из документов Посольского приказа.

ских фамилиях несет географо-топографическую нагрузку, обозначая родину торгового человека.

Второе именование — «Владимир Иевлев Эвоц» со всеми вариантами «фамилии» — характерно для делопроизводства «внутренних» русских учреждений, приказных или земских изб, переписных комиссий, четвертных приказов со сложившимися там своими порядками, ориентированными, прежде всего, на русскую трехчастную форму записи имен людей (владельцев дворов, участников различных сделок, фигурантов административных или судебных дел и т. д.). Не стоит при этом забывать, что приказные или городские площадные, воеводские, земские подьячие записывали имена, скорее всего, со слуха, так, как они сумели разобрать произносимые, возможно, с сильным акцентом слова, и подгоняли услышанное, как свойственно при воспроизведении чужеземных фамилий всем языкам, под привычную себе, то есть русскую, фонетику, придавая к тому же на письме услышанным именам трехчастную форму.

Попробуем теперь объяснить истоки появления у иноземца «отчества-патронима» «Иевлевич — Иевлев» и определенияния «Эвоц — Фанэвер» с вариантами написания. Позволим себе высказать следующее предположение.

В провинции Южная Голландия существует островной город и община Hellevoetsluis, явившийся в XVII в. главной базой военного флота Нидерландов, название которого на современных русскоязычных картах пишется как Хеллевутслейс. Предположим, что приехавший в Россию нидерландский купец, называя русским чиновникам или частным лицам свое имя,¹²² затем пытался, по принятому на его родине обыкновению, обозначить свое тамошнее место жительства или место рождения. Очевидно, что столь длинное и трудное как для устного, так и для письменного восприятия слово могло воспроизводиться или не полностью, или по частям, в зависимости от целей работы и личных склонностей русских писцов-интерпретаторов. В первом случае услышанные или увиденные начальные фрагменты «Hellev» с учетом русской транскрипции и, особенно, того обстоятельства, что латинская «Н» могла при определенных особенностях ее графического отображения восприниматься как русская «И», могли дать в результате антропоним «Иевлев», который в делопроизводственных документах писался после имени собственного как патроним, а в частной переписке — с *-вич* как отчество. Однако в тех случаях, когда русским приказным или административным служителям при

¹²² Исследователи практически единодушны в том, что русским именем «Владимир» передается голландское «Volkert».

составлении тех или иных документов надо было использовать, по их мнению, трехчастную форму имени, то к начальному «Иевлев» они добавляли «evoets», не обращая, по-видимому, внимания на повторное использование одних и тех же графем, если видели письменное воспроизведение этого слова, или плохо разделяя произнесенные устно буквы. В результате получалась своеобразная «фамилия» «Эвоц» или, в зависимости от личных особенностей восприятия иностранных букв русским писцом и их воспроизведения, «Эвац», «Эвоутс», «Эвоутц», а при учете «l» — «Эвоулт» или «Лвутц».¹²³ В результате, трехсоставное, как это свойственно языкам германской группы, длинное и не простое для восприятия, но единое слово в русскоязычных источниках трансформировалось в два и приехавший из Южной Голландии иноземец стал именоваться как Владимир Иевлев Эвоц (Эвац, Эвоутс, Эвоулт, Лвутц).

Одновременно в тех случаях, когда приказные или таможенные служители в силу специфики своей работы считали необходимым, с одной стороны, воспроизводить в отношении иностранных купцов имя и указание на место их жительства или рождения через обязательную для голландцев приставку «van», а с другой — испытывая те же самые затруднения от услышанного или увиденного чрезмерно длинного слова, они сокращали его до «van Helle» или «van Hellev», что в русской транскрипции и могло, по нашему мнению, дать иское мое «Фаневер», «Фанэвер» в слитном написании или «фан Евер», «фан Эвер» в раздельном.¹²⁴

Впрочем, появление таких вариантов «фамилии» возможно, как кажется, связать и с русской скорописью. Небрежно, поспешно или неаккуратно выполненное «о» с не завершенным до конца овалом или вычурно написанная буква «ц» при определенных условиях могли быть воспроизведены писцом вторичного русского документа, который использовал в своей работе русский же антиграф, как «е» и «р». Тогда «Эвоц» превратился бы в «Эвер» или при чуть измененном чтении и написании первой буквы — в «Евер», что в сочетании с той же

¹²³ Не исключено, что взятая нами из опубликованного источника без его сверки с архивным оригиналом, форма «фамилии» Владимира Иевлева «Лвутц» произошла из-за допущенной публикаторами писем и бумаг Петра I ошибки прочтения или не-выправленной опечатки.

¹²⁴ Интересные примеры различных вариантов русской транскрипции иностранных имён приводит Д. Ю. Гузевич: фан Гельмант — Елма, Ян Энсенштрул — Иоан Стрепф и др. (Гузевич Д. Ю. Корабль «Орел»: голландские мастера, судьба, мифы, или «Карабль да полукарабелье» в Кутумовой реке (1667/69 (так в книге. — Л. Т.) — 1679) // Россия — Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 г. СПб., 2014. С. 241–244).

приставкой «ван» («фан») и привело бы к точно такому же результату.

Предлагая вниманию читателей изложенное выше представление о возможных путях формирования различных русских вариантов имени одного и того же иностранного купца, мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что эти конкретные построения могут вызвать вполне обоснованную критику. Однако нельзя не сказать, что в целом методы работы исследователей с именами западноевропейских купцов или других иноземцев, приезжавших на время или навсегда в Россию, требуют большей точности и конкретности. В. Н. Захаров, касаясь принципа передачи имен в своей таблице о западноевропейских купцах в России в конце XVII в., писал: «Фамилии и имена даны в транскрипции, принятой в большинстве русских источников».¹²⁵ Как показывает единственный, рассмотренный пример «Владимира Иевлева — Владимира Эвоца — Владимира Фанэвера», никакой «общепринятой» формы передачи имен иноземных торговых людей в русских материалах не было. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо с учетом специфики используемых документов, определив цели и место их составления, выявлять все варианты именований того или иного лица в русских источниках, и, анализируя их, по возможности, понять причины возникновения различных транскрипций и именных форм. А затем представить все, относящиеся к одному и тому же человеку именные определения во всем их многообразии, не сводя их к заранее выбранной умозрительной форме, что позволит самим читателям легче идентифицировать интересующих их персонажей и лучше ориентироваться в различных статистических подборках, в изобилии представленных в исследованиях по внешнеторговым связям.¹²⁶ В противном случае большое количе-

¹²⁵ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 320.

¹²⁶ Сказанное относится к исследованиям и по другим категориям проживавших в России иноземцев. Совсем недавно Т. А. Опарина обратила внимание на двух «греков» с одинаковыми и очень неординарными именем и «фамилией» — Николай Мамгуселим, один — Николай Остафьев сын, второй — Николай Зотов сын. И, еще до изложения конкретного материала, относящегося к этим людям, сделала вывод: «Причина столь частных повторений (имен и фамилий. — Л. Т.) кроется в способах имнаречения иностранцев в России. При формировании имен играли роль происхождение иммигранта и его конфессия. Инославным иммигрантам-западноевропейцам чиновники сохраняли фамилии, хотя и в исковерканном виде. Родовитым — шляхтичам Речи Посполитой (независимо от вероисповедания), а также знатным православным „грекам“, причислявшим себя к аристократии бывшей Византии, подьячие давали „фамилии“ по аналогии с русской знатью. Известны примеры Палеологов, Альбертусов, Милородовых и др.» (Опарина Т. А. Два Николая Мамгуселима — две судьбы «греческих» иммигрантов в России первой половины

ство никак не оговоренных разнотений в различных списках иностранных купцов при полном отсутствии необходимого справочно-поискового аппарата к каждому конкретному лицу заставляет читателя постоянно решать вопрос, об одном и том же или нескольких людях идет речь в работах различных современных авторов.¹²⁷

Рассмотрев различные варианты именования в русских документах одного и того же голландского торгового человека, есть смысл повторно обратиться к вологодской переписной книге 1711–1712 годов. Как было отмечено выше, в этом документе нет сведений о дворе Владимира Иевлева — Владимира Иевлева с. Эвоца, но есть несколько записей о владениях торговых иноземцев «Галанской земли» братьев Андрея, Владимира и Корнилы Владимировых детей де Юнгов или просто Юнгов. Их, очевидно, основной двор размером около 99×44 сажени, где располагались хоромы, погреба, четыре конюшни, амбары, «скоцкая стая», сараи, баня, пивоварня, огород, находился в переулке, идущем от Новинской улицы «на всполье».¹²⁸ Из представлен-

XVII века // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции. Москва, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 169). Такое заключение представляется, во-первых, слишком общим, а во-вторых, как не основанное на анализе конкретных документов, не вполне точным. Владимир Иевлев при составлении определенного рода документов, традиционно требовавших трехсоставного обозначения человека, получал «фамилию», хотя, разумеется, не принадлежал к польской шляхте и не входил в состав некогда существовавшей византийской знати, а его проживание в России в течение нескольких десятков лет, формально не прививая его к иммигрантам, позволяет видеть в голландском купце такого же жителя государства, подчиняющегося тем же самым делопроизводственным механизмам. А упомянутые Палеологи и Милороды в русских документах отнюдь не всегда и не везде носили свои прославленные «фамилии». Поэтому и в отношении выезжих, служилых в самом широком смысле слова иноземцев, в том числе тех же «Николаев Мамгуселимов», также представляется целесообразным внимательно отслеживать варианты их именований в различных по своему происхождению документах и связывать имевшие место изменения не только с различными привходящими идеологическим факторами, сколько с особенностями делопроизводственной практики различных учреждений, например, приграничных воеводских изб и центральных приказов.

¹²⁷ Помимо этого, бросаются в глаза постоянно встречающиеся в исследованиях расхождения в датах упоминаний даже заведомо одних и тех лиц. В частности, в монографии В. Н. Захарова дата смерти Андрея Бутенанта указана как 1710 г., а в появившейся позднее книге В. А. Ковригиной как 1702 г., столь же непоправимо печальное событие в судьбе его племянника Ивана Фансома, по В. Н. Захарову, произошло в 1720 г., а по В. А. Ковригиной — до 1705 г. (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 319, 316; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 211, 217–218).

¹²⁸ «Двор Галанской земли торговых иноземцев Андрея Володимирова сына де Юнга з братьями, в длину 99 сажен полтора аршина, поперег 44 сажени с четвертью...»

ного далее в описательной статье перечня купчих и закладных становится понятным, что большое городское дворовладение голландских торговых людей образовалось, по всей вероятности, путем целенаправленного собирания воедино для создания настоящей городской усадьбы шести расположенных неподалеку друг от друга дворов,¹²⁹ причем началом этого процесса послужил заклад двора гостем Г. М. Фетиевым в 1678/79 г.¹³⁰ Помимо этого, братьям де Юнг вместе или по отдельности полностью принадлежали еще шесть дворов.¹³¹

В. Н. Захаров и М. С. Черкасова, касаясь истории этой семьи, пишут: «Семейство де Юнгов (de Jongh) появляется в России не позже 1668 года и спустя десять лет обзаводится двором в Вологде. Но их торговля через Архангельск развивалась неровно. И в конце XVII века, и в 1719 году никто из де Юнгов не упоминается среди купцов, торговавших в северной гавани. Напротив, в 1710 году Корнилий Владимиров де Юнг (очевидно, внук Андрея Владимира) с оборотом почти в 70 тысяч рублей занимал одно из ведущих мест среди голландских купцов, торговавших тогда в Архангельске».¹³² К сожалению, авторы статьи никак не обосновали начальную дату появления де Юнгов в Вологде — 1668 год¹³³ — и почему то, если не считать это простой опечаткой, назвали, несмотря на использованные ими сведения переписной книги 1711–1712 годов с четким указанием степени родства, Корнилу Владимира внуком, а не братом Андрея

(Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 11). Имя второго брата, Корнила, определяется из дальнейшего описания этого двора, а третьего, Владимира, — из описания расположенного неподалеку еще одного владения «Галанской земли иноземца Володимира Володимерова сына де Юнга...» (Там же) с совпадающими географическим определением места происхождения, патронимом и «фамилией»-прозвищем.

¹²⁹ Подробнее о таком способе создания крупных городских владений русскими купцами см.: Тимошина Л. А. Расселение гостей, членов гостиных и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М., 1994. С. 117–151.

¹³⁰ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 11; Захаров В. Н. Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде... С. 109.

¹³¹ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 11–13, 15, 55, 180, 209.

¹³² Захаров В. Н. Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде... С. 109.

¹³³ Возможно, В. Н. Захаров и М. С. Черкасова ориентировались на вышедшую несколькими годами ранее монографию А. Д. Демкина, где был указан Владимир Иевлев Юнг с датами упоминаний 1668, 1672, 1674 годы (Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России... Вып. 2. С. 81). В дальнейшем эту же дату, 1668 год, как начало деятельности Владимира Иевлева Юнга (Деюнга) также без всяких ссылок повторит Н. Н. Репин (Репин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске... С. 34).

Владимира.¹³⁴ Кроме того, обратив основное внимание на семью голландских купцов Гутманов и опубликовав ряд интересных документов, относящихся к этому торговому дому, авторы статьи в отношении заслуживающих, возможно, не меньшего внимания де Юнгов не задались очень важными, по нашему мнению, вопросами о происхождении их «говорящего» прозвища-фамилии — по отношению к кому или по сравнению с кем братья Андрей, Владимир и Корнила обозначены как «Молодые» и о форме более полного, чем просто имя собственное именования их отца. Предложим свои варианты ответа на эти взаимосвязанные вопросы.

Из всех изложенных выше данных следует, что в середине — второй половине XVII в. с Вологдой были связаны два иноземца, носившие имя Владимир: первый Владимир Иванов Иевлев — Владимир Иванов Фанэвер (Фангевер), действовавший в 50–70-х годах XVII в. и к началу 1677 г. умерший, вдова которого Мария Андреевна хотела взыскать со старца Спасо-Прилуцкого монастыря 1000 рублей долговых денег ее усопшего мужа; второй — крупный торговый человек, связанный с высшими светскими и церковными кругами Русского государства Владимир Иевлев — Владимир Иевлев Эвоц (Эвац, Эвоулт, Эвоутс, Эвонтц, Лвутц) — Владимир Фанэвер (Фаневер, Фангевер, фан Гевер), сведения о котором заканчиваются временем около 1710–1711 годов.

Понятно, что при двухчастном варианте написания имен этих торговых людей в русских документах два заведомо разных лица могли обозначаться абсолютно одинаково — или «Владимир Иевлев», или «Владимир Фанэвер». Возможно, положение могло быть не столь затруднительным после начала 1677 г., то есть смерти первого из «Владимиров», но на протяжении, по крайней мере, предшествующего десятилетия, с 1668 по 1677 г., полное единобразие, причем в двух вариантах, написания имен этих иноземцев неизбежно создавало путаницу. Следовательно, необходимо было найти некое дополнительное и не связанное с их именами и «фамилиями» определение, которое позволяло бы различать этих двух иноземцев. Поэтому к именованию второго из них, судя по всему, младшего по возрасту, добавилась приставка «Юнг» — младший. Причем, исходя из ее иноязыч-

¹³⁴ Простой хронологический расчет показывает, что за 40 лет, исходя из данных авторов статьи о первом появлении де Юнгов в Вологде, времени упоминания Корнилы Владимира с капиталом в 70 тысяч рублей и при учете того обстоятельства, что в 1711 г. сам Андрей Владимиров был еще жив, три поколения одной семьи, причем так, чтобы внук к окончанию этого срока являлся юридически дееспособным, то есть заведомо старше 15 лет, человеком, ворочающим большим капиталом, смениться не могли.

ной формы, очевидно, что уточняющая характеристика возникла первоначально среди самих голландских купцов и только потом была заимствована в русские документы.¹³⁵

Затем, с течением времени, когда у Владимира Иевлева «Младшего» подросли и стали самостоятельно заниматься торговлей сыновья, определение «Юнг» («де Юнг») перешло, чтобы точно указать, по-томками какого именно из «Владимиров» они были, на Андрея, Владимира и Корнилу.¹³⁶

Чрезвычайно интересно свидетельство голландского путешественника Корнелия де Бруина, который во второй половине или конце декабря 1701 г.,¹³⁷ на своем пути из Архангельска в Москву проезжая через Вологду, писал: «Мы остановились у г. Воутеръ Эвоутсь де Ионгъ, голландского купца, которого я знал еще в Архангельске».¹³⁸ Не будет слишком смелым предположить, что живший в это время в Вологде и торговавший в северной гавани Воутер Эвоутс это и есть многократно упомянутый, занимавшийся торговлей в порту на Белом море и имевший там собственный двор Владимир Эвоц и, в таком случае, слова заезжего голландца содержат чрезвычайно важные сведения, во-первых, о наличии у Владимира Эвоца собственного вологодского двора, где ему не стыдно было принимать гостей,¹³⁹ а во-вторых, о действительно применявшемся, причем ко второму, характерному только для него, в отличие от «Владимира Иванова Иевлева — Владимира Фанэвера», варианту написания имени —

¹³⁵ Подчеркнем еще раз, что А. В. Демкин, хотя и не указывая точно источники своих сведений, привел одну из форм довольно раннего, относящегося, по крайней мере, к 1668 г., написания имени голландского купца как «Владимир Иевлев Юнг» (см. примеч. 134), безусловно, опираясь на те или иные русские документы.

¹³⁶ В. Н. Захаров без каких-либо подробностей и, стоит ли повторять, без поисковых данных под № 48 в списке голландских купцов указывает некую «Ульяну ван Гевер» с датой 1714 г. (Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 313). Во всей вероятности, речь идет о некоей родственнице Владимира Фанэвера (ван Гевера) Юнга, но определить степень их родства пока не удается.

¹³⁷ См.: Мулдерс К. Корнелис де Бруин и его известие о самоедах // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 147–148.

¹³⁸ Путешествие через Московию Корнелия де Бруина // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. Отд. 4. С. 35.

¹³⁹ Можно предположить, что речь идет о том самом большом дворе в переулке на всполье, который после смерти отца перешел в совместное владение трех братьев, но по тем или иным причинам не попадал в предшествующие 1711–1712 годам кадастровые документы. Упомянем, кстати, что такого количества конюшен (четыре конюшни) не фиксируется ни на одном другом из принадлежащих иностранным купцам дворов. Не свидетельствует ли это еще раз об особом интересе, а возможно, о торговой специализации Владимира Иевлевича именно на покупке и продаже по-родистких лошадей?

«Владимир Эвоц» дополнительной характеристики «Молодой». Таким образом, уточняющая характеристика «Юнг» («де Юнг») встречается и в том, и в другом варианте написания «фамилии» голландского знакомого Ивана Андреевича Шергина, что еще раз подтверждает и тождество этих лиц, и высказанное предположение о применении этого дополнения ко второму из живших в Вологде иноземцев.

На данном этапе исследования мы не можем выяснить степень родства Владимира Иевлева 50-х-70-х годов и Владимира Иевлева де Юнга последней трети XVII в., хотя полностью исключить возможность родственных связей между ними было бы опрометчивым. Полезно при этом еще раз обратиться к сделкам Г. М. Фетиева с иноzemными торговыми людьми. М. С. Черкасова приводит сведения о том, что с 1674 по 1684 год продолжалось дело о выплате вологодским купцом, получившим за это время чин гостя, 800 рублей семье Андрея Андреевича Виниуса и Владимира Иванова. И, как отмечает автор статьи, «Фетиев в 1674 г. смог заплатить Виниусу только 300 руб., а в счет оставшейся суммы вынужден был купить у него 40 ведер вина».¹⁴⁰ По контексту получается, что 40 ведер вина должны были стоить 500 рублей, то есть одно ведро обошлось бы в 12,5 рублей, что намного превышает все мыслимые для этой категории товара ценовые пределы.¹⁴¹ Следовательно, речь шла о покрытии только части, да и то весьма небольшой, этой суммы. В результате, как отмечает М. С. Черкасова, Г. М. Фетиеву удалось получить от Марии Андреевны Иевлевой, урожденной Виниус, «платежную отпись» о прекращении всех расчетов буквально накануне своей смерти, 24 ноября 1683 г.¹⁴² Вспомним при этом приведенные при описании вологодского

¹⁴⁰ Черкасова М. С. Новые данные о деятельности вологодского гостя Г. М. Фетиева. С. 97. И. Н. Юркин, описывая хозяйство А. А. Виниуса, ни разу не упоминает винокуренное производство, но специально рассматривает кредитные операции Виниуса в разные периоды его жизни (Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. С. 456–484). Приведенные М. С. Черкасовой сведения позволяют расширить круг хозяйственных интересов этого государственного деятеля, по крайней мере, в годы его работы переводчиком Посольского приказа и выявить еще одного человека, получившего от Виниуса деньги.

¹⁴¹ Исследователи устюжского рынка второй половины XVII в. отмечают, что цена одного ведра вина в городе в 70-е годы колебалась от 8 до 13 алтын 4 денег (Мерzon А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 459). И даже если предположить определенную разницу цены на вино в двух — речном и приморском — городах, то различаться в десятки раз эти показатели не могли.

¹⁴² Черкасова М. С. Новые данные о деятельности вологодского гостя Г. М. Фетиева. С. 97. Впрочем, отношения вдовы с вологодским гостем были не столь однозначны. Известно, что через четыре дня после «платежной отписи» Мария Андреевна дала Гавриле Фетиеву купчую на двор в той же самой Коровине улице, который она, по ее словам, приобрела «у старца Прилуцкого монастыря у Сергия Белоусова»

двора братьев де Юнг слова Андрея Владимировича, который сказал, что «тот двор брата ево Корнила Юнга, тем двором владеет по закладным кабалам — по кабале гостя Гаврила Фетиева со 187 году».¹⁴³ В. Н. Захаров и М. С. Черкасова считают, что гость Гаврило Фетиев отдал по кабале свой двор Андрею Владимирову сыну де Юнгу с братьями, ссылаясь при этом не на переписную книгу 1711–1712 годов, а на другой источник, хранящийся в ГАВО, но не цитируя его.¹⁴⁴ Между тем, из записи в переписной книге ясно, что документ попал в руки не Андрея, а Корнилы Владимира сына де Юнга, но важнее другое. Из контекста понятно, что в 1678/79 г. Г. М. Фетиев действительно выдал некоему лицу закладную кабалу на один их своих вологодских дворов, но совсем не очевидно, что этим человеком был именно Корнила. С таким же успехом можно предположить, что кабала была дана его отцу, Владимиру Эвоцу де Юнгу, а при переходе двора после смерти владельца к его наследнику, в руки этого последнего, естественно, попали и все прежние крепости, став частью архива и юридическим основанием владения этим двором уже Корнилой Владимировичем, что и было записано в переписной книге. Поэтому допустимо думать, что вологодский гость таким способом пытался возместить родичу своего умершего к этому времени заимодавца еще какую-то часть долга и, следовательно, между скончавшимся к 1677 г. Владимиром Иевлевым и жившим до конца 1710-х годов Владимиром Иевлевым Эвоцем — Фанэвером действительно могли существовать те или иные родственные связи. Отсюда становится еще раз понятной и объяснимой необходимость точного указания именно в вологодских кадастровых материалах на то, чьими же сыновьями являлись Андрей, Владимир и Корнила, так как у вологодских властей были, по-видимому, живы воспоминания об обоих торговых иноземцах с одинаковыми именами и очень похожими «фамилиями».

Сыновья Владимира Эвоца продолжали успешно заниматься семейным делом. Андрей Владимирович де Юнг, по одним документам, или ван Гевер, по другим, упоминается исследователями как торговый человек с 1679 г., в первой четверти XVIII в., но уже, по-видимому, после смерти отца, он скупал поморские товары, шкуры

(Старая Вологда. XII — начало XX в. № 110. С. 93). Однако разбираться во всех хитросплетениях деловых отношений вдовы Владимира Иевлева, вологодского гостя и монастырского старца не входит в задачи настоящей работы.

¹⁴³ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 11; см. также: Старая Вологда. XII — начало XX в. С. 100.

¹⁴⁴ Захаров В. Н. Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде... С. 109; см. также: Черкасова М. С. Новые данные о деятельности вологодского гостя Г. М. Фетиева. С. 97.

и сало морских зверей, треску, участвовал в покупке смолы, продавал сукна.¹⁴⁵ Вместе с братом Владимиром в начале XVIII в. он предоставлял речные суда — баркасы — различным купцам, которые пользовались Сухоно-Двинским путем для перевозки товаров.¹⁴⁶ Корнила Владимирович де Юнг, имевший в 1710 г., как уже отмечалось, оборотный капитал в 70 тысяч рублей, в 1712 г. привез в Россию 2750 палашей, и хотя, как указывает В. Н. Захаров, в казну поступили палаши от нидерландского купца Ивана Любса, который запросил за них меньшую цену, 59 копеек за клинок, а Корнила де Юнг предложил свой товар за 60 копеек, торговые возможности сына Владимира Эвоца были, очевидно, не маленькими.¹⁴⁷

¹⁴⁵ Репин Н. Н. Голландские купцы в Архангельске... С. 34; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 135–137.

¹⁴⁶ Захаров В. Н., Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде... С. 109–110.

¹⁴⁷ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. С. 230.

Относительно недавно Я. В. Велувенкамп обратил внимание на семью иноземцев ван Еверов или ван Йеверов (*Велувенкамп Я. В. 1) Потеха в Немецкой слободе. Голландский архангелогородец Хендрик ван Евер и его окружение в первой половине XVIII в.* // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 341–359; 2) Хендрик ван Йевер // *Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550–1785*. М., 2006. С. 226–232). Разночтения «фамилии» зависят, по видимому, от особенностей разновременного перевода, хотя переложение на русский язык и того, и другого текста выполнено одним человеком — Ниной Микаэлян. Историк представил генеалогическую схему этой семьи, отметив, что первый, известный ему человек, Хендрик Волкертс, был уроженцем Йевера (вариант — Евера), населенного пункта в Восточной Фрисландии, и служил амстердамского мебельщика. Его сын Волкерт ван Йевер поселился «в конце XVII в.» в Москве и Архангельске (первая упоминаемая в исследованиях дата — 1698 г.), в 1700 г. от брака с Эмерентией Пелл у него родился сын Хендрик, а в 1706 г. — второй сын Волкерт. Близость «фамилий» «Евер» — «Йевер» с ван Гевер, фан Эвер очевидна, как хорошо заметно и постоянное совпадение имен — Владимир Андреевич, Андрей Владимирович, Владимир Владимирович. Однако принять версию голландского исследователя трудно. В своей работе Я. В. Велувенкамп использовал исключительно документы из голландских хранилищ или архива Архангельской области, вообще не обращаясь к материалам московских и петербургских собраний, что не позволило ему обратить внимание на гораздо более раннее, чем 1698 г., появление в русских источниках «фамилии» фан Эвер — ван Гевер и соотнести этого человека с упоминаемыми им персонажами. Не приводит он и никаких доказательств проживания Волкерта ван Йевера в Москве; не совпадают даты смерти этого лица, если гипотетически предположить, что речь идет об одном и том же человеке — Владимире фан Эвере с вариантами и Волкерте ван Йевере: в работах русских исследователей — до 1711 г., у голландского историка — в 1713 г.; вызывает сомнение отождествление сына Волкерта Хендрика с упоминаемым в русском документе Андреем Владимировичем ван Гевером, который унаследовал амбар отца на архангельском Немецком дворе — в 1713 г., Хендрику было 13 лет и стать полноправным владельцем торгового поместья он никак не мог. По всей вероятности, речь идет о 45 палате на Немецком

Таким образом, рассмотренные сведения позволяют констатировать, что во второй половине XVII в. в России, а точнее, в Вологде и Архангельске жил некий иноземец Владимир Иевлев — Владимир Иевлевич — Владимир Эвоц — Владимир Фанэвер, выполнявший в начале своей карьеры вместе с братом Корнилой функции приказчика Андрея Бутенанта на Сухоно-Двинском пути. Затем они начинают проводить собственные торговые операции в порту на Белом море и приобретают там двор (не исключено, что Корнила Иевлев поселился в Архангельске ранее брата). Когда же Владимир Иевлев обзавелся собственным владением в центральном перевалочном пункте на Сухоно-Двинском направлении — в Вологде и познакомился с И. А. Шергиным, сказать трудно. По-видимому, именно общность занятий и социального положения — с одной стороны, приказчики крупнейших купцов и предпринимателей, а с другой — лица, занимавшиеся собственной торговой деятельностью при одновременном проживании в одном и том же городе, — и послужила поводом сначала для знакомства Владимира Иевлева — Владимира Эвоца с вологодским человеком гостя И. Д. Панкратьева Иваном Дмитриевичем Нагаевым, а затем, через посредство этого последнего, с управляющим Сереговским усольем Иваном Андреевичем Шергиным. Впрочем, не стоит исключать и второй вариант возникновения их дружбы.

дворе, которую в 1710 г. занимал Владимир Иевлев — Владимир ван Гевер (Фанэвер), а затем его сын, вологодский дворовладелец, вполне взрослый и юридический дееспособный человек Андрей Владимиров де Юнг (см.: Захаров В. Н. Иностранные купцы в Архангельске при Петре I. С. 200).

Что же касается этнической принадлежности Хендрика и Волкерта ван Эверов, то Я. В. Велувенкамп постоянно называет их голландцами. Тем не менее, другие зарубежные исследователи, правда, без указания источника своих сведений, придерживаются мнения о происхождении Генриха фон (так!) Йевера из восточнофризского города Йевера и считают его собственно немецким купцом, подчеркивая, что такие иноземцы «иногда поселялись в России, где они считались нидерландцами (голландцами)» (Ангерманн Н., Мартенс А. Купцы м предприниматели из немецких городов на Русском Севере в XVII веке // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Сборник статей международной научной конференции, посвященной 5-летию Архангельской региональной общественной организации «Северное историко-родословное общество». Архангельск, 15–18 сентября 2003 года. Архангельск, 2003. С. 40). Однако причины такой трансформации остались в статье непрораскрытыми. Стоит, к тому же, заметить, что оба живших в России во второй половине XVII в. Владимира Фанэвера — Владимира Иевлева в русских документах постоянно назывались все же торговыми людьми «Галанской земли», что при их предполагаемом происхождении из формально не входившей в XVII в. в состав Голландских Штатов территории Восточной Фризии трудно объяснимо. Скорее всего, речь идет о еще одной семье иностранных купцов с похожей в русских документах транскрипцией их «фамилии», живших и действовавших в России в конце XVII — первой половине XVIII в. — «потеху», то есть фейерверк Хендрика ван Евера в Немецкой слободе Архангельска, Я. В. Велувенкамп датирует 1728 г.

Известно, что И. Д. Панкратьев был «гостем у корабельной пристани в Архангельске» в 1672,¹⁴⁸ 1677,¹⁴⁹ 1684,¹⁵⁰ 1688,¹⁵¹ 1692¹⁵² годах, а его родственник В. И. Грудцын выполнял такие же обязанности в 1675,¹⁵³ 1678,¹⁵⁴ 1680,¹⁵⁵ 1689,¹⁵⁶ 1695,¹⁵⁷ 1698¹⁵⁸ годах. Иначе говоря, в последней трети XVII в. эти два лица контролировали экспорт и импорт иностранных и русских товаров через Архангельск и сбор с них таможенных пошлин не менее 11 лет, что составляет треть от всего этого периода, а возможно, из-за отсутствия сведений за некоторые годы, и более. В таких условиях И. Д. Панкратьев, разумеется, имел все возможности для личного знакомства практически со всеми иностранными купцами, действовавшими на архангельском рынке в 1670-х — 1690-х годах и, не исключено, вполне сознательно налаживал контакты своих провинциальных приказчиков с теми из них, кто, не занимая видимых первых позиций в западноевропейском предпринимательском мире, постоянно проживал в городах на северном речном пути, чтобы не прерывать во время своего зимнего пребывания в Москве полезные связи. По-видимому, таким партнером (или кредитором) не только в торговле, но и в соляном промысле, а может быть, и в судостроении (не стоит забывать о предоставлении в начале XVIII в. баркасов Андреем и Владимиром Владимировичами де Юнгами другим купцам) стал для него в последние десятилетия XVII в. Владимир Эвоц. Благодаря такой взаимной заинтересованности московского гостя и иноземного купца, которая, не исключено, перекросла в дружеские связи, «Владимира Иевлевича» узнал приказчик Сереговского усолья и, может быть, подражая хозяину, а возможно, исходя из собственных симпатий, стал поддерживать с голландцем теплые отношения.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 141. 1674 г. № 445. Л. 1–2, 10–12; Ф. 35. Оп. 1. № 232. Л. 1; Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 443.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 141. 1678 г. № 2. Л. 1; Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Вологда, № 2а. Л. 139 об.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 2010. Л. 1.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Архангельск, № 29. Л. 3.

¹⁵² РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 3394. Л. 53.

¹⁵³ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле... С. 443.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда, № 2а. Л. 107, 108 об.; Ф. 159. Оп. 5. № 2247. Л. 71; ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 184.

¹⁵⁵ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле... С. 443.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 3394. Л. 53; Ф. 50. 1689 г. № 1. Л. 52–53. Напомним, что именно летом этого года приказчик Владимира Фанэвера принимал в Архангельске товары из Голландии.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. № 1949. Л. 48–49.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 141. 1698 г. № 262. Л. 1.

Не стоит забывать и еще одного достойного внимания обстоятельства: в 1688 г. московский торговый иноземец Томас Келдерман¹⁵⁹ и гость И. Д. Панкратьев должны были закупить в Амстердаме и вывезти в Архангельск 2000 пар карабинов и пистолетов, которые и были доставлены в северный порт в конце лета — начале осени этого же года, однако ни русский купец, ни его иностранный коллега сами в Нидерландах не побывали, а в Амстердаме находился их приказчик.¹⁶⁰ В это же время, в 1688 г., в Голландию выезжал и Владимир ван Гевер.¹⁶¹ Допустимо думать, что между двумя событиями существовала прямая связь: во-первых, вполне возможно, что приказчик остававшихся в Москве торговых людей мог воспользоваться тем же самым кораблем, на котором отплыл и голландский купец, если не предположить, что и само судно принадлежало «Владимиру Иевлевичу», как это было в 1687 и 1701 гг. Во-вторых, ван Гевер вполне мог помочь их приказчику, особенно, если это был русский человек, в приобретении оружия, тем более, что, по-видимому, он и сам занимался поставками вооружения в царскую казну.

Одновременно Владимир Иевлев — Владимир Эвоц был связан, как показано выше, и с Андреем Ивановичем Бутенантом, что, по всей видимости, и объясняет в конечном счете его хорошее знакомство с лицами из ближайшего окружения Петра I — Ф. М. Апраксиным, Ф. А. Головиным, Францем Лефортом, Патриком Гордоном. В историографии есть множество свидетельств дружеских связей Петра I с комиссаром датского короля, который покупал для царя различные инструменты, предметы быта, немецкую одежду, причем симпатии Бутенанта к молодому царю проявились еще во время регентства царевны Софьи. При отлучках Петра Андрей Иванович вел с ним переписку, как отмечает В. А. Ковригина, на ломаном русском языке

¹⁵⁹ О нем см.: Демкин А. В. «Московские торговые иноземцы» в первой половине XVII в. // ВИ. 1984. № 8; Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 122, 124, 125, 152, 183; История предпринимательства в России. Кн. 1. М., 2000. С. 176, 184, 186, 187 189 и др.; Велувенкамп Я. В. Архангельск. С. 120, 153; и др. Относительно недавно в районе Мытной улицы в Москве была обнаружена могильная плита человека из этого рода, хотя публикаторы надгробной надписи воспроизвели его «фамилию» как «Келлерман» (см.: Беляев Л. А. Эпитафия сына Хинрих Келлермана и другие находки надгробий иноземцев в Московии, сделанные в 2010 годах // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции. Москва, 13–14 октября 2016 г. М., 2016. С. 46).

¹⁶⁰ См.: Тимошина Л. А. О русско-голландских связях в 1688 г. // Петр Великий — реформатор России. М., 2001. С. 209–211 (=Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Т. 13).

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1688 г. № 6.

сообщая ему московские и зарубежные новости. Петр часто бывал в гостях в доме Бутенанта в Москве, в частности, накануне отъезда в Воронеж, в ночь с 21 на 22 октября 1698 г.; 2 февраля 1699 г. царь имел тайное свидание в доме А. И. Бутенанта с датским послом Павлом Гейнсом и вел с ним переговоры о союзе с Данией, а торговый человек и заводовладелец был переводчиком, что свидетельствует о безусловном доверии к нему со стороны правящей особы.¹⁶² О Бутенанте как гостеприимном хозяине пишет Патрик Гордон, который постоянно, часто вместе с царем и Лефортом, ездил к нему обедать или ужинать и одновременно вел через него свои и других иноземцев, находящихся на русской военной службе, финансовые дела.¹⁶³ Не удивительно, что Владимир Иевлев мог познакомиться в доме своего то ли хозяина, то ли дальнего родственника и с самим царем, и с его окружением, чтобы в дальнейшем самому стать заслуживающим доверия лицом и в передаче внешнеполитических новостей, и в ходатайстве за вологодских жителей перед сильными мира сего. Вполне вероятно, к тому же, что когда А. И. Бутенант выступил в качестве подрядчика при строительстве кораблей кумпанством Иверского, Саввина Сторожевского, Воскресенского и Иосифо-Волоколамского монастырей, а его родственник Данила Артман поставлял припасы в кумпанство гостей,¹⁶⁴ Владимир Иевлев мог принимать участие в «корабельных» делах.

Труднее определить возможность возникновения через посредство Владимира Иевлева — Эвоца — Фанэвера личных связей А. И. Бутенанта с И. Д. Панкратьевым, так как никаких прямых документальных свидетельств о времени и месте зарождения между ними деловых или дружеских отношений в нашем распоряжении нет. Однако и полностью исключать такую возможность тоже нельзя. Точно так же следует иметь в виду и пока не поддающиеся конкретному описанию, но, тем не менее, существовавшие связи детей Владимира Иевлевича с еще одним крупным представителем русского торгового мира — вологодским гостем Гаврилой Мартыновичем Фетиевым.

¹⁶² Богословский М. М. Петр I. Т. 3. С. 121, 223; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы... С. 225; Бушкович П. Петр Великий. С. 143. Не случайно, сохранившиеся в датском архиве многочисленные письма-донесения А. И. Бутенанта содержат подробнейшие сведения о различных событиях при царском дворе и являются ценным источником для характеристики внутреннего положения России при Петре I (примеры см.: Бушкович П. Петр Великий. С. 117–118, 132, 134, 155, 162 и др.).

¹⁶³ Патрик Гордон 1) Дневник 1684–1689. С. 32, 43, 60, 162–166 и др.; 2) Дневник 1690–1695. С. 8, 18, 30, 54, 55 и др.

¹⁶⁴ Ивина Л. И. Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша... С. 107; Захаров В. Н. Поставки западноевропейскими купцами оружия и военного снаряжения... С. 64.

А если вспомнить, что Фетиев, со своей стороны, часто действовал совместно, скромная продукцию русских промыслов, с тем же Томасом Келдерманом, с которым гость И. Д. Панкратьев поставлял, правда, уже после смерти вологодского гостя, оружие в царскую казну, то знакомство всех этих людей друг с другом представляется весьма вероятным.¹⁶⁵

Говоря о деловых и дружеских взаимоотношениях Владимира Иевлева — Эвоца — Фанэвера с самыми разнообразными представителями русского общества нельзя не обратить внимание на такой активно

¹⁶⁵ Почему бы не предположить, сопоставляя дату смерти Г. М. Фетиева в декабре 1683 г. и совместную деятельность Т. Келдермана и И. Д. Панкратьева уже в 1688 г., что московский гость занял место своего безвременного скончавшегося вологодского брата в торгово-предпринимательском сообществе Фетиева, Келдермана и еще одного гостя, Владимира Воронина (об их совместной деятельности см.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 125; Черкасова М. С. Новые данные о деятельности вологодского гостя Г. М. Фетиева. С. 97; Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 209, 235, 237–239 и др.). Важно при этом отметить, что ни Томас Келдерман, ни Владимир Воронин, который продолжал упоминаться с чином гостя по имеющимся в литературе сведениям до 1696 г. (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 121), не имели собственных дворов в Вологде, что было не так уж важно при жизни Гаврилы Мартыновича. Однако после его смерти и более чем вероятной потери места комфортного пребывания в важном транзитном пункте на Сухоно-Двинском пути «осиротевшие» компании вполне могли быть заинтересованы в поиске нового дворовладельца, каковым и являлся И. Д. Панкратьев. По переписи 1711 г., гостю принадлежали в Вологде два вполне вместительных двора — один в переулке в Изосимовскую улицу размером 41×53 сажени, другой на берегу р. Вологды «подле Булдакова звозду» — 81×48 сажени (Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 2. С. 54, 67; об истории появления вологодских владений И. Д. Панкратьева см.: Тимошина Л. А. Вологодские дворы Панкратьевых во второй половине XVII в. // ОФР. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 386–434).

Любопытно отметить, что и Г. М. Фетиев, и И. Д. Панкратьев имели известные в настоящее время по сохранившимся оттискам печати (см.: Кистерев С. Н. Печать гостя Гаврилы Фетиева // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции Москва, 14–16 апреля 2016 года. М., 2016. С. 271–273; Тимошина Л. А. Гербовые печати гостей Панкратьевых в конце XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1999. М., 2000. С. 416–425). Однако, несмотря на хорошее знакомство и того, и другого с иноземными купцами, подход двух русских людей к принципам отображения своего владельческого знака был, как отметил С. Н. Кистерев, совершенно различным: если печать Панкратьева недвусмысленно копировала некий западноевропейский образец с его гербовым щитом, шлемом, листьями аканта по бокам и символическим изображением корабля с инициалами владельца печати латинскими и русскими буквами, то в печати Фетиева, по мнению ее исследователя, «никаких изысков и излишеств не наблюдается» (Кистерев С. Н. Печать гостя Гаврилы Фетиева. С. 272), и она представляет собой простое воспроизведение инициалов владельца, причем только русскими буквами.

разрабатывающийся в настоящее время исследователями вопрос, как различие их вероисповеданий. Все, имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что Владимир Иевлевич на протяжении своего более чем тридцатилетнего пребывания в России оставался протестантом, впоследствии этой же веры придерживались его сыновья, что, тем не менее, нисколько не мешало ни их экономической деятельности, ни контактам с торговыми-предпринимательскими и административными кругами России. Одновременно, и русские люди не видели ничего неподобающего во взаимоотношениях с так и не принявшим православную веру иноземцем и не гнушались, в случае необходимости, обращаться к нему с просьбами о денежной помощи или моральной защите.

Чрезвычайно показателен сам дружеский тон писем сына и брата православных священников И. А. Шергина,¹⁶⁶ человека, безусловно, глубоко верующего, постоянно заботящегося о доставке в церкви на Сереговском промысле икон, книг, церковных облачений,¹⁶⁷ к протестанту Владимиру Иевлевичу. Не менее интересны и контакты Владимира Иевлева с одним из крупнейших церковных иерархов последней четверти XVII в. — архиепископом Холмогорским и Важским Афанасием.

Касаясь взаимоотношений выходцев из Западной Европы и представителей русской православной церкви, С. П. Орленко отмечает, что «реакцию последних на присутствие в русском обществе „некрещенных немец“ трудно назвать однородной».¹⁶⁸ Однако, рассматривая далее позицию духовенства, автор указывает на наличие только двух, известных ему «антинемецких» членов русских священников — 1643 г. попов двух московских церквей с жалобой на то, что «немцы» скапливают дворы в их приходах, строят свои «ропаты», держат русскую прислугу и нелегально торгуют хмельными напитками, и 1686 г. от духовенства Архангельска и Холмогор о том, что *торговые* иноземцы, имеющие дворы в этих городах, держат у себя «в работе» множество русских людей и «чинят им великое осквернение».

¹⁶⁶ Отец Ивана Шергина Андрей был священником устюжской церкви Богородицы Одигитрии, брат Леонтий — церкви Иоанна Богослова, а родственники по боковой линии Владимир Никитин с. Протопопов и его сын Василий — соответственно, проповедником и дьяконом Успенского собора Великого Устюга (см.: Тимошина Л. А. 1) Частный архив как памятник культуры... С. 229–230; 2) Иван Андреевич Шергин: штрихи к портрету // Средневековая личность в письменных и археологических источниках. Материалы международной научной конференции. Москва, 13–14 октября 2016. М., 2016. С. 196.

¹⁶⁷ Подробнее см.: Тимошина Л. А. Частный архив как памятник культуры... С. 233–235.

¹⁶⁸ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы... С. 157.

С. П. Орленко «предположительно» связывал этот последний документ с архиепископом Афанасием, который, по его мнению, выступил в данном случае как «протеже и единомышленник патриарха Иоакима», непримиримого врага «немцев-еретиков». ¹⁶⁹

Несколько ранее на этот же казус обратила внимание Т. Г. Фруменкова, более подробно описавшая содержание членитной архангельского протопопа Калинника, ближайшего помощника Афанасия, инспирировавшего донос. ¹⁷⁰ В статье отмечается подача архиепископом «послания» в Посольский приказ с просьбой защитить «святую церковь» «от поношений и унижений иностранных» и с перечислением 24 иноземцев, во дворах которых жила русская прислуга. Одним из этих иноземцев был Корнила Иевлев, ¹⁷¹ который, как уже отмечалось, действительно имел двор в Архангельске, однако Владимира Иевлева в поданном списке нет, что еще раз доказывает его большую, чем у брата, ориентированность на Вологду. По словам Т. Г. Фруменковой, в Посольском приказе «этим делом занимался думный дьяк Е. И. Украинцев» и вскоре в Архангельск пришло «распоряжение» «русским людям у иноземцев во дворех и на дворничестве и в работе жить отнюдь не велено, и о том велено учинить заказ под смертною казнию». ¹⁷² Такое решение возмутило иностранных купцов, подавших в марте и мае 1686 г. членитные с просьбами не отнимать у них русских сторожей и дворников. В ответ по указу от 16 июня 1686 г. русским людям был разрешено жить у иноземцев во дворах в особых хоромах, а запрещение держать русских слуг распространялось только на тех купцов, вина которых в «насилии» по отношению к православным после проведения специального расследования была бы доказана. ¹⁷³

Не отрицая правомерности, несмотря на отдельные неточности, ¹⁷⁴ трактовок Т. Г. Фруменковой и С. П. Орленко документов 1686 г.,

¹⁶⁹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы... С. 158, 153–156. Ссылки на какие-либо документы или работы предшественников при изложении содержания членитной у С. П. Орленко отсутствуют, несмотря на то, что дело 1686 г. было опубликовано: Отнятие у иноземцев русской прислуги в городах Архангельске и Холмогорах // ЧОИДР. 1883. Кн. 3. Отд. 2. С. 85–102.

¹⁷⁰ Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С. 138.

¹⁷¹ См.: Смирнов П. Иоаким, патриарх Московский. М., 1881. С. 91–92.

¹⁷² Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С. 139.

¹⁷³ Там же. С. 139–141.

¹⁷⁴ Афанасий Холмогорский направил в Посольский приказ не «послание», а членитную; вряд ли правомерно безапелляционное утверждение о том, что непосредственно делом занимался думный дьяк Е. И. Украинцев. Разумеется, этот приказной деятель был в курсе событий, однако вся документация велась подьячими Посольского приказа, оба приговора были вынесены судьей В. В. Голицыным, за приписью же Е. И. Украинцева на Двину были отправлены грамоты.

в том числе, и присутствовавшего в них искреннего желания русских иерархов защитить православную веру и свою паству от иностранного влияния,¹⁷⁵ отметим возможность существования и других побудительных причин подачи протопопом Калинником и архиепископом Афанасием своих челобитных и оснований для правительственного решения от 16 июня 1686 г., которые, с нашей точки зрения, отчетливо просматриваются в этих источниках.

Прежде всего, стоит отметить, что инвективы священнослужителей удивительным образом были направлены, несмотря на присутствие в северном порту и других иностранцев, только против одной категории иностранцев — торговых людей, которые, в свою очередь, точно оценив объект нападения, подали встречные челобитные, упомянув на первом месте русских сторожей и дворников. Изменение же правительственного решения было связано с высказанными со стороны иностранных купцов угрозами о сокращении торговых операций, что повлекло бы значительный недобор таможенных пошлин в Архангельске и Холмогорах, которые в 1680-х гг. составляли весьма значительные суммы, превышавшие 80 тысяч рублей.¹⁷⁶ Подобная возможность падения объемов экспортно-импортных операций в крупнейшем морском порту, по-видимому, оказалась настолько значимой в глазах правительства, что в определенной степени отодвинула на второй план опасность влияния на православных людей иноземных верований. Поэтому представляется, что и подача челобитных Калинника и Афанасия могла быть обусловлена, помимо чисто религиозных, еще и экономическими причинами,¹⁷⁷ связанными с недостатком рабочей силы у русских купцов в условиях относительно слабой населенности Архангельска и Холмогор и объективными трудностями притока рабочих рук извне. Отсюда — стремление использовать внеэкономические методы привлечения русских работных людей в конкурентной борьбе за обслуживающий персонал с иностранными торговыми людьми.

¹⁷⁵ Такой же трактовки событий 1686 г. придерживался и автор наиболее подробного исследования о жизни Афанасия Холмогорского В. Верюжский (*Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский. С. 100–103*).

¹⁷⁶ См.: *Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 87.*

¹⁷⁷ С. П. Орленко, рассматривая обращение 1643 г. о запрещении «немцам» скучать дворы вблизи православных церквей, высказывает совершенно резонное соображение о том, что «наряду с религиозной нетерпимостью мотивом челобитья могло быть и ущемление финансовых интересов русских священников», заключающееся в сокращении числа прихожан православных церквей (*Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы... С. 157*), но не обращает внимания на еще более ярко выраженную экономическую подоплеку челобитных 1686 г.

Однако уже в 1690-х годах положение, по крайней мере, одного из иноземцев изменилось, и оба автора обличительных члобитных, и протопоп Калинник, и архиепископ Афанасий, видели во Владимире Иевлеве не только поставщика различных заморских товаров, но и достойного доверия человека, что делало их контакты вполне дружественными. С одной стороны, сам двинской архиерей к этому времени несколько изменил свое отношение к иностранцам,¹⁷⁸ а с другой — выполнение пастырского долга (обличение иноземных верований время от времени повторялось в окружных посланиях и в дальнейшем¹⁷⁹) ничуть не мешало ему в повседневной жизни поддерживать вполне нормальные, далекие от фанатизма связи с выходцами из Западной Европы.

Таким образом, рассматривая на примере «Владимира Иевлевича» отношения иностранных и русских купцов и, добавим, представителей других слоев населения Русского государства, нельзя не согласиться с мнением С. П. Орленко, что их характер «определялся сугубо экономическими факторами. Явного влияния фактора религиозной неприязни в деловых связях русских торговых людей и иноземцев не просматривается».¹⁸⁰ В обыденной жизни, в отличие от официальных постановлений и, особенно, политики высших церковных иерархов, разница вероисповеданий ничуть не мешала ни совместной деятельности, ни дружбе и взаимопомощи представителей различных конфессий.

Изучая историю нидерландского купечества в России в XVII в., голландский историк Я. В. Велувенкамп отметил, что применительно к этой группе торговых людей стоит говорить и изучать деятельность не того или иного отдельно взятого предпринимателя, а некоей «общности», которая «наблюдается у нидерландских купцов в России», с ее характерными чертами: а) постоянством деловых отношений, когда купцы «предпочитали вести торговлю с постоянными клиентами для обеспечения регулярных продаж ... Они также работали с постоянными поставщиками, чтобы согласовывать покупки с ожидаемыми продажами»; б) специализацией, выражавшейся в ассортименте товаров; в) ярко выраженной преемственностью, когда после

¹⁷⁸ Подробнее см.: Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский. С. 110–115; Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С 141–155.

¹⁷⁹ Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы. С 141.

¹⁸⁰ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы... С. 217. Такого же мнения об отсутствии религиозной нетерпимости и враждебности в отношениях во второй половине XVII в. между горожанами и иноземцами придерживается и А. М. Кантор (*Кантор А. М. Отношение русских горожан второй половины XVII в. к Западу // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996. С. 171–172*).

смерти или отхода отца от дел, семейный бизнес продолжали, пользуясь его связями, сыновья; г) стремлением жениться на дочерях или сестрах других купцов с такой же специализацией, какую имели сами. И далее историк обращает внимание на такие нуждающиеся в изучении вопросы, как количество таких общностей обретающихся в России указанного периода и существование между ними той или иной иерархии.¹⁸¹

Представленная выше история «Владимира Иевлевича» и его родственников во многом подтверждает справедливость наблюдений исследователя. Действительно, есть все основания говорить о некоей семейной общности, охватывающей не менее двух поколений ее представителей, которые на протяжении нескольких десятков лет занимались экспортно-импортной торговлей через Архангельск: Владимир Иевлев — Владимир Иевлев Эвоц (Эвоутс, Эвоутц, Эвоулт, Лвуц) — Владимир Фанэвер (Фаневер, ван Гевер, фан Эвер), прозвище де Юнг, его брат Корнила Иевлев Эвоц (Эвоутс), дети Владимира, Андрей, Владимир и Корнила де Юнги и, вероятно, живший в Архангельске и не имевший такого дополнительного обозначения Денис.

Для деловых отношений этих купцов были также характерны постоянные торгово-предпринимательские связи с отдельными, вполне определенными группами русских торговых людей, прежде всего, с семейным же торгово-предпринимательским кланом в лице московского гостя И. Д. Панкратьева и устюжского В. И. Грудцына, с вологодским торговым человеком, впоследствии также гостем Г. М. Фетиевым и, по-видимому, его компаньонами. Что же касается иноземного купечества, то здесь выделяется Андрей Иванович Бутенант, и, возможно, сосед «Владимира Иевлевича» по вологодскому месту жительства Даниила Артман. Тем самым, к постоянно упоминаемым в литературе компаниям де Богелара — Кленка, Акемы — Марселиса и не менее хорошо известным «семейным» домам голландских купцов Гутманов, Фандергульстов, де Босов необходимо прибавить «фамилию» «Иевлев — Эвоц — Фанэвер — де Юнг». Однако столь уверенное заявление отнюдь не означает, что в дальнейшем с обнаружением новых источников и повторным анализом уже известных, а этот процесс практически бесконечен, на основании новых же данных не возникнут дополнения и, не исключено, более или менее существенные изменения изложенных выше генеалогических построений, однако такова специфика жанра персональной «биографии», которую стоит сознавать и «писателю», и читателю.

¹⁸¹ Велувенкамп Я. В. Голландские купцы и их роль в торговле с Архангельском в XVII–XVIII веках // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 105–106.

О. Л. Новикова

**ПОМЕТЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
В ТРЕХ ИЗВЕСТНЫХ РУКОПИСЯХ XV–XVI ВЕКОВ
И ТРУДЫ ТИМОФЕЯ КАМЕНЕВИЧА-РВОВСКОГО**

Три древнерусских исторических памятника — Новгородская четвертая летопись, так называемый Сокращенный летописный свод и Русский хронограф занимают важное место в истории русского летописания и хронографии. Число сохранившихся списков и использование самих текстов в составе компиляций XVI–XVIII веков позволяют судить о постоянном читательском интересе к их содержанию на протяжении нескольких столетий.

В центре нашего внимания оказались три рукописи, представляющие каждый из названных памятников.

Древнейший из известных список Русского хронографа был переписан в 1538 г. по заказу Досифея Топоркова двумя писцами, один из которых назвал себя Вассианом Дракулой. Уже при Досифее текст Хронографа был размещен в двух томах, которые и стали вкладом старца в тверской Савватиев монастырь на помин души его родителей, а в дальнейшем — и его самого.¹

Последующая судьба двухтомника не прояснена, однако с какого-то момента книги стали бытовать отдельно друг от друга, произошло и дробление первого тома. В результате, начальные листы с вкладной записью Досифея Топоркова попали в собрание И. Н. Царского, где оказались в составе конволютного сборника.² В числе других рукописей этот сборник вскоре стал собственностью А. С. Уварова,³ и дол-

¹ Седельников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф // Известия АН СССР. Сер. 7: Отделение гуманитарных наук. № 9. Л., 1929. С. 755–773.

² Строев П. М. Рукописи славянские и российские, принадлежащие... Ивану Никитичу Царскому. М., 1848. С. 537–538.

³ Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа Уварова. Ч. 4. М., 1984. С. 102–103.

гое время л. 29–35 рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 356 с текстом Русского Хронографа вообще не соотносились.

Первая часть Хронографа была куплена Ф. А. Толстым,⁴ а когда в 1830 г. собрание Ф. А. Толстого было приобретено Императорской Публичной библиотекой,⁵ рукопись получила шифр ОСРК (F.IV.178), под которым и была вскоре введена в научный оборот.⁶

Второй том Хронографа оказался в собрании П. П. Вяземского,⁷ а после его смерти, в числе других рукописей, перешел в хранение ОЛДП. В начале XX века, благодаря разысканиям С. П. Розанова, этот том был выявлен и рукописи соотнесены между собой.⁸ При издании текста Русского хронографа в составе ПСРЛ, «объединенная» таким образом рукопись Вассиана Дракулы была использована при передаче текста в качестве основного списка.⁹ Вскоре после этого А. Д. Седельниковым были обнаружены начальные листы первого тома, содержащие уже упоминавшуюся ранее вкладную запись Досифея Топоркова, что явилось одним из аргументов исследователя в пользу того, что сам старец и являлся непосредственным создателем памятника.¹⁰ В 1932 г. уцелевшие от пожара рукописи ОЛДП (включая и рукописи из собрания П. П. Вяземского), в числе которых счастливо оказался второй том Хронографа, были переданы в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.¹¹ Таким образом, две основные части Русского Хронографа оказались в стенах одного хранилища.¹²

⁴ Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... Федора Андреевича Толстого. М., 1825. С. 192.

⁵ Собрание Ф. А. Толстого было приобретено в 1830 г. (Уо Д. Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого. Л., 1980. С. 7).

⁶ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. Ч. 1. М., 1866. С. 96–97.

⁷ РНБ, собр. Вяземского (ф. 166). F.97. См.: Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 100–102.

⁸ Розанов С. П. Хронограф редакции 1512 г. К вопросу об издании Хронографа // ЛЗАК за 1905 г. Вып. 18. СПб., 1907. С. 2–3.

⁹ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911.

¹⁰ Седельников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф. С. 763–765.

¹¹ Краткий отчет рукописного отдела за 1914–1938 гг. Л., 1940. С. 42.

¹² По досадной ошибке рукопись Вяз. F.97 была отнесена О. В. Твороговым к рукописям собрания ОЛДП. Неточность перекочевала из монографии в словарную статью, а затем в Предисловие к reprintному изданию 2005 года и показывает, что к самой рукописи исследователи обращались крайне редко, довольствуясь изданием текста памятника в ПСРЛ (Творогов О. В. 1) Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 193. Примеч. 23; 2) Хронограф русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 501; Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2005 года // ПСРЛ. Т. 22. М., 2005. С. XIV).

Второй памятник, судьба которого не прослеживается до попадания в состав частной коллекции, — Голицынский список Новгородской летописи (РНБ, Q.XVII.62), произведения начала XVI века, в основе которого лежит летописный текст более раннего времени.¹³ Известно, что рукопись входила в состав библиотеки князя Д. М. Голицына, сохранила наклейку с экслибрисом «Ex Bibliotheca Arcangelina» и числилась в описи конфискованного имущества Голицына, составленной в 1737–1738 гг., под № 184 и названием «Летописец Никифора патриарха Цареградского, рукописной».¹⁴ Обстоятельства и время попадания рукописи к Д. М. Голицыну неизвестны. Рукопись в числе других (всего около двухсот) была приобретена в 1810 году для своего собрания Ф. А. Толстым у жены Н. А. Голицына (внука Д. М. Голицына)¹⁵ и впоследствии, как и первый том Русского хронографа, оказалась в ОСРК.

Не совсем ясна и ранняя история бытования списка «Соловецкого вида» так называемого Сокращенного свода (РНБ, Сол. 922/1032), получившего свое название по библиотеке, в составе которой сохранился. Рукопись относится к концу XV столетия и своим происхождением с Соловецким монастырем связана быть не может.¹⁶ Время попадания ее в монастырь не прояснено, с уверенностью можно говорить лишь о том, что это произошло не позднее середины XVIII столетия, когда со сборника была снята копия, сохранившаяся в Соловецкой библиотеке.¹⁷ Последующее бытование рукописи связано уже

¹³ Список использован при издании Новгородской четвертой летописи в подстрочных примечаниях, а текст его окончания опубликован отдельно в приложении (ПСРЛ. Т. 4).

¹⁴ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 245. Название дано по начальному тексту в рукописи.

¹⁵ Там же. С. 238. Примеч. 2.

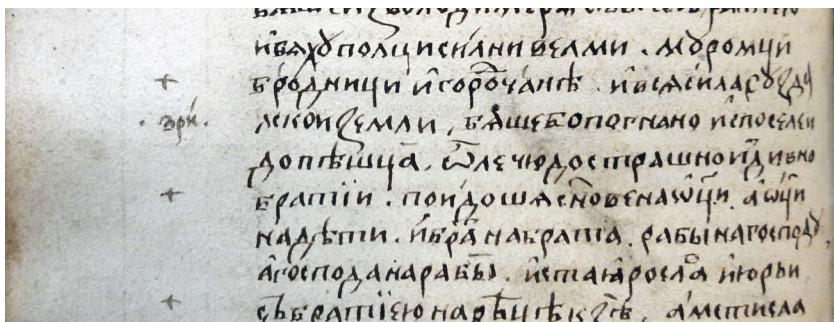
¹⁶ Описание рукописи см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Ч. 2. Казань, 1885. С. 551–553; Зиборов В. К., Лурье Я. С. Соловецкий вид «Сокращенного свода» последней трети XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 147–152; Археографические дополнения и публикацию текста см.: Новикова О. Л. «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века и его Соловецкий вид // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 162–234.

¹⁷ Копия с летописных статей сборника была включена в состав тематического конволюта РНБ, Сол. 879/989. Летописные тексты, соответствующие Сол. 922, размещены здесь на л. 1 об.–43. Копия была сделана тем же писцом и с другой части рукописи Сол. 922, где читался Ксенофонт иеродиакона Зосимы, которая оказалась включенной в другой сборник Сол. 1135/1245. Л. 202–206 об. (см.: Федорова И. В. Древнерусские паломнические «хожения» в библиотеке Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 235).

с судьбой библиотеки Соловецкого монастыря, которая во время Крымской войны была перевезена в Антониев Сийский монастырь, откуда в 1855 году передана в ведение Казанской Духовной академии,¹⁸ а в 1928 г. составила самостоятельное Соловецкое собрание Публичной библиотеки.¹⁹

Таким образом, мы видим, что эти рукописи разными путями оказались в ведении Российской национальной библиотеки, повторив судьбу десятков тысяч рукописных книг. Между тем, объединяет кодексы не только этот факт их биографии. Даже принадлежность двух из них на протяжении двадцати лет собранию Ф. А. Толстого является не более чем случайностью. Как выяснилось, есть все основания полагать, что, по крайней мере, на протяжении первых двух десятилетий XVIII века эти рукописи побывали в руках одного и того же читателя и, возможно, принадлежали одному владельцу.

Об этом позволяют судить обнаруженные единообразные пометы «Зри», а также более или менее многочисленные крестики на полях, проставленные по ходу чтения.²⁰ Такие отметки расположены на полях, напротив особо значимых для читателя известий в трех кодексах — в Голицынском списке Новгородской летописи, первом томе Хронографа²¹ и в сборнике Солов. 922²² — и местами обильно покрывают их поля.

РНБ, Q.XVII.62, л. 169 об.

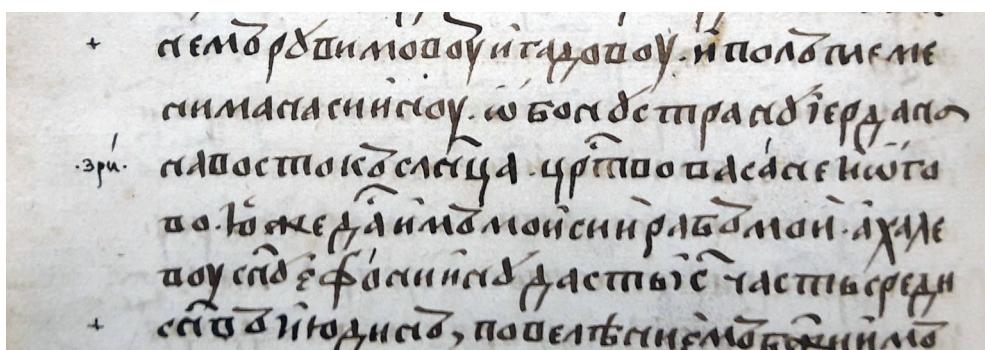
¹⁸ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Ч. 1. Казань. 1881. С. I—II.

¹⁹ Крущельницкая Е. В. Формирование и смена систем расстановки книг в библиотеке Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2004. С. 480.

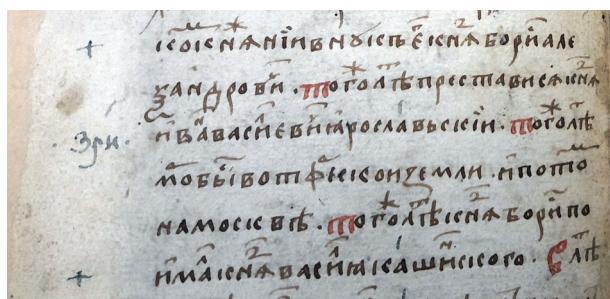
²⁰ Наличие таких помет нами было отмечено при публикации летописного текста по списку Солов. 922 (см.: Новикова О. Л. «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века... С. 191).

²¹ В том числе и на листах из этого Хронографа, хранящихся ныне в собрании графа А. С. Уварова (ГИМ. Увар. 356. 1°. Л. 29–30, 31 об.–32 об., 33 об.–34).

²² К сожалению, в Сол. 922 значительная часть подобных помет обрезана при реставрации.

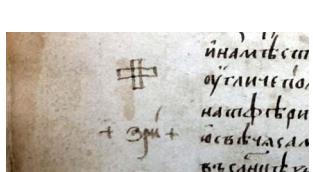

РНБ, F.IV.178. Л. 93 об.

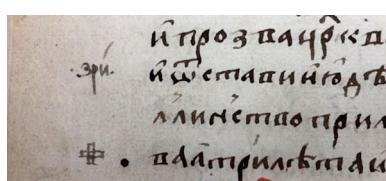

РНБ, Сол. 922/1032. Л. 94 об.

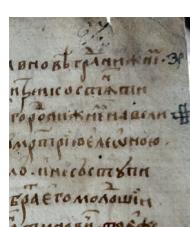
На полях Солов. 922, Голицынского списка и первого тома Русского хронографа встречены также отметки в виде крупных рисованных крестов, иногда сопровождающих пометы «Зри».

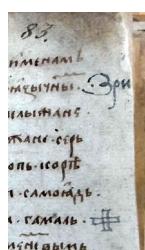
РНБ, Q.XVII.62. Л. 258 об.

РНБ, F.IV.178. Л. 264 об.

Сол. 922/1032. Л. 67

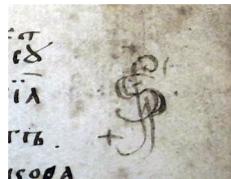

Сол. 922/1032. Л. 83

В Голицынском списке встречаются крупные рисованные «Зри», переданные с помощью буквы «зело», чем, возможно, подчеркивается особая важность известия, к которому относится такая помета. Подобные рисунки постепенно изменяются, становясь достаточно причудливыми.

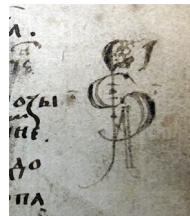
РНБ, Q.XVII.62.
Л. 87 об.

РНБ, Q.XVII.62.
Л. 35

РНБ, Q.XVII.62.
Л. 194 об.

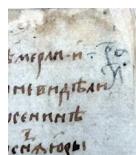

РНБ, Q.XVII.62.
Л. 27

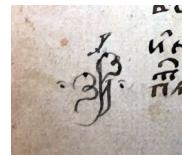

РНБ, Q.XVII.62.
Л. 244

Между тем, отдельные элементы подобных рисованных помет встречаются и в двух других рукописях.

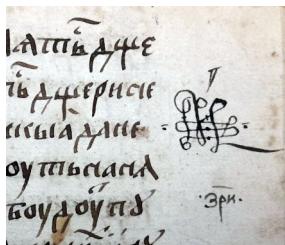

Сол. 922/1032.
Л. 97

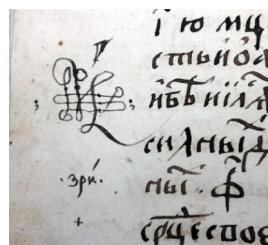

РНБ, F.IV.178.
Л. 225 об.

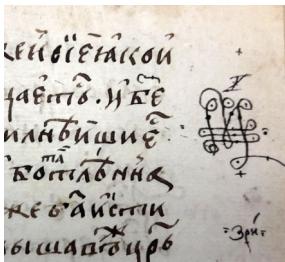
В первом томе Хронографа рисунок пометы «Зри», написанной через «зело», еще более сложен, и она становится трудночитаемой. Подобных помет в этой рукописи сто семь. Характерные элементы в ее графике, а также сочетание этой пометы с уже знакомыми позволяют не сомневаться в принадлежности всех их тому же человеку.

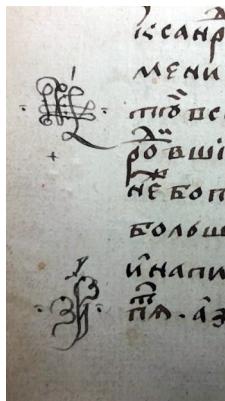
РНБ, F.IV.178. Л. 124

РНБ, F.IV.178. Л. 134 об.

РНБ, F.IV.178. Л. 213

РНБ, F.IV.178. Л. 225 об.

Пометами «Зри» древнерусские книжники издавна отмечали сведения, вызвавшие у них определенный интерес,²³ а в XV–XVII веках часто сопровождали их комментариями или разного рода отсылками.²⁴ В нашем случае, ряд помет дополнен сведениями, позволяющими определить время работы с рукописью. Примечательно, что подобные отметки обнаружились во всех трех книгах.

В Сол. 922/1032 на левом поле л. 60 об., напротив известия 6857 г. о столкновениях за Орешек между войсками короля Магнуса Эриксона и силами русских князей черными чернилами отмечено: «Зри 373». Отсчитав 373 года вперед от 6857 года и осуществив пересчет летоисчисления от сотворения мира, получаем указание на 1722 год:

$$6857 + 373 - 5508 = 1722$$

²³ См., например: Гимон Т. В. Пометы в рукописях Новгородской I летописи // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. М., 2011. С. 179–204.

²⁴ Уже хрестоматийными являются пометы книжника Ефросина, оставленные им на своих и чужих рукописях.

На левом поле л. 107, напротив известия 6961 г. о взятии Царьграда, сделана помета: «270 лѣть». Указание здесь на «лета» подтверждает корректность предшествующих вычислений и дает год, следующий за 1722:

$$6961 + 270 - 5508 = 1723$$

Зная, что в 1722 году произошло взятие русскими войсками шведской крепости Нотебург, вернувшее России Орешек и территории на северо-западе государства, приходим к выводу, что читатель работал в 1723 году, а известие 6857 года было отмечено под влиянием событий недавнего прошлого, или же с рукописью работали и в 1722, и в 1723 году.

Кроме помет «Зри» и крестиков, аналогичных тем, которые мы встретили в Солов. 922/1032, на полях рукописи F.IV.178 читаются несколько записей, демонстрирующих восприятие тех или иных известий Хронографа. Так, на правом поле л. 136, напротив известия о правлении царя Соломона, помечено: «80 лѣт». Это явно результат сложения данных, полученных из текста самого памятника в рассказе о Соломоне: «в градѣ Давидовѣ царствова 40 лѣт, в Хевронѣ 7 лѣт, а в Израили — 33», т.е. указание относится к общему сроку царствования Соломона. На правом поле л. 250, напротив известия о проживании рабманов «близъ великии рѣки раискии», сделан комментарий: «Дивно се, како Александре прииде до нихъ». Кроме того, обнаруживаются и пометы, указывающие на время чтения текста Русского Хронографа. На левом поле л. 216 об., напротив известия Хронографа «От Адама до умертвия Александрова лѣт 5100 и 67», читаем: «2057-мь лѣтъ 1716-го», означающее, что в 1716 году от смерти Александра минуло 2057 лет. Нехитрые вычисления читателя Хронографа реконструируются следующим образом:

$$5167 + 2057 - 5508 = 1716$$

Указанное таким образом время обращения к Хронографу подтверждается еще одним расчетом лет. На правом поле л. 259 напротив рассказа об Арииане — авторе трактата об Александре Македонском и ученике Эпиктета — сделано замечание: «Нерон былъ в лѣто 5557-е», а ниже кириллической цифирью приписано «1667 1716-го». Повторив манипуляции, получаем следующее выражение:

$$5557 + 1667 - 5508 = 1716$$

В Голицынском списке также обнаруживаем год обращения к рукописи, однако значение пометы проясняется только после анализа приведенных выше примеров. На правом поле л. 181, напротив изве-

стия 6733 г., повествующего о закладке князем Юрием Всеволодовичем каменной церкви в Нижнем Новгороде (речь идет о церкви Архистратига Михаила, с закладкой которой в летописной традиции связывается основание Нижнего Новгорода), размещена окруженная тремя рисованными крестами помета: «483 лѣта». Запись явно обозначает, что от начала строительства церкви прошло 483 года. Расчет, следовательно, может быть представлен так:

$$6733 + 483 - 5508 = 1708.$$

Таким образом, обращение книжника к этим рукописям относится к достаточно продолжительному промежутку времени с 1708 по 1723 год, что показывает его достаточно устойчивый интерес к истории.²⁵ В 1708 году он работал со списком Новгородской летописи, в 1716 с первым томом Хронографа, а в 1722–1723 годах обращался к тексту так называемого «Сокращенного свода». Отсутствие его помет во втором томе Хронографа (РНБ, Вяз.Ф.97) позволяет думать, что этот том (в котором как раз содержатся сведения по русской истории) ему не был доступен, а это, в свою очередь, заставляет полагать, что в начале XVIII века тома Русского хронографа уже бытовали отдельно друг от друга.

Анализ помет «Зри» в Соловецкой и Голицынской рукописях позволяет выявить интересы книжника. Примечательно, что они носят не только исторический, но подчас и источниковедческий характер.

Так, отмечены читающиеся в тексте памятников указания на различные, в основном, письменные источники:

- духовная Дмитрия Донского («златопечатные грамоты» — Солов. 922/1032. Л. 77 и Q.XVII.62. Л. 308), упомянутая под 6897 г.;
- сочинение Исидора Севильского «Этимологии» («Исидор епископ Испалечский писал в третьеи на десять книзъ Етифъмологии в 8 главъ о грому» — Q.XVII.62. Л. 18);
- Хроника Георгия Амартола («глаголет бо Георгий в летописании — Q.XVII.62. Л. 24);
- сочинение Анастасия Иерусалимского («о нем же и велики Анастасии Божия града рече» — Q.XVII.62. Л. 41);
- русско-греческие договоры — («харьтею сею хранити, все же есть написано на неи» — Q.XVII.62. Л. 48 об.);
- написание Владимира о церковной десятине («и написавъ клятву» — Q.XVII.62. Л. 96);

²⁵ Он работал с Голицынским списком во время Северной войны, отсюда внимание и к упоминаниям в этой летописи г. Риги Q.XVII.62. Л. 175 об., 182–182 об., 189 об.

- ссылки на Послания апостолов и писания пророков (Q.XVII.62. Л. 79, 100, 106);
- грамота Ярослава Новгороду («и людем написа грамоту, рекъ по сеи грамотѣ...» — Q.XVII.62. Л. 113);
- «уставы старых князей» под 6717 г. (Q.XVII.62. Л. 164 об.);
- грамота Митяя («преже преставления своего за 4 дни написа грамоту незнаму и страннолѣпну» — Q.XVII.62. Л. 341);
- послание митрополита Фотия о Григории Цамблаке («О том же Григории Фотѣи митрополит Рускии писа» — Q.XVII.62. Л. 355 об.);
- «старые летописцы» («почитающее старыя лѣтописци о нашествии водном» — Q.XVII.62. Л. 363).

Книжника интересуют различные чудеса от икон и знамения, что, безусловно, выдает в нем церковного деятеля. Так, в Солов. 922 на л. 91 отмечено известие о чудесах Колочской иконы. В Голицынском списке подобных отметок достаточно много (чудо иконы во время битвы новгородцев с суздальцами (л. 151 об.–152), об иконе Владимирской (л. 155), об иконе в церкви Неревского конца (л. 164), в церкви Петра и Павла в Словенском конце (л. 250 об.), в тверской Покровской (л. 258 об.), в новгородской церкви на Яковлевой улице (л. 318 об.) и др.²⁶

Внимание проявлено книжником к известиям об основании русских городов, а также о происхождении тех или иных географических названий (Q.XVII.62. Л. 91, 95 об., 116, 144, 219, 234 об., 245 об.). Не меньший интерес вызвали перечени племен и народов (Солов. 922. Л. 83, Q.XVII.62. Л. 19 об.), особо отмечены и известия, в которых представлены понятия «Русская земля», «русский царь», «русский язык» (Q.XVII.62. Л. 27, 34 об., 45, 194).

Важно, что пристрастие к этим темам прослеживается и при анализе помет на полях Русского Хронографа. Так, интерес к основанию городов обнаруживаем на л. 230 об., где рассказывается о переименовании Александром Македонским города Тира в Треполь, а на л. 226 — об основании Александрии. Отмечены здесь письменные источники и сочинения разных авторов, например, на л. 213 об. выделен перечень книг, на л. 231 — «Послание Дариево», на л. 225 об. «грамоты философские пять», л. 224 об. — труд Гомера («и даша ему книгу премудраго Омира, ею же написа о Троиском разорении»).

Таким образом, в пометах на всех трех рукописях прослеживается интерес к одним и тем же темам, что также подтверждает принадлежность помет одному и тому же читателю.

Несмотря на разнообразие отмеченных тем, в пометах на рукописях с летописными текстами бросается в глаза повышенное внима-

²⁶ См. Q.XVII.62. Л. 344 об., 348 об., 357.

ние книжника к одному городу — Нижнему Новгороду. В Солов. 922 на л. 63 (6863), 64 (6867), 67 об.–68 (6873–6874), 92 (6925), 94 (6933), 99 об. (6942), 115 об.–116 об. (6886) пометы сделаны к упоминаниям Нижнего Новгорода, нижегородской и городецкой епископии, нижегородских земель, нижегородских князей, о ценах в Нижнем Новгороде (л. 93).²⁷ На полях Голицынского списка подобных помет еще больше (л. 181 (6733), 220 (6813), 221 об. (6819), 247 (6863), 250 об. (6873), 251 об. (6874), 261 об. (6883), 298–298 об. (6895), 320 (6900), 349 (6918)).

Можно полагать, что в первых десятилетиях XVIII века рукописи находились в руках человека, как-то связанного с этим городом, но для подтверждения такой догадки пока не находится достаточных оснований. Важно, что в Голицынском списке новгородской летописи некоторые из интересующих нас помет сделаны поверх других, появившихся несколько ранее. Иначе говоря, в этой рукописи сохранились два слоя помет, из которых датированные временем около 1708 года представляют собой самый поздний.

Обратимся к более ранним записям. Главное, хотя и косвенное, свидетельство об их авторе находится на внутренней стороне верхней крышки переплета. Здесь он зафиксировал цель своей работы с этой книгой: «Сия книга лѣтописная вся прочтена, а писано в неи и про Мологское державство, и про холопи. Зри на полях помѣты, писаны скораго ради взыскания».²⁸

Отметим, что собственно помет «Зри», выполненных этим почерком, немного, в большинстве случаев он размещает на поле ключевые для себя слова, поэтому темы, его интересующие, для нас становятся более понятными, чем в случае с пометами, относящимися к 1708 году.

На л. 226 об. на левом поле, напротив известия о Щелкане, у слов «Щелкан с дружиною своею сгорѣ въ пропаде, и побиша их на Успление (так!) Богородици и гости их холопьскии исѣкоша» отмечено: «Холоп(ы)».

На л. 234 об., напротив известия «Лука Валѣфромѣв, не послушавъ Новгород и митрополича благословенія и владычня, скопивъ со собою холопов збоев, поѣха за Волок на Двину и постави город

²⁷ Известия о ценах в разных регионах Русского государства отмечены и в Q.XVII.62 на л. 136 об.–137, 140 об., 149, 152, 167 об., 182, 187. Обращается внимание на размеры дани и окупа (Q.XVII.62. Л. 237 об., 349 об., 366–366 об.). Топографический интерес проявляется в Солов. 922 и к упоминаниям Мурома, Мещеры, Торусы, Вятки (л. 79 об.), волжского «града болгар» (л. 83 об.), вятских городков (л. 108 об.), Микулина (л. 104 об.), Зубцева и Белого (л. 105).

²⁸ Запись опубликована: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. VI.

на Христе Апостоликах и Благополучно
записано в кн. Премъюзко с А. Толстого
Епископа Кирехолмск. Зри на то са
Помощи Писати Своя да възбужда
житей

Ex Bibliotheca Arcangelina

XXI

Ф.Б.о. XVII № 62

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ

ГРАФА О. А. ТОЛСТОВА.

Отдѣл. II, № 58.

II

I

РНБ, Q.XVII.62. Внутренняя сторона верхней крышки переплета

Орлець», помета: «Скоп холопей». На л. 317 помета «за холопъ», относящаяся к известию 6898 года «ту и докончаша новгородци мир за должникъ из холоп и за робуи, кто в путь ходил на Волгу...». Особое внимание автором помет уделено походам новгородских ушкуйников в Поволжье. Так, на л. 251, напротив известия 6874 года «Ездиша из Новагорода люди молодыя на Волгу без новгородцкого слова...», отмечено: «грабежи», на л. 269 об. у известия об ушкуйниках 6883 г. «Прокопиев разбои». На л. 253 об. напротив известий об ушкуйниках за 6877 и 6878 гг. пометы: «зри, смотри, внемли».

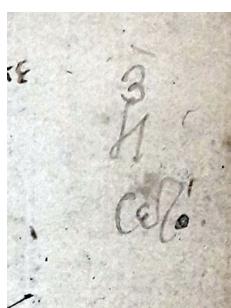
Книжник проявляет особый интерес к топонимам, происхождение которых, на его взгляд, может быть связано с холопами. Так, им отмечены упоминания Холопьей улицы в Великом Новгороде под 6807, 6811, 6838, 6858 и 6883 годами. На соответствующих листах рукописи мы видим пометы «Холопья улица» (л. 218, 219, 228) или «Холопъ» (л. 240 об., 262). На л. 353 об. у известия о строительстве церквей в 6925 году обнаруживается отметка на поле, фиксирующая существование в Новгороде Холопьего городка: «Холопий городець».

Интерес к «Мологскому державству» проявился в пометах, связанных с известиями о Мологе и мологских князьях. На л. 254, напротив известия 6879 «Тои же весны Михаило Тферьский воиною поиде ко Костромѣ и увернуся на Мологѣ, а Мологу пожже», на поле помета: «Молога пожжена». На л. 259 у перечня князей выступавших на стороне Дмитрия Ивановича в борьбе с Михаилом Александровичем Тверским (6883), напротив упоминания князя Федора Михайловича Мологского, сделана отметка «князь мологскии», а у известия 6894 г. на л. 296 «Зри: «рать мологская». На л. 334 об. пометой «Молога» сопровождено известие 6904 г. о поставлении митрополитом Киприаном ростовского епископа Григория, в ведении которого оказались и Углич, и Молога. Кроме того, книжник отметил и ряд известий, в которых упоминаются именно Углич или угличские князья. Пометы «Зри» обнаруживаются: на л. 143 об. у рассказа о походе князя Изяслава Мстиславича 6656 г. и на л. 201 об. у сообщения о смерти Владимира Константиновича Угличского, на л. 216 об. у сообщения о вокняжении угличского князя Александра Константиновича под 6801 г. Помета «Углече Поле» сделана на л. 215 к рассказу о разделении земель Дмитрием Константиновичем между сыновьями в 6794 г.

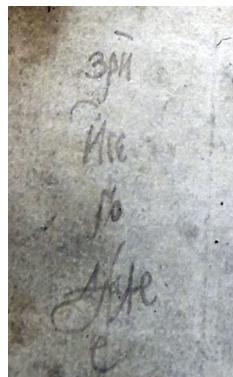
На л. 317, напротив известия 6898 о моровом поветрии в Новгороде и связанном с этим строительстве церкви св. Афанасия, отмечено: «Церковь Афанасьева в моръ». На л. 349, напротив известия 6918 г. «сего лѣта начаша новгородци торговати промежь собою...», сделана помета: «Торговля», на л. 362 у известия 6928 «начало денегъ», на л. 366 у известия 6932 г. «Денги», на л. 370 у сообщения 6954 года:

«окуп велики». На л. 370 об. напротив известия 6955 г.: «ослѣпиша великаго князя», а ниже: «Шемякин судъ».

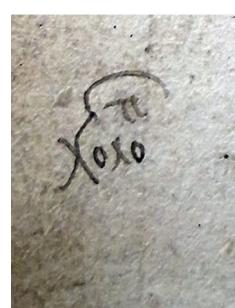
Этим же почерком на внутренней стороне нижней крышки переплета сделана запись, позволяющая уточнить время подобной работы с рукописью: «184 г(оду) ген(варя) въ 30 де(нь) прес(тавился) г(о)с(ударь)»,²⁹ т.е. указана дата смерти царя Алексея Михайловича. Запись представляет собой фиксацию новости, о которой только что стало известно (это подтверждается и тем фактом, что царь умер не 30 января, а 29-го). Смерть царя, находившегося на престоле более тридцати лет, событие более чем важное, указания его имени автору записи не требовалось, а дата зафиксирована «для памяти». Поэтому можно не сомневаться, что первый слой помет в рукописи относится ко времени, близкому к 1676 году, но сделаны они, в любом случае, до 1682 года, когда скончался преемник Тишайшего Федор Алексеевич.

Л. 66

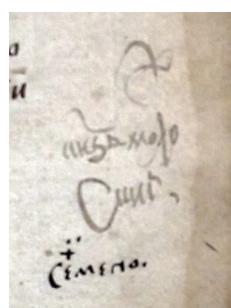
Л. 105 об.

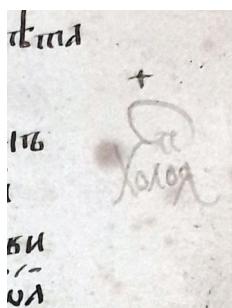
Л. 226 об.

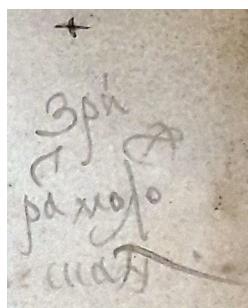
Л. 234 об.

Л. 259

Л. 262

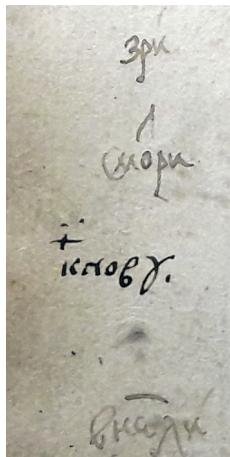

Л. 296

Л. 317

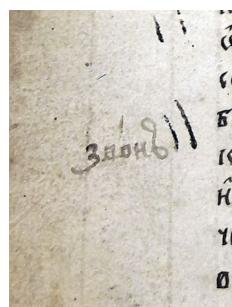
²⁹ Запись опубликована без раскрытия сокращений и не сопровождена комментарием: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. VI.

Л. 253 об.

Л. 254

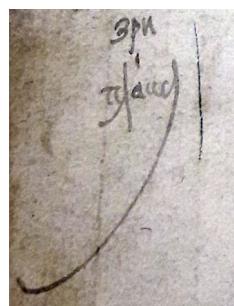
Л. 317 об.

Л. 319

Л. 325

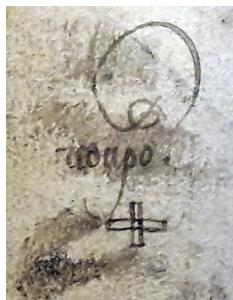
Л. 327 об.

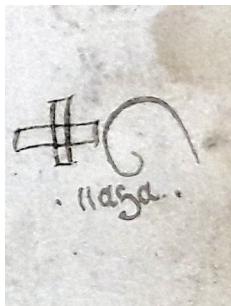
Л. 331

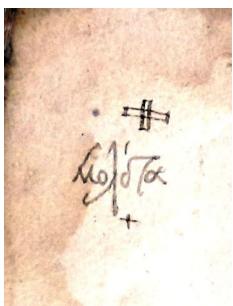
Л. 332

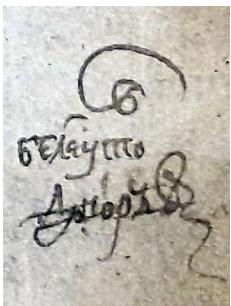
Л. 331 об.

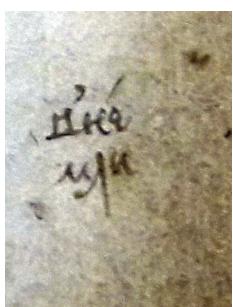
Л. 334

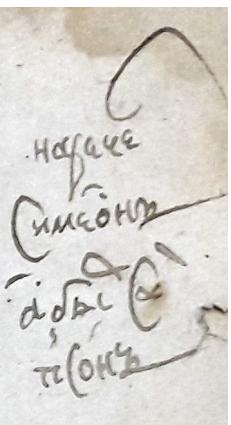
Л. 334 об.

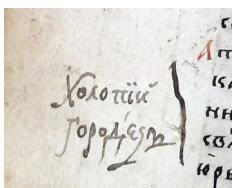
Л. 339

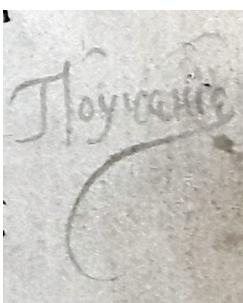
Л. 343

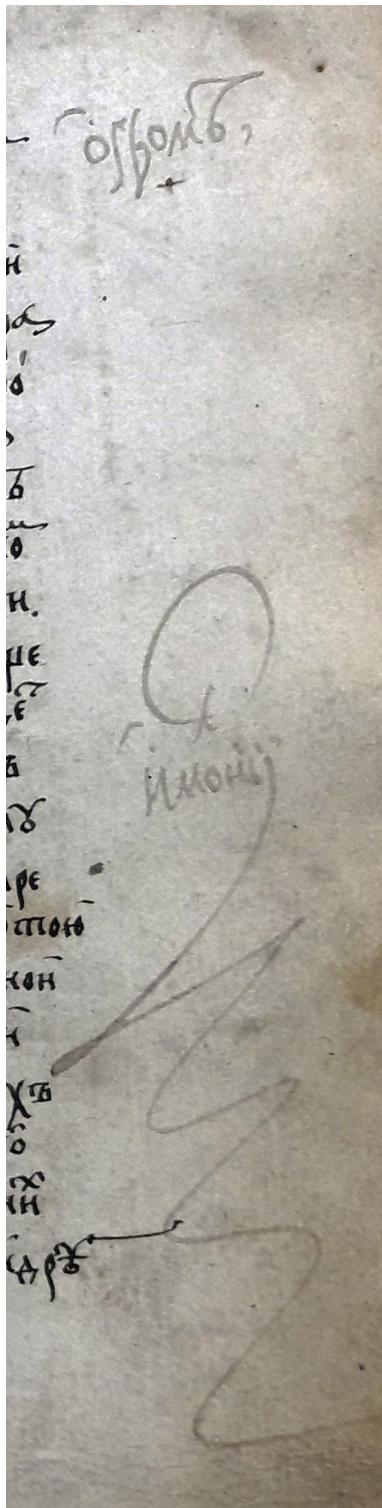
Л. 353

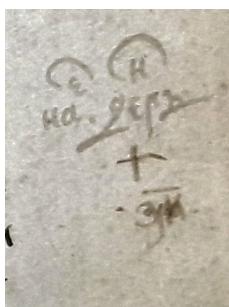
Л. 353 об.

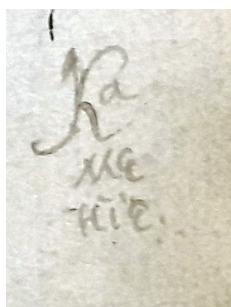
Л. 360

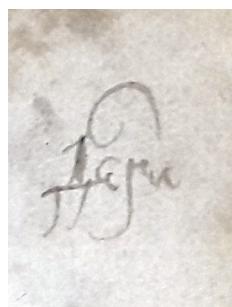
Л. 361

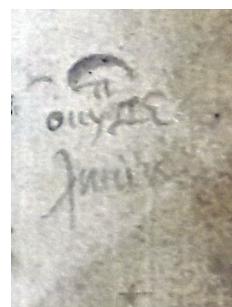
Л. 362

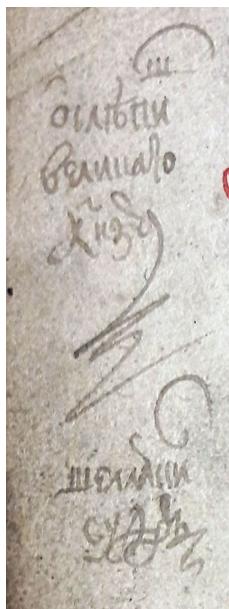
Л. 364

Л. 366

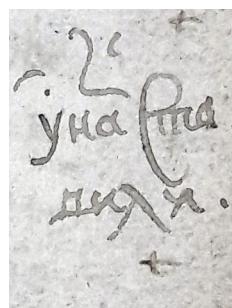
Л. 370

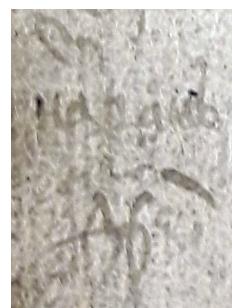
Л. 370 об.

Л. 371

Л. 372

Л. 373 об.

Интерес к Мологе и Угличу, а особенно к теме холопов вызывает прямую ассоциацию с историческим сочинением, составленным одним из деятелей последней четверти XVII — начала XVIII века Тимофеем Петровым, известным в научной литературе под прозвищем «Каменевич-Рвовский». На основе записей, которые Тимофей оставил в нескольких рукописях, выясняется, что «москвитин» Тимофей какое-то время был диаконом Покровской церкви на Рву (т.е. собора Василия Блаженного) — отсюда прозвание «Рвовский», а затем стал иеродиаконом и исполнял обязанности уставщика в Афанасьевском Холо-

пьем монастыре на реке Мологе, приписанном к Воскресенскому Новоиерусалимскому.³⁰

Факты биографии, почерпнутые исследователями из его собственных руковых записей, могут быть представлены следующим образом.

В 1680–1681 гг. Тимофеем написана «Книга, глаголемая Божий град и Послание к Кариону Истомину».³¹

В 1683 г. он назван уставщиком и иеродиаконом Афанасьевского монастыря.³²

К 1684 г. относятся исторические изыскания Тимофея, отразившиеся в тексте, озаглавленном «Книга, именуемая история еллино-греческая и греко-словенская в память предбудущим родом, от кого и в какая лета зачася наша славенорусская земля и кто в ней первый начат княжити» (Син. 964. Л. 166–166 об.).³³

В 1686 г. переписывает перевод Тайная Тайных (БАН, Археограф. ком., № 97. Л. 1).³⁴

В 1689 г. читает «от края до края» книгу Q.I.248.³⁵

В 1692 г. сочиняет Слово на Пасху³⁶ и в этом же году переписывает Книгу о семи мудрецах (РНБ, Q.XV.28).³⁷

В 1699 г. завершает исторический труд «О начале славянороссийского народа», включивший рассказ о Мологе и моложской ярмарке (Син. 964. Л. 494–517 об.).

Последний из выявленных его трудов состоит из нескольких самостоятельных частей и озаглавлен следующим образом: «О начале славянороссийского народа и градов Москвы, Новгорода Великого и прочих». Он сохранился в черновом автографе.³⁸ Это сочинение со-

³⁰ Подробнейший очерк проблем, связанных с жизнью и деятельностью этого автора и наиболее полную библиографию см.: Буланин Д. М., Матвеева Е. И. Тимофей Каменевич-Рвовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 16–25.

³¹ Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Императорского русского археологического общества И. А. Вахрамееву. Вып. 2. М., 1892. С. 502.

³² Варлаам, архим. О пребывании патриарха Никона в заточении в Ферапонтове и Кириллове Белозерском монастыре, по актам последнего, и описание сих актов // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Отд. 1. С. 166–167; Титов, А. А. Рукописи славянские и русские... С. 502.

³³ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 125–126.

³⁴ Буланин Д. М., Матвеева Е. И. Тимофей Каменевич-Рвовский. С. 23.

³⁵ Там же.

³⁶ Титов А. А. Рукописи славянские и русские... С. 499.

³⁷ Буланин Д. М., Матвеева Е. И. Тимофей Каменевич-Рвовский. С. 22.

³⁸ ГИМ, Син. 964. Это конволютный сборник, в котором сохранились и рабочие материалы этого автора, относящиеся к разному времени. Описание рукописи см.: Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях... С. 123–128.

ставлено основе ряда письменных и устных источников, значительная часть которых пока не изучена.³⁹ В его тексте достаточно хитро сплетены сведения, заимствованные из Хроники Стрыйковского, Синописа, Цезаря Барония. Между тем, оригинальными являются известия по топографии угличско-мологского региона, а особый интерес представляют размышления автора о происхождении тех или иных названий, ярко отразившие народную этимологию. Знакомый с трудом М. Стрыйковского русский книжник старательно избегал использования слов «раб» и «слуга» применительно к своим предкам — прародителям «словенороссийского народа», заменяя их словом «холоп». Примечательно, что исследователи, касавшиеся сочинения Тимофея Каменевича, отмечали влияние на содержание его текста летописных известий о новгородских ушкуйниках, организованных в отряды холопов-сбоев,⁴⁰ обращали внимание на размышления автора над значением городков и городищ с прозванием «Холопьих»⁴¹ и на использование выражения «Шемякин Суд»,⁴² ключевых тем, обозначенных на полях Голицынского списка новгородской летописи. Действительно, некоторые фрагменты сочинения иеродиакона Тимофея напрямую связаны не только с содержанием новгородской летописи, но и перекликаются непосредственно с пометами на полях. Приведем несколько примеров.

«Изоставши же тогда и предхрабрии и старособрании и прозванъ* старии холопи их и слуги верныя собирахася вси **—от всеа вселенныя** во свою землю Словенскую и водворишаася посреди Великаго Новаграда своего, и начаша жити со всѣми новогородцы в совѣте и любви в Холопии превелицѣи своеи улицѣ, — тако даже убо*** и до днесъ ****—есть во градѣ ихъ та улица Холопья****, — по званию их наричайомай...».*****

«По преществии же многих лѣт потом великий князь Михаил Тверский повоевал Мологу, грады мологския пожже и люди посѣче...».*****

³⁹ Текст сочинения опубликован в виде серии особо интересных, на взгляд публикаторов, фрагментов (*Гиляров Ф. Предания русской Начальной летописи*. М., 1878. С. 25–39; *Бережков М. Н. Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 г. Т. 1. М., 1890. С. 40–53).*

⁴⁰ *Фроянов И. Я. Мятежный Новгород*. СПб., 1992. С. 52.

⁴¹ *Бережков М. Н. Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка*. С. 47–48.

⁴² *Лапицкий И. П. Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 82–83.*

* Далее несколько букв срезано при переплете.

— Написано над строкой более светлыми чернилами.

*** Написано над строкой.

****—**** Написано над строкой.

***** ГИМ, Син. 964. Л. 510 об.; *Гиляров Ф. Предания...* С. 33.

***** ГИМ, Син. 964. Л. 515; *Гиляров Ф. Предания...* С. 37.

«Такоже на устии славныя Мологи рѣки древле были торги великия и преславныя даже и до днии грознаго господаря и царя Московскаго и всеа России великаго князя Василия Василиевича Темнаго, усмирившаго Рускую землю всю от разбоев и от та[ть]^{*} и от всякого воровства всѣх таковых злых правдою скипетродержавства своего и премудроумным мужеством своим прудукратившаго. И во время же его, прежде Шемякина суда, бывшаго на него великаго государя, сребро тогда с торгов тѣх превеликих Мологских в пошлинах збирали и вѣсили...»^{**}

Весьма соблазнительно полагать, что автором слоя помет, появившихся в Голицынском списке между 1676 и 1682 годами, мог быть сам Тимофеи Петров. Однако нужно учитывать, что данных для однозначной атрибуции недостаточно. Во-первых, сведения о прочтении книги написаны по неровной поверхности неаккуратно приклеенного переплетного листа, что привело к явным искажениям букв при письме. Во-вторых, количество помет на полях рукописи не столь уж велико и ограничивает возможность сопоставления. В-третьих, пометы сделаны на узком пространстве полей, заполнение которых вынуждало автора менять привычное положение руки при письме, что не могло не сказаться на качестве воспроизведения букв и соединительных линий. Добавим также, что и установленные исследователями автографы Тимофея различаются между собой, наводя на мысль о двух характерных для него почерках.⁴³ При этом нельзя не заметить, что почерк ранних выписок, подписанных именем Тимофея Петрова в рукописи Син. 964,⁴⁴ действительно сближается с почерком помет на полях Голицынского списка, существенно отличаясь от почерка более поздних записей в том же сборнике-конволюте, где Тимофеи называет себя кенселиром Каменевичем,⁴⁵ и в других рукописях.⁴⁶

Между тем, содержание «мологских» помет позволяет, как кажется, не сомневаться, по крайней мере, в самом факте знакомства Тимофея Петрова с Голицынской рукописью и предполагать самую непосредственную связь кодекса с Афанасьевским Холопьим монастырем в Мологе,⁴⁷ в то самое время, когда строителем в нем был иеро-

^{*} Восстановлено по смыслу.

^{**} ГИМ, Син. 964. Л. 517 об.; Гиляров Ф. Предания... С. 39.

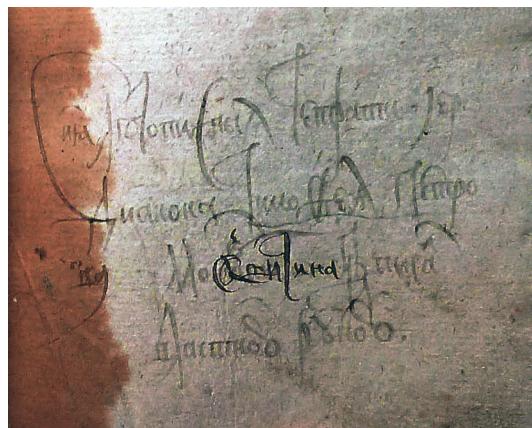
⁴³ Буланин Д. М., Матвеева Е. И. Тимофеи Каменевич-Рвовский. С. 23–24.

⁴⁴ См., например: ГИМ, Син. 964. Л. 342–383.

⁴⁵ См., например: Там же. Л. 494–517 об.

⁴⁶ Почерки в рукописи Син. 964 требуют дополнительного серьезного исследования, а также соотнесения с другими сохранившимися автографами иеродиакона Тимофея.

⁴⁷ Еще одним косвенным свидетельством, безусловно, является и интерес, проявленный к Афанасьевскому монастырю в Новгороде, поставленному в мор (см. помету в Голицынском списке на л. 317).

ГИМ, Син. 964. л. 342

монах Тихон,⁴⁸ а обязанности уставщика исполнял иеродиакон Тимофей.⁴⁹

Более того, есть более веские основания соотносить с деятельностью Тимофея Каменевича пометы в Голицынском списке, относящиеся к 1708 году.

Так, на л. 49 об. сохранились две пространные записи, первая из которых содержит источниковедческое наблюдение ее автора («Зри до здѣ историк грекий Георгии Кедрин»), а вторая представляет собой попытку выстроить ход исторического повествования («Отселѣ же возвратися назад 15 листов: Леон царь и Олег князь. И оттолѣ чти миръ греческий с Русью»). Почерк этих помет вполне соотносим с тем вариантом почерка Тимофея Петрова Каменевича-Рвовского, которым написаны историческое сочинение 1699 года, включившее рассказ о Мологе, и переводные памятники — Тайная Тайных (БАН, Археографической ком., № 97) и Повесть о семи мудрецах (РНБ, Q.XV.28). Кроме того, автор приведенных помет невольно выдал здесь свое знание древних языков — в начале XVIII века перевод «Обозрения истории» Георгия Кедрина не существовало, образованные читатели знакомились с его содержанием по французскому изданию 1647 года.⁵⁰ Сам Тимофей подчеркивал в своем сочинении использо-

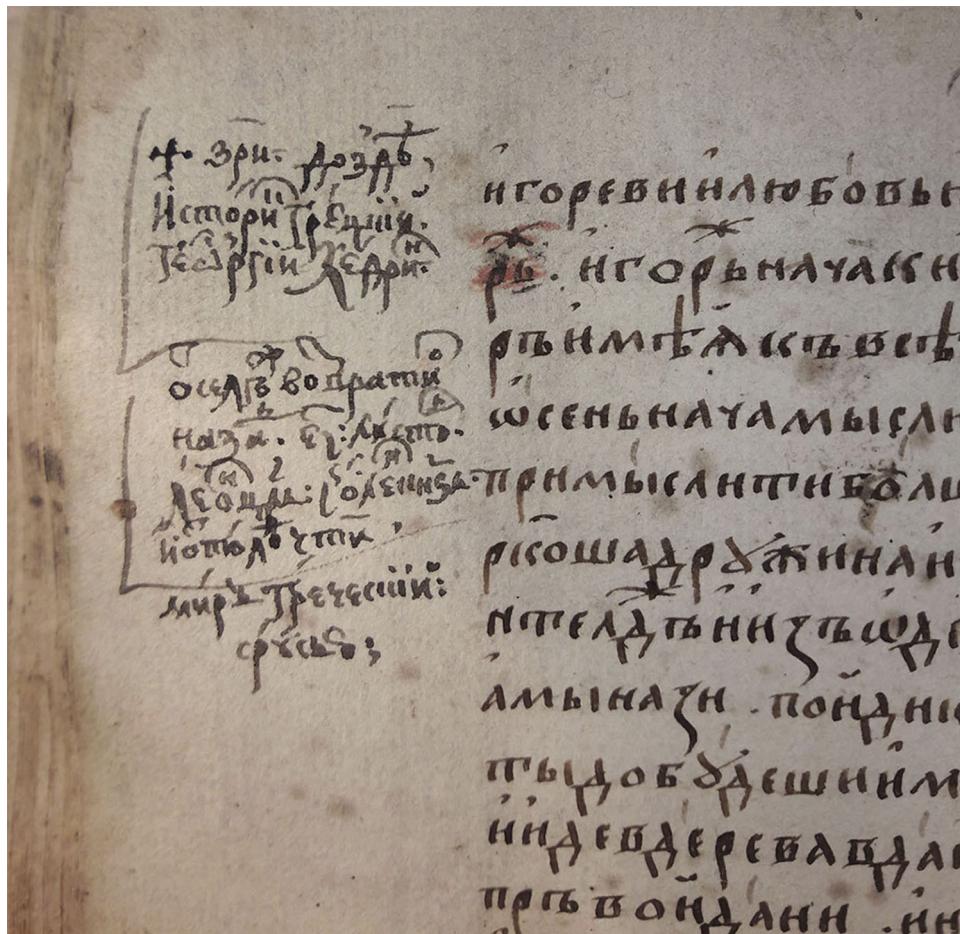
⁴⁸ Леонид, архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам наследствителем оного архимандритом Леонидом // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. С. 47.

⁴⁹ Варлаам, архим. О пребывании патриарха Никона в заточении... С. 166–167.

⁵⁰ См., например, указание современника Тимофея Каменевича — Димитрия Ростовского «Пишущу есми сию книжицу, предложих (по Библиях) Хронографа Греческаго печатнаго, именуемаго Георгия, прозванием Кедрина, иже поживе в Цареграде, в царство благочестиваго царя Греческаго Исаакия Комнина. В того Георгия

вание «греколатинских» «исторических писаний» и «тисненых типографских книг»,⁵¹ а исследователи убеждены в его владении греческим.⁵² Не исключено, что выявленными сочинениями его творчество не ограничивается, а более поздние труды иеродиакона пока просто не известны исследователям.

Ранее мы упоминали, что некоторые из помет «моложского» читателя в Голицынской рукописи были обведены позднее — при чтении

РНБ, QXVII.62. л. 49 об. Фрагмент. Увеличено.

книзе содержится Синопсис историй от начала мира до царства Исаакиева: книга же оная греческим и латинским диалектом печатана в Парисии в 1647 году» (Сочинение святого Димитрия митрополита Ростовского. Ч. 4. М., 1849. С. 33–34). Речь идет об издании: Cedrenus, Georges. Compendium historiarum. Paris, 1647.

⁵¹ Гилляров Ф. Предания... С. 25.

⁵² Буланин Д. М., Матвеева Е. И. Тимофея Каменевича-Рвовского. С. 22.

Зніца Інє премілъ да, ну
Порезна, ю моди да
Сліпельномъ, зъю Попрена.
Іменуєма: Тайна Факінохъ;
Списа: Йою Сиреннаю Кенъ
Свіра Заменника: Рачитъ
и вишелъ. Писанъ Спъхъ.
Пора Жатка, Ічитатка: дбо
Пост Жатка: дбо памдюс
Прочитаніє Японанію вис' Піше
міс сірабо: ру: дебр, на
а. а: тиранъ

Ране нозема, сме дако, сина це

Сара: се Стъм Мартен:

Поместикъ, звѣючи упѣшии употребиши:

Умнієнія Всїх, що міністри були

^{Чре-} Кадетика. Прекийтъжены ^{Доргомы} Стъл:

Всѧкъ Г҃тѹшъкъ сѧ, [х]то мѧгькъ етъ,

Іже Пречисто, Гатирикша ешъ.

житиша, житиша, бъдеша

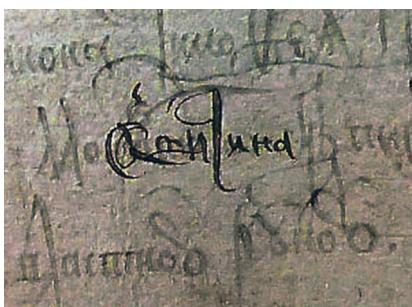
Сош; ми рекы и се дро рвоншиль Каменедыш;

Задбо Симеонъ Тарѣтъ, вѣчнѣйший монахъ

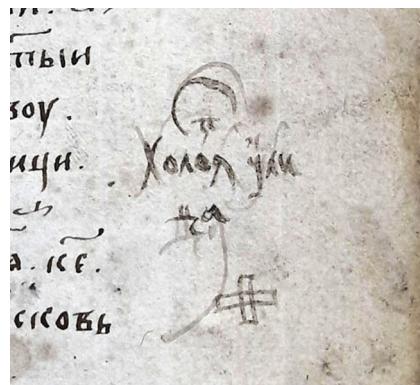
популяризации, разделив на две, безальтернативные

И полущастьи, и
ши, Желанію сихъ охвачъ; **И**мѣна
дѣлъ, 5. 9.

g. 81.1.2

ГИМ, Син. 964. Л. 342

РНБ, Q.XVII.62. Л. 219

книги в 1708 году. Интересно, что в рукописи ГИМ. Син. 964 ряд более ранних светлых записей Тимофея Петрова имеют более позднюю характерную обводку темными чернилами.

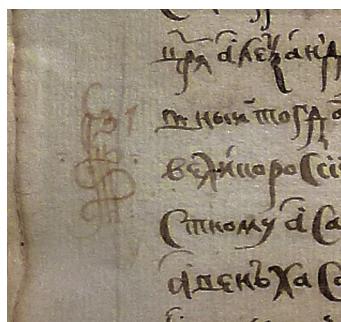
Исследователи обращали внимание на то, что к своим рукописям иеродиакон Тимофей обращался по несколько раз, об этом говорят вставки, уточнения и объяснения, сделанные между строк и на полях более светлыми чернилами.⁵³ Об этом же свидетельствуют и пометки «зри», оставленные им на полях при повторном прочтении. Если подобные пометы, имеющие простые графические начертания, не могут быть уверенно соотнесены с аналогичными пометами в трех выявленных рукописях с историческими сочинениями,⁵⁴ то пометы более сложного рисунка содержат в себе сходный набор достаточно оригинальных элементов.

Еще одна особенность сближает работу читателя Петровского времени, оставившего пометы на трех рассмотренных книгах, с деятельностью иеродиакона Тимофея. Так, сочинение Тимофея Каменевича-Рвовского включает хронологическую выкладку, на основании которой исследователи и датировали создание этого труда 1699 годом: «Великому нашему Новуграду и началу всего рода нашего русскаго сия суть лѣта отдревле възыскашася и нынѣ нами написашася: 4000 и 100 и 14 лѣт по нынѣшний 7207 год».⁵⁵ В публикации Ф. Гилярова

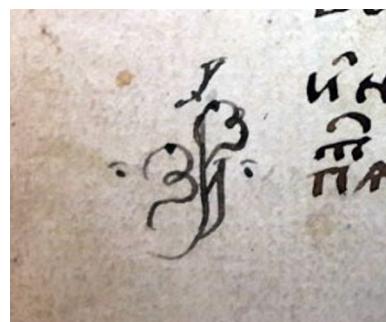
⁵³ Поправки, объясняющие отдельные слова, отмечались исследователями: Булатин Д. М., Матвеева Е. И. Тимофей Каменевич-Рвовский. С. 23.

⁵⁴ Нельзя не отметить, что такие пометы «зри» у Тимофея написаны через «и» десятиричное, тогда как в пометах, встречающихся в рассмотренных рукописях, преувеличивает написание через «и» восьмиричное, а «и» десятиричное встречается всего несколько раз.

⁵⁵ Гиляров Ф. Предания... С. 38.

РНБ, Q.XVII.62.
Л. 194 об.

ГИМ, Син. 964. Л. 509 об.

РНБ, F.IV.178. Л. 225 об.

не учтена помета, находящаяся на нижнем поле и не только относящаяся к этому известию, но и сделанная рукой самого писца, в которой представлен другой хронологический расчет: «1703-го — 4118».⁵⁶ Эта помета демонстрирует, что через четыре года произошло повторное обращение к рукописи, а, кроме того, ее наличие уверенно переносит деятельность Каменевича-Рвовского в следующий век. Мы видим также, что приписка-выкладка по своей форме близка выявленным на полях трех рукописей исторического содержания.

Как кажется, факты биографии Тимофея Петрова, демонстрирующие его достаточно активную деятельность в 1680–1703 гг., не исключают возможности связывать с его персоной пометы на книгах, относящиеся к 1708–1723 гг. Открытым остается вопрос о нижегородских интересах автора помет, о контактах с Нижним Новгородом и с церковью Архистратига Михаила нижегородского кремля, в частности. В этой связи к дальнейшему исследованию может быть привлечен один из списков Летописца о Нижнем Новгороде, входящий в состав позднего конволюта РНБ, СПБДА, № 421 в качестве самостоятельного блока (л. 374–399 об.).⁵⁷ В почерке, которым переписан этот Летописец, несмотря на черты, в целом типичные для московской скорописи конца XVII века, обнаруживается ряд особенностей, характерных, на наш взгляд, для письма Тимофея Петрова Каменевича-Рвовского. Добавим, что абсолютно копийный характер Летописца не вступает в противоречие с известными трудами этого человека, среди которых, наряду с оригиналными сочинениями, сохранились

⁵⁶ ГИМ. Син. 964. Л. 516 об. Еще одна подобная выкладка находится на нижнем поле л. 503. у рассказа о Мосохе.

⁵⁷ Описание рукописи и летописного текста см.: Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII века. Н. Новгород, 2006. С. 20–21. Здесь же обращено внимание на пометы «Зри» и отмечено, что они сделаны почерком, близким основному (С. 21).

и списки произведений других авторов.⁵⁸ К сожалению, ничего не известно о продолжительности пребывания иеродиакона Тимофея в Афанасьевском Моложском монастыре. Вряд ли известная его поездка в 1683 году на Белоозеро, где он представлял интересы головной — Новоиерусалимской — обители,⁵⁹ была единственной. Доступность для него летописных, хронографических и хроникальных материалов, очевидная при анализе самого позднего из его сочинений, завершенного к 1699 году, предполагает, скорее, активное общение иеродиакона в столичных кругах, чем наличие богатейшей библиотеки в моложском монастыре. Более того, даже путь попадания к нему первого тома Русского Хронографа, хранившегося изначально в тверском Савватиевом монастыре, вполне может быть объяснен — в 1693 г. этот монастырь с вотчинами был также приписан к Новому Иерусалиму.⁶⁰ Второй расцвет Новоиерусалимского монастыря, связанный с благосклонностью окружения царя Петра Алексеевича, способствовал не только его укрупнению и притоку ценного имущества из подведомственных монастырей, но и явному расширению связей провинциальных монахов в столичном регионе, частому перемещению монастырских строителей и слуг между приписными монастырями и головной обителью. Все это естественным образом приводило к активизации книгообмена, книготорговли и постоянной миграции книг. Добавим, что в этом контексте и попадание одной из рассмотренных рукописей на Соловки выглядит вполне закономерным, а ее маленький «карманный» формат лишь подтверждает высказанное мнение.

Собранные материалы, безусловно, должны быть учтены при дальнейшем исследовании биографии и творчества этого недооцененного пока писателя рубежа эпох, а выявление подобных удивительных встреч рукописей во времени и в пространстве поможет приоткрыть историю формирования частных рукописных коллекций в первой половине XVIII в.

⁵⁸ Буланин Д. М., Матвеева Е. И. Тимофей Каменевич-Рвовский. С. 22–23.

⁵⁹ Варлаам, архим. О пребывании патриарха Никона в заточении... С. 166–167

⁶⁰ Леонид, архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. С. 108. П. М. Строевым указана точная дата — 13 июля 1693 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 473). К сожалению, в тексте Переписной книги Савватиева монастыря 1693 года перечислены лишь служебные книги (Егоров А. В., Иванов П. С. Тверской монастырь Савватиева пустынь. XIV–XXI вв. Святыни, тексты, исследования. СПб., 2006. С. 206–207). Так или иначе, но Хронограф оказался за пределами Савватиевой обители до 1712 года, когда Сретенский монастырь полностью сгорел (Там же. С. 102–103).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
АРИ — Архив русской истории
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН — Библиотека Академии наук
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ИЗ — Исторические записки
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
НИС — Новгородский исторический сборник
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ОПИ — Отдел письменных источников
ОСРК — Основное собрание рукописных книг
ОФР — Очерки феодальной России
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПЭ — Православная энциклопедия
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РИ — Российская история
РНБ — Российская национальная библиотека
СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жих М. И.</i> О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании	3
<i>Солодкин Я. Г.</i> К предыстории основания первых русских городов и острогов в Сибири.	45
<i>Тимошина Л. А.</i> «Русский иноземец» XVII в. Владимир Иевлевич	57
<i>Новикова О. Л.</i> Пометы Петровского времени в трех известных рукописях XV–XVI веков и труды Тимофея Каменевича-Рвовского	116
Список сокращений	143

Научное издание

**ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»**

Вып. 24

Редактор

С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Художник *Ю. П. Амбросов*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 17.06.2018

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40

E-mail: aarheo@mail.ru

